Бобр
9980

В. Г. ЛЯСКОРОНСКІЙ.

РУССКІЕ ПОХОДЫ ВЪ СТЕПИ

ВЪ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВОЕ ВРЕМЯ

и

ПОХОДЪ КН. ВИТОВТА НА ТАТАРЪ

ВЪ 1399 ГОДУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

Бобр 9980

Бобр
0980

В. Г. ЛЯСКОРОНСКІЙ.

Бобр 9980 21/90

РУССКІЕ ПОХОДЫ ВЪ СТЕПИ

ВЪ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВОЕ ВРЕМЯ

и

ПОХОДЪ КН. ВИТОВТА НА ТАТАРЪ

ВЪ 1399 ГОДУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1907.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1907 годъ.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
436613

Въ древній періодъ жизни южной Руси, при слабой, сравнительно, населенности страны, а, мѣстами, и при полной пустынности ея, при несовершенствахъ путей сообщенія, происходившихъ частью вслѣдствіе недостатка необходимыхъ для дорожнаго дѣла техническихъ свѣдѣній, частью вслѣдствіе невозможности наблюдать и поддерживать на громадномъ пространствѣ цѣлесообразно устроенныя, многочисленныя дорожныя сооруженія, естественно, что пути сообщенія устанавливались и существовали болѣе или менѣе продолжительное время обыкновенно въ такихъ мѣстахъ, которыя представляли собой удобныя природныя условія для постоянныхъ, болѣе или менѣе правильныхъ и интенсивныхъ для того времени передвиженій. Такими мѣстами на обширной русской равнинѣ являются водораздѣльныя возвышенности, съ одной стороны, и ровныя пониженныя пространства, тянущіяся параллельно крупнымъ рѣчнымъ долинамъ,—съ другой. Вотъ въ этихъ-то мѣстахъ обыкновенно и прокладывались въ древности пути сообщенія, которые, разъ установившись, продолжали уже затѣмъ существовать въ теченіе очень долгаго времени, сохраняя свое обычное направленіе. На территоріи юго-восточной Руси, собственно Переяславльскаго княжества, насколько то можно видѣть по имѣющимся въ наукѣ даннымъ, существовали два такихъ пути, извѣстныхъ уже со временъ глубокой древности. Первый путь шелъ по водораздѣлу между Посемьемъ и верховьями лѣвобережныхъ днѣпровскихъ притоковъ: рр. Сулы, Псла, Ворсклы и проч., направляясь въ восточныя, степныя мѣста, залегавшія въ области рр. Дона и Донца; второй—направлялся черезъ низовья рр. Супоя, Сулы, Псла, Ворсклы, Орели и проч. и придерживался тѣхъ равнинныхъ плато, которыя тянутся параллельно днѣпровской долинѣ. Помимо указанныхъ условій, были, конечно, и другія причины, заставлявшія избирать указанные пути: это, во-пер-

выхъ, — обиліе рѣчныхъ водъ, вслѣдствіе множества притоковъ, въ средней части означенныхъ рѣкъ, весьма сильно тормозившихъ быстрый и удобный переходъ черезъ нихъ; во-вторыхъ, — крупные лѣсные участки, мощно раскинувшіеся по среднему теченію рѣкъ, также составляли немаловажное препятствіе для свободнаго, безпрепятственнаго движенія черезъ данную мѣстность; въ-третьихъ,—тактическая особенность рѣчныхъ береговъ, по большей части возвышенныхъ, въ свою очередь не мало задерживала враговъ; наконецъ, ту же роль играла и цѣлая система, цѣпь городковъ-крѣпостей, устроенныхъ въ наиболѣе опасныхъ пунктахъ, на вершинахъ вдающихся въ рѣку мысовъ, на прибрежныхъ холмахъ. Все это было причиной того, что движеніе черезъ указанныя мѣста или не совершалось вовсе, или же, если и совершалось, то обыкновенно признавалось крайне неудобнымъ, опаснымъ и затруднительнымъ. Слѣдовательно, пространство, прикрывавшееся означенными рѣками и лѣсами, не только не представляло какихъ либо удобствъ для передвиженій съ востока, но было обильно снабжено всѣми невыгодными для того условіями. Мѣстами же, нѣсколько болѣе удобными для передвиженій, были, какъ извѣстно, тѣ пространства, которыя находились близъ десно-сейменской долины, въ сѣверной части Переяславльской земли, и близъ днѣпровскаго побережья—въ ея юго-западномъ отдѣлѣ. Такимъ образомъ, они пролегали по краямъ расположенныхъ одинъ за другимъ, постепенно расширяющихся къ востоку междурѣчныхъ участковъ днѣпровскаго лѣвобережья. Этими-то путями и совершались безчисленныя передвиженія въ степи и обратно. Присматриваясь къ отношеніямъ окраиннаго со степью населенія русской земли къ степнякамъ, не трудно замѣтить, что главное направленіе, какимъ обыкновенно двигались русскіе противъ степняковъ: торковъ, печенѣговъ, а затѣмъ — половцевъ и татаръ,—было черезъ низовья рр. Сулы, Псла, Ворсклы, Орели и проч. Это—путь обычныхъ, наиболѣе частыхъ движеній руси въ степи и обратно. Разсматривая эти движенія, мы постараемся сдѣлать изъ нихъ, насколько то позволятъ намъ имѣющіяся въ нашихъ рукахъ данныя, общій выводъ и намѣтить тѣ пункты, которыхъ обыкновенно придерживались русскіе, когда совершали свои походы въ степи.

Первыя организованныя движенія русской земли въ степи относятся ко временамъ глубокой древности и не могутъ быть въ точности возстановлены хронологически. Несомнѣнно, однако, что они ровесники началу политически организованной жизни въ бассейнѣ средняго

Днѣпра. Конечно, точныхъ письменныхъ свѣдѣній объ этихъ походахъ отъ столь отдаленнаго времени до насъ не дошло; у насъ есть только нѣсколько неясныхъ намековъ на это, сохранившихся въ начальной лѣтописи. Такъ, подъ 915-мъ годомъ въ Ипатьевской лѣтописи сказано: „придоша печенѣзи пѣрвое на Рускую землю и створивше миръ съ Игоремъ, идоша къ Дунаю“. Очевидно, подъ вліяніемъ какихъ-то не вполнѣ ясныхъ для насъ условій, но, вѣроятно, вслѣдствіе безпрестанной внутренней борьбы среди степняковъ, печенѣги, конечно, не всѣ, подвинулись къ русскимъ предѣламъ, отъ которыхъ затѣмъ ушли къ Дунаю. Этотъ напоръ, равно какъ и всѣ другіе, какъ увидимъ дальше, происходилъ съ востока, и русскіе князья уже очень рано были вынуждены обращать сюда свое вниманіе. Такъ, пять лѣтъ спустя, въ 920 году, Игорь уже воюетъ съ печенѣгами; „Игорь же воеваше на печенѣгы“ — говоритъ лѣтопись [1]). Хотя въ лѣтописи нѣтъ ясныхъ упоминаній о томъ, гдѣ, т. е. на какой сторонѣ Днѣпра, происходила эта борьба съ печенѣгами, но, судя по послѣдующимъ временамъ и принимая во вниманіе, что главное гнѣздо кочевническихъ племенъ, откуда они предпринимали свои набѣги на Русь, находилось въ степяхъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, можно полагать, что и походъ Игоря на печенѣговъ былъ на днѣпровскомъ лѣвобережьи. Недостатокъ точныхъ свѣдѣній не позволяетъ намъ сдѣлать выводъ объ отношеніяхъ Игоря къ печенѣгамъ во вторую половину его княженія. Несомнѣнно, однако, что печенѣги вновь надвинулись къ предѣламъ русской земли и вступили съ ней въ какіе-то компромиссы, вслѣдствіе которыхъ они и участвуютъ въ походѣ Игоря на грековъ въ 944-мъ году. Русскій князь, однако, не вполнѣ довѣрялъ своимъ союзникамъ, отъ которыхъ онъ беретъ „талей“, т. е. заложниковъ, когда пришлось идти войной на грековъ [2]). Трудно опредѣлить точно, какой районъ земель занимали эти новыя племена печенѣговъ; судя по послѣдующему и по тому, какую роль они сыграли во время послѣдняго похода на грековъ Святослава, эти печенѣги залегали на южномъ пограничьи со степями, захватывая, очевидно, тѣ пункты, которые служили узломъ торговыхъ и военныхъ дорогъ въ степи. А такіе пункты находились, главнымъ образомъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ близъ устьевъ его притоковъ—Сулы, Псла и Ворсклы—были удобныя мѣста для доступа въ русскіе предѣлы. Время Свято-

[1]) Ипат. лѣт., стр. 26.
[2]) Ипат. лѣт., стр. 28.

слава уже нѣсколько болѣе разъясняетъ намъ это отношеніе руси къ степнымъ юго-восточнымъ окраинамъ. Въ лѣто 6473 (965),—говоритъ лѣтопись,—„иде Святославъ на Козары... и бывши брани межи ими, одолѣ Святославъ Козаромъ и городъ ихъ Бѣлуювежю взя. И Ясы побѣди и Касогы, и приде къ Киеву“ [1]). Здѣсь уже мы ясно знаемъ, что походъ былъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра и что онъ касался не только хазаръ, но и ясовъ и касоговъ, движеніе на которыхъ было произведено не безъ цѣли: очевидно, здѣсь уже намѣчалась политика привлеченія въ русскую землю выходцевъ изъ степей, способныхъ нести пограничную защитительную роль. Результаты такого отношенія къ степи не преминули вскорѣ обнаружиться довольно ясно. Такъ, когда Святославъ ушелъ въ походъ изъ Южной Руси, печенѣги нападаютъ на Кіевъ и осаждаютъ его. Эти обостренныя отношенія со степью и привели затѣмъ къ гибели князя Святослава.

Во времена Владиміра св. опредѣляются довольно точно какъ отношенія къ печенѣгамъ, такъ и районъ ихъ главнаго обитанія и направленіе походовъ на нихъ. Владиміръ св. укрѣпляетъ, для защиты отъ печенѣговъ, Посулье [2]); онъ выступаетъ съ войсками къ Переяславлю, чтобы защитить послѣдній отъ печенѣговъ, которые пришли отъ Сулы [3]); наконецъ, онъ посылаетъ, незадолго до своей смерти, князя Бориса, который долженъ былъ идти на лѣвую сторону Днѣпра и отражать предполагавшійся сюда набѣгъ печенѣговъ [4]). Такимъ образомъ, мы уже видимъ здѣсь и обозначеніе пути, какимъ двигались князья на степняковъ: путь шелъ сначала на Переяславль, а отсюда на р. Сулу, въ направленіи ея наиболѣе опасныхъ пунктовъ, т. е. къ низовьямъ р. Сулы [5]). Кромѣ упоминанія о борьбѣ съ печенѣгами, лѣтопись сохранила намъ также интересныя свѣдѣнія и о торкахъ, находившихся въ числѣ войскъ Владиміра св., когда онъ совершалъ свой походъ на болгаръ [6]). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, гдѣ обитали упоминаемые во время означеннаго похода на болгаръ

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 42; Лавр. лѣт., стр. 64.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 83—85.

[3]) Ibidem.

[4]) Ипат. лѣт., стр. 90—92. Сказаніе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскаго, стр. 11—33.

[5]) Интересно отмѣтить, что въ м. Горошинѣ, на Сулѣ, одна сторона древней крѣпости замыкается рѣчкой Борисомъ, названіе которой, быть можетъ, ведетъ свое начало отъ Бориса Владиміровича, по всей вѣроятности, посѣщавшаго эти мѣста.

[6]) Ипат. л., стр. 56; Лавр. л., стр. 82.

торки. Судя по послѣдующему, когда торческія поселенія были обнаружены весьма ясно на лѣвой сторонѣ Днѣпра, можно полагать, что и упоминаемые во владиміровомъ походѣ на болгаръ торки также происходили съ лѣвой стороны Днѣпра. Очевидно, относительно степи русью практиковалась извѣстнаго рода политика, состоявшая въ поселеніи розни среди степняковъ и привлеченіи на свою сторону части ихъ племенъ, которыя, уходя въ предѣлы Руси, не только ослабляли матеріальныя силы степняковъ, но еще и сильно подрывали политическій престижъ ихъ, служа, кромѣ того, заразительнымъ примѣромъ и для другихъ племенъ, находившихся въ союзно-подневольномъ отношеніи къ главнымъ хозяевамъ степи, — сначала печенѣгамъ, а затѣмъ—половцамъ. Въ виду этого, во время интенсивнаго роста Русскаго государства мы видимъ крупную борьбу со степняками, ожесточенно нападавшими на Русскую землю. Этотъ напоръ степняковъ былъ чрезвычайно опасенъ во время междоусобной борьбы среди сыновей Владиміра св. и былъ одной изъ причинъ концентраціи политической власти въ рукахъ одного князя, а именно—Ярослава Мудраго. Послѣдній продолжаетъ относительно степи политику своихъ предшественниковъ. Въ 1029 году онъ ходилъ на ясовъ и полонилъ ихъ: „ходи на Ясы и взятъ ихъ“—говоритъ лѣтопись [1]). Татищевъ даже прибавляетъ, что Ярославъ *перевелъ* этихъ ясовъ на берега р. Роси, но мы не имѣемъ подтвержденія этому въ другихъ лѣтописяхъ. Слѣдовательно, считать ихъ поселенными на правой сторонѣ врядъ ли возможно. Скорѣе можно предполагать, что они были поселены на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ Переяславльской землѣ, такъ какъ этой области грозила со стороны степи бо́льшая опасность, чѣмъ правой, и такъ какъ лѣвобережный князь Мстиславъ Тмутараканскій, незадолго передъ симъ вошелъ въ дружескія отношенія съ Ярославомъ I. По всей вѣроятности, походъ на ясовъ былъ совершенъ въ интересахъ Черниговскаго князя, котораго земли заходили далеко въ степи. Услуга Мстиславу вызывала со стороны послѣдняго услугу для Ярослава, съ которымъ теперь ведутся совмѣстныя дѣйствія противъ враговъ: оба князя ходили войной на Польшу и вывели оттуда многихъ плѣнниковъ, поселенныхъ затѣмъ въ области р. Роси [2]).

Болѣе опредѣленныя указанія на пути, какими совершались походы русскихъ на степняковъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, мы имѣемъ

---

[1]) Никон. лѣт., стр. 79.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 105.

отъ временъ послѣ Ярослава Мудраго. Такъ, въ лѣтописи есть указанія, что въ 1055 году русскіе князья двигались этимъ параллельнымъ днѣпровекой долинѣ путемъ на торковъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ лѣтопись: „Въ то же лѣто (1055) иде Всеволодъ на Торкы зимѣ къ Воіню, и побѣди Торкы“ [1]). Этотъ Воинь, какъ оказывается, находился при устьѣ р. Сулы [2]), а потому походъ сюда зимой, когда стали рѣки, вполнѣ отвѣчалъ намѣренію князя—быстрымъ наступленіемъ застать враговъ врасплохъ и не дать имъ возможности уйти далеко отъ избранныхъ ими для стоянки или обитанія мѣстъ. Мы не знаемъ, однако, всѣхъ подробностей этого похода. Судя по всему, движеніе на торковъ производилось по тому пути, который шелъ параллельно Днѣпру.

Пять лѣтъ спустя, русскіе князья, встревоженные усиленнымъ напоромъ на русскіе предѣлы кочевниковъ-торковъ, приходившихъ, повидимому, не съ добрыми намѣреніями, составили коалицію изъ многихъ союзниковъ и двинулись на торковъ, очевидно, съ цѣлью дать имъ сильный отпоръ. Въ описаніи этого похода лѣтопись сохранила намъ нѣкоторыя подробности, дающія возможность, съ большей или меньшей вѣроятностью, опредѣлить, какимъ путемъ шли князья на торковъ. Въ лѣтописи сказано, что „князья поидоша на конихъ и в лодьяхъ, бещисленное множьство, на Торкы“ [3]). Торки были побѣждены [4]). Очевидно, походъ на торковъ былъ предпринятъ параллельно Днѣпру и направлялся въ тѣ же, что и раньше, или же въ близлежащія къ нимъ мѣста, расположенныя у низовьевъ лѣвобережныхъ днѣпровскихъ притоковъ.

Поуправившись съ торками, которые, пострадавъ отъ войны, частью были поселены въ отведенныхъ имъ мѣстахъ и были обязаны нести военную службу, князья, однако, не могли быть спокойными относительно своего юго-восточнаго пограничья, на которое напирали все новыя и новыя волны кочевниковъ. Особенно много хлопотъ было въ этомъ отношеніи переяславльскимъ князьямъ, принимавшимъ первые удары кочевниковъ съ востока. Не даромъ такъ сокрушенно вспоминаетъ объ этомъ времени Владиміръ Мономахъ, на долю котораго выпала нелегкая задача — охраны юго-во-

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 114.

[2]) См. нашу работу по Исторіи Переясл. земли, стр. 157—8.

[3]) Ипат. л., стр. 114—115.

[4]) Ibidem.

сточныхъ границъ Руси. Набѣги враговъ были почти безъ перерыва. Такъ, около 1085 года Мономахъ долженъ былъ гнаться за рѣку Хоролъ, за половцами, повоевавшими городъ Горошинъ на Сулѣ. „Томъ-же лѣтѣ, — говоритъ Мономахъ, — гонихомъ по Половцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша“ [1]). Въ то же время Мономаху неоднократно приходилось предпринимать активныя мѣры, для отраженія враговъ. Онъ часто ходилъ войной на кочевниковъ, стараясь, очевидно, предупредить враговъ и во-время отразить ихъ. Такъ, вскорѣ послѣ своего вокняженія въ Переяславлѣ (1093 г.), Мономахъ долженъ былъ сражаться съ половцами на Сулѣ. „И пакы по отни смерти и по Святополцѣ, на Сулѣ бившеся съ Половци до вечера“ — говоритъ Мономахъ въ своей духовной [2]). Чтобы предупредить враговъ и не дать имъ возможности вновь напасть на Посулье, Мономахъ предпринимаетъ походъ на половцевъ за Римовъ, лежащій на нижней Сулѣ [3]).

---

[1]) Лавр. л., стр. 239.

[2]) Лавр. л., стр. 240.

[3]) О движеніи половцевъ черезъ низовья р. Сулы есть указанія въ лѣтописи. Въ духовной Мономаха неоднократно упоминается, что половцы посѣщали эти мѣста. „Томъ же лѣтѣ,—говоритъ Мономахъ,—гонихомъ по половцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша“.... и далѣе: „и сѣдѣхъ въ Переяславли 3 лѣта и 3 зимы.... и идохомъ на вои ихъ за Римовъ, и Богъ ны поможе избиша и, а другия поимаше, и пакы Итлареву чадь избиша и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ“. Упоминаніе почти одновременно о Римовѣ и Голтавѣ указываетъ, по нашему мнѣнію, на расположеніе этихъ мѣстъ въ одной линіи движенія въ степи и обратно. Въ 1185 г. половцы, задумавъ напасть на русскія земли, раздѣлились на двое: одна часть пошла грабить Посемье, а другая—направилась къ Переяславлю и на возвратномъ пути отъ послѣдняго. со злости на неудачу, напала на Римовъ и взяла его (Ипат. л. стр. 436). Если принять во вниманіе то обстоятельство, что половцы во время набѣга 1185 года двинулись на грабежъ по двумъ направленіямъ, и что на пути къ Переяславлю они нападаютъ и страшно раззоряютъ посульскіе города, то спрашивается, какой городъ могъ подвергнуться раззоренію отъ возвращавшихся изъ-подъ Переяславля половцевъ, и— какими мѣстами двигались назадъ половцы отъ указаннаго города? Очевидно, половцы разорили Посулье включительно до г. Горошина, гдѣ находилась удобная переправа черезъ рѣку и гдѣ пролегала удобная дорога для слѣдованія къ Переяславлю. Лежащія ниже Горошина мѣста оставались, повидимому, еще не разоренными, и возвращавшіеся отъ Переяславля половцы довершаютъ теперь то, чего не успѣли совершить раньше: они берутъ послѣдній укрѣпленный пунктъ на Сулѣ, и такимъ образомъ въ конецъ разоряютъ Посулье. А что половцы въ это время были очень ожесточены противъ Посулья, видно изъ сообщеній лѣтописи, согласно которымъ во время военныхъ дѣйствій, въ 1185 году, половцы *взяли всѣ города по Сулѣ* (Лавр. л., стр. 99). Такимъ образомъ, и сообщеніе Слова о полку Игоревѣ, что „въ Римѣ (жители) кричатъ подъ саблями половецкими“, является отголоскомъ той кровавой

Походъ былъ удаченъ: половцы были разбиты, и въ руки Мономаха досталось множество плѣнныхъ. Этотъ походъ Мономаха очень интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что указываетъ направленіе, какимъ двигались русскіе въ степи: движеніе совершалось черезъ нижнюю Сулу и проходило по тому пути, которымъ имѣли обыкновеніе пробираться въ русскія земли и половцы, и который впослѣдствіи получилъ названіе „злодѣйскаго“ или же „татарскаго“ [1]).

Чтобы предупредить новый набѣгъ, такъ какъ разбитые половцы имѣли обыкновеніе мстить за обиду, Мономахъ вновь организуетъ походъ, который, какъ и предыдущій, совершается все въ томъ же направленіи: онъ шелъ къ Голтвѣ, расположенной на одной съ Ри-

---

драмы, которая разыгривалась тогда на всемъ Посульи. Слѣдовательно, отступавшіе отъ Переяславля половцы направлялись куда-то черезъ нижнюю Сулу, вблизи которой и надо искать г. Римова. Подтвержденіемъ вышесказаннаго могутъ служить также и маневры русскихъ князей, предпринимаемые для отраженія враговъ. Такъ, когда въ 1179 году половцы подъ начальствомъ Кончака напали на Переяславль, русскіе, зная обычные пути отступленія половцевъ въ степи, быстро двинулись за Сулу и стали близъ Лукомльскаго городища, очевидно, намѣреваясь перерѣзать отступленіе кочевникамъ. Провѣдавшіе объ этомъ половцы поспѣшили другой дорогой отойти въ степи. Точно такой же маневръ собираются продѣлать князья и въ 1185 году. Узнавъ, что половцы грабятъ и воюютъ близъ Переяславля, Святославъ и Рюрикъ, вмѣстѣ съ другими союзниками, пошли *Днѣпромъ* на половцевъ, намѣреваясь, конечно, гдѣ либо застигнуть ихъ при отступленіи въ степи. Услыхавъ объ этомъ, половцы поспѣшно отступили отъ Переяславля и по пути взяли г. Римовъ.

Такимъ образомъ, трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы лѣтописный Римовъ находился на границѣ трехъ уѣздовъ Полт. губ. (роменскаго, прилуцкаго и лохвицкаго), какъ это полагали гг. Голубовскій, Багалѣй и другіе изслѣдователи, или же что подъ этимъ именемъ надо считать г. Ромны (Карамзинъ, II, 72). Во 1-хъ, близъ указываемаго на границѣ трехъ уѣздовъ мѣста нѣтъ болота, куда могли бы скрыться жители г. Римова, какъ сообщаетъ объ этомъ лѣтопись; во 2-хъ, Ромны и Римовъ, какъ справедливо замѣчаетъ Погодинъ (IV, стр. 266), упоминаются въ лѣтописи отдѣльно, и ихъ нельзя смѣшивать. Равнымъ образомъ нѣтъ основаній пріурочивать г. Римовъ къ сел. Римаревкѣ, расположенному на притокѣ р. Псла, Грунѣ, къ с.-в. отъ Гадяча (Барсовъ, Очерки рус. истор. геогр., стр. 163), т. к. основываться исключительно на звуковомъ сходствѣ названія безъ принятія въ соображеніе другихъ обстоятельствъ крайне рискованно и не имѣетъ подъ собой прочныхъ основаній. Такимъ образомъ, мы склонны полагать, что лѣтописный г. Римовъ находился на нижней Сулѣ, вблизи м. Буромки, и что, быть можетъ, м. Буромка и есть лѣтописный Римовъ, тѣмъ болѣе, что мѣстное населеніе называетъ это мѣстечко Бурѝмка, съ ударéніемъ на и, и что насупротивъ его расположено урочище Супромы, близкое по названью къ Римову.

[1]) См. объ этомъ Лазаревскаго: Лубенщина и проч.

мовымъ линіи движенія въ степи: „И паки, — говоритъ Мономахъ — Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ“ [1]). Вообще, сидѣнье Мономаха въ Переяславлѣ было очень труднымъ въ это время: „и сѣдѣхъ в Переяславли, — говоритъ Мономахъ, — 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды прияхомъ отъ рати и отъ голода“ [2]). Такимъ образомъ, записанные въ лѣтописи походы, очевидно, далеко не всѣ, какіе были, совершены этимъ энергичнымъ княземъ, предпринимались для защиты наиболѣе опасныхъ пунктовъ, на пути къ которымъ и стремятся варвары. Эти походы интересны для насъ тѣмъ, что на основаніи ихъ является возможность опредѣлить направленіе походовъ русскихъ на степняковъ и послѣднихъ на Русь. Оказывается, что походы совершались въ этотъ періодъ главнымъ образомъ черезъ нижнюю Сулу и Пселъ, по линіи Буромка—Голтва, въ районѣ, какъ извѣстно, наиболѣе пригоднымъ для быстрыхъ передвиженій. А что половцы въ это время избрали для своихъ набѣговъ мѣстность, расположенную въ Поднѣпровьи или же близъ послѣдняго, видно изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, констатирующихъ неоднократныя ихъ нападенія на эти именно земли, и частые походы сюда Мономаха съ защитительною цѣлью.

Эти усиленныя заботы Мономаха въ указанномъ направленіи возымѣли свое дѣйствіе, и половцы, мало-по-малу, начинаютъ переносить районъ своихъ хищническихъ операцій нѣсколько болѣе къ сѣверу: они начинаютъ теперь усиленно нападать на среднее Посулье. Такъ, къ этому времени относится нападеніе хищнаго Боняка на Посулье. „И Бонякъ приде со всѣми Половци къ Кснятину, идохомъ за ня ис Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ, и князи изьимахомъ лѣпшии“ — говоритъ Мономахъ въ своей духовной [3]). Спустя нѣсколько времени половцы нападаютъ на Лубны: „и паки идохъ на Половци, на Урубу, с Святополкомъ, и Богъ ны поможе; и потомъ паки на Боняка къ Лубьну, и Богъ ны поможе“ [4]), вспоминаетъ Мономахъ. Кромѣ того, судя по всему, не малую роль въ перенесеніи половцами театра своихъ набѣговъ на Посулье, нѣсколько дальше къ сѣверу, играло также и поселеніе торковъ на нижней Сулѣ, о чемъ есть упоминанія въ лѣтописи.

---

[1]) Лавр. л., стр. 240—241.
[2]) Ibidem.
[3]) Лавр. л., стр. 241.
[4]) Ibidem.

Очевидно, зоркое наблюденіе Мономаха за нижней Сулой возымѣло свое дѣйствіе, и половцы, на время, оставляютъ указанный районъ внѣ сферы своихъ хищническихъ нападеній. Защищая Приднѣпровье и прилегающую къ нему мѣстность, на которую, какъ мы видѣли, усиленно нападали кочевники, Мономахъ, очевидно, сумѣлъ устроить дѣло такимъ образомъ, что имѣвшіяся здѣсь наличныя боевыя силы, и русскія, и инородческія, могли быть, въ любое время, направлены и на правую, и на лѣвую стороны Днѣпра,—туда, гдѣ угрожала наибольшая опасность. Вотъ почему къ этому же времени относятся также неоднократные походы Мономаха на Рось. Конечно, эти походы переяславльскаго князя предпринимались имъ прежде всего ради цѣлесообразной защиты своей земли отъ набѣговъ кочевниковъ. Посмотримъ теперь, какое направленіе избирается для походовъ въ степи въ томъ случаѣ, когда они предпринимаются не только переяславльскимъ княземъ, но и другими заинтересованными въ этомъ дѣлѣ князьями русской земли.

Княжескія усобицы, наставшія вслѣдъ за ослѣпленіемъ Василька Ростиславича, нѣсколько отдалили разрѣшеніе вопроса объ отношеніяхъ къ степи. Но едва только отношенія между князьями болѣе или менѣе уладились, какъ настала очередь взяться за разрѣшеніе и этого вопроса. Въ 1101-мъ году князья организуютъ крупный походъ на половцевъ. Въ походѣ принимали участіе многіе князья, такъ какъ походъ былъ задуманъ на широкихъ началахъ. Сборъ княжескихъ дружинъ былъ назначенъ на Золотчѣ, куда мало-по-малу стягивались вооруженныя силы Руси. Эту Золотчу напрасно помѣщали гдѣ-то вблизи Кіева, руководствуясь при этомъ главнымъ образомъ звуковымъ сходствомъ нѣкоторыхъ географическихъ мѣстъ близъ Кіева съ лѣтописной Золотчей. Конечно, такихъ аргументовъ еще не вполнѣ достаточно для опредѣленія того или другого лѣтописнаго названія мѣста. Не соглашаясь съ предшествующими изслѣдователями, мы полагаемъ, что и Золотча, равно какъ и другія мѣста, могутъ быть отыскиваемы не на основаніи одного только звукового сходства названій, а путемъ разсмотрѣнія и подробнаго изученія мѣстности и опредѣленія той роли, какая выпадала на долю того или другого пункта въ извѣстный историческій періодъ. Принимая во вниманіе вышесказанное и возстановляя, въ общихъ чертахъ, картину отношеній Руси къ степи въ указанный періодъ, т. е. въ концѣ XI вѣка, нетрудно замѣтить, что Русь напрягала всѣ силы къ тому, чтобы защитить свои наиболѣе доступныя мѣста на По-

днѣпровьи и въ близлежащихъ къ нему районахъ и старалась какъ можно подальше держать отъ этихъ мѣстъ хищныхъ половцевъ. Кромѣ того изъ послѣдующихъ событій мы узнаемъ, что сборные пункты князей во время ихъ походовъ въ степи находились гораздо ниже Кіева и приходились, даже въ не особенно блестящее для русской политики время, то близъ г. Канева, то близъ Заруба и другихъ сосѣднихъ съ ними мѣстъ. Въ описываемый же нами періодъ, когда былъ организованъ сборъ русскихъ войскъ на Золотчѣ, сборный пунктъ долженъ былъ находиться нѣсколько дальше къ югу отъ указанныхъ мѣстъ: онъ находился какъ бы посрединѣ между ядромъ русской земли и степями; выступавшія сюда войска находились на перепутьи: съ одной стороны, это еще не была степь, а, съ другой, и своимъ домомъ ее назвать было нельзя; здѣсь была страна кочевниковъ торковъ, берендѣевъ и проч., уходившихъ сюда изъ степей, подъ напоромъ грозныхъ повелителей степей—половцевъ, и исполнявшихъ здѣсь роль легкаго коннаго войска, которое быстро могло быть пущено въ дѣло, въ случаѣ какого либо набѣга со стороны степи. Въ виду этого, сборы князей съ войсками въ такомъ именно пунктѣ, среди недавно еще поселившихся выходцевъ изъ степей, не вполнѣ еще надежныхъ и преданныхъ, имѣли полный смыслъ: видя грозныя силы русскихъ, эти новые поселенцы могли смѣлѣе дѣйствовать противъ половцевъ и своимъ участіемъ увеличивать силы русскаго войска. Принимая во вниманіе вышесказанное, мы полагаемъ, что лѣтописную Золотчу съ большой вѣроятностью можно видѣть въ какомъ либо поселеніи на берегахъ рѣки Золотоноши, такъ какъ указанная мѣстность, по своему положенію, близко подходитъ къ тѣмъ условіямъ, какія очерчены нами въ лѣтописи [1]).

Крупныя боевыя силы русскихъ, ихъ искусный маневръ относительно поселенныхъ въ руси выходцевъ изъ степей и удачно выбранный пунктъ сборнаго мѣста для союзныхъ войскъ, откуда можно было быстро проникнуть въ степи, испугали половцевъ, которые предупредительно выслали своихъ пословъ съ просьбой заключить миръ. Послѣдній былъ заключенъ у Сакова, мѣстности, судя по нѣкоторымъ даннымъ, расположенной не у Переяславля, т. е. выше послѣдняго, какъ полагали наши изслѣдователи — г. Голубовскій, Барсовъ и другіе,—

---

[1]) Золотчу 1101 года не надо смѣшивать съ Золотчей 1151 г., которая находилась близъ Кіева. Нельзя, вѣдь, утверждать, что мѣстность съ вышеупомянутымъ именемъ существовала *только одна*.

а на значительномъ разстояніи отъ означеннаго города, на крайнемъ пограничьи русской земли со степью. Въ самомъ дѣлѣ, уже одно то обстоятельство, что половцы сами, безъ войны, прислали просить мира, говоритъ въ пользу того, что не въ русскихъ предѣлахъ заключался миръ со степняками: русскимъ было выгоднѣе не пускать въ свои предѣлы степняковъ, а договариваться съ ними на мѣстѣ, съ постоянной угрозой быстраго движенія, въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній. Если принять затѣмъ во вниманіе, что большинство договоровъ съ половцами, въ періодъ слабости русской земли вслѣдствіе политическихъ смутъ, происходило не вблизи Кіева, а значительно ниже Переяславля, и что постепенное перемѣщеніе вглубь страны, т. е. назадъ, договорныхъ мѣстъ съ половцами шло параллельно съ упадкомъ политическаго значенія русской земли, то намъ станетъ понятнымъ, почему лѣтописный Саковъ надо искать на пограничьи со степями, т. е. на линіи рѣки Ворсклы, близъ ея нижняго теченія.

Такимъ образомъ, мы рѣзко расходимся съ тѣми изслѣдователями, которые пріурочивали лѣтописный Саковъ къ мѣстности, лежащей неподалеку отъ г. Переяславля. Эти изслѣдователи (Голубовскій, Багалѣй и проч.), неизвѣстно, въ силу какихъ соображеній, пріурочивали лѣтописный Саковъ то къ м. Салькову, лежащему на лѣвой сторонѣ Днѣпра, нѣсколько выше г. Переяславля, то къ мѣстности близъ древняго Витичева, на правой сторонѣ Днѣпра. Эти изслѣдователи, повидимому, опирались въ своихъ выводахъ только на одно лишь звуковое сходство лѣтописнаго названія съ выставляемой ими мѣстностью. Конечно, трудно согласиться съ подобнаго рода доводами; необходимо принимать во вниманіе и другія обстоятельства, помощью которыхъ можно выяснить роль и значеніе, какія играла та или иная мѣстность въ исторіи.

Нѣкоторые, однако, изслѣдователи, кстати сказать довольно опытные, какъ, напримѣръ, Карамзинъ, считали Саковъ мѣстностью, лежавшей „*гораздо ниже Кіева*“, на восточномъ берегу р. Днѣпра [1]). Это неопредѣленное указаніе Карамзина мы имѣемъ возможность подтвердить имѣющимися у насъ подъ руками данными и сдѣлать попытку болѣе или менѣе точнаго опредѣленія мѣстоположенія лѣтописнаго Сакова. Этотъ послѣдній, судя по ходу дѣлъ, находился на далекомъ пограничьи Переяславльской земли, въ близкомъ сосѣдствѣ со степями, начинавшимися тотчасъ за р. Ворсклой. Несомнѣнно, что наблюдать

[1]) *Карамзинъ*, II, стр. 171.

за этой степью и оберегать отъ непріятельскихъ вторженій русскіе предѣлы было вмѣнено въ обязанность посаженнымъ тамъ турпѣямъ и другимъ выходцамъ изъ степей, подобно тому, какъ это вмѣнялось и другимъ степнякамъ, поселеннымъ на опасныхъ, пограничныхъ со степями мѣстахъ. Понятно, эта роль саковскихъ турпѣевъ была не изъ легкихъ, такъ какъ имъ постоянно грозили половцы, имѣвшіе возможность,—при благопріятныхъ условіяхъ, особенно во время княжескихъ междоусобицъ, когда надѣяться на своевременную помощь князей было трудно,—отомстить турпѣямъ. Въ виду этого, саковскіе турпѣи, или, лучше сказать, торки, тяготились своею службой и всячески старались уйти отъ нея въ какое либо другое, болѣе безопасное для нихъ мѣсто. Случай вскорѣ представился, и саковцы не замедлили имъ воспользоваться. Въ 1095 году, во время правленія въ Кіевѣ Святополка II, саковскіе торки, подъ давленіемъ половцевъ, оставляютъ свои земли и переселяются въ предѣлы кіевской земли, къ Юрьеву, гдѣ и входятъ въ кругъ уже имѣвшихся здѣсь черно-клобуцкихъ поселеній, которыя, находясь въ болѣе защитныхъ отъ нападеній условіяхъ и отстоя на болѣе близкомъ разстояніи отъ Кіева, были въ болѣе благопріятныхъ относительно безопасности условіяхъ, чѣмъ раньше. Необходимо, однако, замѣтить, что саковскіе торки, повидимому, не всѣ ушли изъ занимаемыхъ ими земель; часть ихъ осталась близъ Сакова, или же, быть можетъ, на смѣну ушедшихъ явились новые ихъ сородичи, выходцы изъ степей, и поселились въ указанныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, установилась связь между лѣвобережными и правобережными саковцами, которые представляли одинаковый по своему составу и организаціи элементъ, которымъ можно было легко воспользоваться при удобныхъ обстоятельствахъ. Понятно отсюда, что, когда возгорѣлась борьба между Юріемъ Долгорукимъ и Изяславомъ II, послѣдній, желая привлечь къ себѣ, на Поросье, и остальныхъ саковскихъ торковъ, послалъ своего сына, Мстислава, сдѣлать диверсію къ Днѣпру и привлечь на свою сторону обитавшихъ на лѣвой сторонѣ турпѣевъ. Узнавъ объ этомъ, находившійся въ Переяславлѣ Ростиславъ Юрьевичъ предупредилъ Мстислава: оставивъ въ Переяславлѣ своего брата Андрея, онъ бросился къ Сакову, согналъ находившихся тамъ турпѣевъ и привелъ ихъ къ Переяславлю [1]). То обстоятельство, что Ростиславъ Юрьевичъ, задумавъ привлечь на свою сторону турпѣевъ, быстро двинулся къ Сакову —

[1]) Ипат. лѣт., стр. 277.

„*на* к Сакову и сгони Турпѣе у Днѣпра“ — говоритъ лѣтопись, — указываетъ, по нашему мнѣнію, на дальность разстоянія Сакова отъ Переяславля. Другимъ доказательствомъ, что упоминаемый въ лѣтописяхъ Саковъ находился не близъ Переяславля, а значительно ниже его, служатъ отношенія Изяслава Мстиславича къ черно-клобуцкому элементу во время борьбы за кіевскій престолъ. Заручившись помощью черныхъ клобуковъ, обитавшихъ на Поросьи, Изяславъ Мстиславовичъ, для достиженіи успѣха, имѣлъ въ виду привлеченіе на свою сторону и другой части торческихъ племенъ, обитавшихъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра — именно турпѣевъ. Посланный для этого дѣла Мстиславъ Изяславовичъ долженъ былъ содѣйствовать соединенію этихъ двухъ половинъ черныхъ клобуковъ. Конечно, если бы турпѣи жили близъ Поросья, т. е. насупротивъ него на лѣвой сторонѣ Днѣпра, то дѣло не представляло бы особой трудности, и его съ успѣхомъ могли бы исполнить и сами поросьскіе черные клобуки: для привлеченія же обитавшихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ кіевскихъ границъ турпѣевъ потребовалось личное участіе князя Мстислава Изяславовича.

Принимая затѣмъ во вниманіе, съ какой послѣдовательностью и настойчивостью проводились князьями русской земли обширные и цѣлесообразные планы относительно защиты границъ южной Руси отъ враговъ, можно полагать, что послѣ столь грознаго для степей правленія черниговскаго князя, Мстислава Тмутараканскаго, умѣвшаго держать степняковъ въ должномъ страхѣ, и послѣ не менѣе искуснаго и твердаго правленія Ярослава Мудраго, укрѣпленная линія, имѣвшая цѣлью защитить страну отъ кочевниковъ, была продвинута до р. Ворсклы, на низовьяхъ которой были, конечно, примѣнены тѣ же способы и пріемы защиты, какъ и на р. Сулѣ, и въ другихъ мѣстахъ, т. е. здѣсь, въ удобныхъ мѣстахъ, по нагорьямъ праваго берега рѣки, были выстроены соотвѣтствующія укрѣпленія, а въ опасныхъ проходахъ, особенно тамъ, гдѣ открывалась широкая днѣпровская долина, были поселяемы разнаго рода выходцы изъ степей: турпѣи, берендѣи, торки и проч., уходившіе отъ тяжелыхъ условій степной, зависимой отъ половцевъ жизни.

Поэтому, прослѣдивъ цѣлый рядъ древнихъ городищъ на нижнемъ теченіи р. Ворсклы, мы полагаемъ, что однимъ изъ такихъ укрѣпленныхъ пунктовъ и былъ г. *Саковъ*, на низовьяхъ р. Ворсклы, въ которомъ, съ бо́льшей или меньшей вѣроятностью, можно видѣть нынѣш. м. Сокóлки или Соколовъ, сохранившее и понынѣ, какъ относительно своего мѣстоположенія, такъ и величины и характера своихъ укрѣпленій, всѣ

типичныя черты древнихъ княжескихъ городковъ [1]). По всей вѣроятности, лѣтописный Саковъ и есть испорченное слово Соколовъ, которое, какъ мы имѣли возможность читать въ одномъ изъ документовъ болѣе поздней эпохи, писалось Sakuwka и Sakulo. Кромѣ того, аналогичное названіе Соколова мы знаемъ также на юго-западной порубежной украинской границѣ, гдѣ оно извѣстно уже со временъ глубокой древности и гдѣ его роль, а, можетъ быть, и самое названіе были вызваны соотвѣтствующими условіями пограничной со степью боевой жизни и несомнѣнно близкою связью его съ такъ называемымъ въ лѣтописи Саковомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, связь лѣтописнаго Сакова съ нынѣшнимъ с. Соколовкой, находящейся въ области р. Роси, близъ притока послѣдней Рута, выясняется вполнѣ опредѣленно изъ слѣдующаго. Въ 1095 году кіевскій князь, Святополкъ II, перевелъ во вновь выстроенный городъ, поближе къ Кіеву, жителей г. Юрьева и поселенныхъ близъ послѣдняго саковцевъ [2]). Оставленный Юрьевъ былъ сожженъ половцами, а затѣмъ русскій князь возобновилъ его вновь.

Въ настоящее время выяснено, что упоминаемый въ лѣтописи подъ означеннымъ годомъ Юрьевъ находится на р. Роси, близъ впаденія въ послѣднюю р. Рута. Здѣсь, между с. Соколовкой и Глушками, находится городище, съ трехъ сторонъ окруженное р. Ротомъ и болотами, и съ четвертой—валомъ; по пространству, городище очень обширно: оно занимаетъ свыше 136 десятинъ. По преданію, на мѣстѣ этого городища находился когда-то г. Соколовъ [3]). Кромѣ

---

[1]) Древнія укрѣпленія нынѣшняго Соколова, на Ворсклѣ, представляютъ собой типичныя черты княжеской эпохи. Высокій, мысообразно выступающій къ рѣкѣ Ворсклѣ гребень нагорнаго плато занятъ, на своей вершинѣ, валомъ, идущимъ по контурамъ возвышенности и представляющимъ въ своихъ очертаніяхъ фигуру несовсѣмъ правильнаго овала. Въ сѣверной части, примыкающей перешейкомъ къ нагорному плато, городище защищено валомъ и рвомъ на внѣшней сторонѣ. Валы и рвы городища сохранились еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно хорошо, напримѣръ, въ восточной его части, гдѣ валы нависали надъ самой рѣкой. Въѣздъ въ городокъ былъ съ сѣвера, а спускъ съ юга. Внутри городка поверхность совершенно гладкая. Положеніе городища, изолированнаго отъ окружающихъ возвышенностей, было чрезвычайно благодарно въ тактическомъ отношеніи: пробраться въ него было очень трудно, а его высокое, доминирующее надъ окружающей мѣстностью положеніе, дававшее возможность наблюдать далеко вокругъ и вовремя предупреждать опасность, дѣлало это мѣсто чрезвычайно важнымъ въ стратегическомъ отношеніи.

[2]) Ипат. л., стр. 159—160.

[3]) Фундуклей, стр. 28.

того невдалекѣ отъ указаннаго городища, близъ с. Соколовки, есть другое городище, значительно меньшихъ размѣровъ (около $1^3/_4$ десятинъ), но защищенное линіей огромнаго вала, идущаго отъ с. Устиновки на Саливанекъ [1]). Вотъ въ одномъ изъ описанныхъ городищъ ученые и признаютъ древній городъ Юрьевъ.

Такимъ образомъ, оказывается, что близъ развалинъ древняго Юрьева сохранилось поселеніе съ именемъ *Соколовъ*, по преданіямъ, ведущее свое начало отъ временъ глубокой древности и, по всей вѣроятности, получившее свое названіе отъ выходцевъ изъ Сакова или Соколова, перенесшихъ,—какъ это можно замѣчать среди переселенцевъ и въ настоящее время,—старыя названія своихъ поселеній на новыя мѣста. Слѣдовательно, если перенесенное, производное изъ стараго, названіе является Соколовымъ, то и его родоначальникъ, или старое названіе, также должно носить имя Соколова, а не Сакова. Саковскіе переселенцы на правой сторонѣ Днѣпра не покидаютъ, однако, связи съ днѣпровскимъ лѣвобережьемъ: въ 1141 году Лазарь Саковскій, бывшій тысяцкимъ русской земли, приводилъ на помощь Переяславлю печенѣговъ, очевидно, изъ поросьскаго района [2]). По всей вѣроятности, и самый эпитетъ Лазаря—Саковскій—полученъ этимъ государственнымъ мужемъ отъ подчиненныхъ его вѣдѣнію саковскихъ поселенцевъ, о мѣстопребываніи которыхъ сказано нами выше.

Возвращаемся къ прерванному разсказу о походахъ въ степи. Такимъ образомъ, походъ 1101 года, задуманный на широкихъ началахъ, не былъ доведенъ до конца, т. к. половцы, предвидя печальныя для себя послѣдствія, въ случаѣ сопротивленія, поспѣшили предупредить опасность и заключили миръ съ русскими. Однако, надѣяться на спокойствіе со стороны степей было трудно: половцы представляли множество отдѣльныхъ ордъ, каждая изъ которыхъ могла дѣйствовать самостоятельно и независимо отъ другихъ, могла въ любое время напасть на предѣлы русской земли и сотворить ей „много зла“. Конечно, раньше всего, наиболѣе часто и чувствительно, приходилось испытывать удары пограничнымъ со степями землямъ—Переяславльской и Кіевской. Другихъ земель половецкія волны касались только мимоходомъ, стороной, и въ значительно ослабленномъ видѣ; только черниговскіе предѣлы, выдвинутые къ юго-востоку, подвергались иногда крупнымъ набѣгамъ степняковъ.

---

[1]) Фундуклей, Обозр. могилъ, валовъ и гор. Кіев. г., стр. 28.

[2]) Ипат. л., стр. 222—3; Лавр. л., стр. 294; Воскр. л., стр. 33.

Въ виду этого, князья рѣшаютъ принять мѣры къ предупрежденію грозившей опасности. Въ 1103 году они задумываютъ предпринять походъ на половцевъ ранней весной. Особенно много хлопоталъ объ этомъ переяславльскій князь, Владиміръ Мономахъ, путемъ опыта пришедшій къ выводу, что лучшей охраной страны является не отраженіе опасности въ моментъ ея наступленія, а предупрежденіе ея заранѣе принятыми цѣлесообразными мѣрами.

Весной 1103 года сильное войско, подъ начальствомъ многихъ князей: Святополка II, Владиміра Мономаха, Давида Всеславовича, Вячеслава Ярополкова и проч.—двинулось на половцевъ. Первымъ выступилъ изъ Переяславля Владиміръ Мономахъ, а затѣмъ за нимъ пошли съ войсками Святополкъ II и остальные князья. Часть войска, пѣхота, плыла на судахъ, другая часть, конница,—шла берегомъ Днѣпра: „Володимеръ же поиде Переяславлю,—говоритъ лѣтопись,—а Святополкъ по немъ, и Давидъ Свитославичъ, и Давидъ Всеславичъ... и поидоша на коняхъ и въ лодьихъ“ [1]). Движеніе совершалось параллельно Днѣпру, по той приднѣпровской долинѣ, которая разстилается близъ береговъ Днѣпра и сопровождаетъ послѣдній почти на всемъ его среднемъ лѣвобережьи. Цѣль похода была пробраться вглубь степей и застать враговъ въ ихъ собственной землѣ, въ періодъ наибольшей ихъ слабости, совпадающій обыкновенно съ ранней весной, когда отощавшіе за зиму скотъ и лошади не имѣли еще достаточныхъ силъ для продолжительныхъ и далекихъ передвиженій. Путь русскаго войска въ степи шелъ черезъ нижнія теченія рр. Сулы, Псла, Ворсклы и Орели; отъ послѣдней рѣки русскія войска придвинулись къ р. Самарѣ, гдѣ, близъ пороговъ, произошла высадка пѣхоты, плывшей на судахъ [2]). Интересно отмѣтить, что становища половцевъ находились не близъ Днѣпра, а въ разстояніи 4 дней пути отъ мѣста высадки войскъ, т. е. въ разстояніи, приблизительно, 90 или 100 верстъ къ юго-востоку. Походъ окончился удачей: половцы были разбиты, и князья съ торжествомъ и значительной добычей возвратились домой [3]).

Въ лѣтописномъ разсказѣ объ этомъ походѣ заключается одна, очень интересная для насъ подробность: повоевавъ половцевъ, князья выводятъ изъ степей печенѣговъ и торковъ, которыхъ и водворяютъ затѣмъ въ предѣлахъ русской земли, въ наиболѣе опасныхъ ея мѣ-

[1]) Лавр. л., стр. 267.
[2]) Лавр. л., стр. 267.
[3]) Ibidem; Ипат. л., стр. 183—185.

стахъ. Судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, выведенные изъ степей кочевники были поселены на пограничныхъ со степями полосахъ какъ правой, такъ и лѣвой сторонъ Днѣпра. На правой сторонѣ Днѣпра они были поселены близъ Юрьева, незадолго передъ симъ оставленнаго, какъ извѣстно, русскими и сожженнаго наступившими затѣмъ сюда половцами.

Изъ лѣтописнаго разсказа мы знаемъ, что поселенные у Юрьева торки носятъ названіе „засаковцевъ“, очевидно получившихъ такое имя вслѣдствіе того, что они были взяты изъ тѣхъ торческихъ племенъ, которыя кочевали гдѣ-то за Саковомъ. Наименованіе выходцевъ изъ степей *засаковцами*—очень характерно: оно опредѣляетъ мѣстожительство выходившихъ въ Русь кочевниковъ. Это, по всей вѣроятности, былъ одинъ изъ тѣхъ степныхъ народцевъ, которые, находясь въ сосѣдствѣ съ юго-восточной границей русской земли, ускользали изъ подъ власти половцевъ. Придвинувшись къ русскимъ предѣламъ, онъ былъ уже на пути къ переходу въ Русь. Слѣдовательно, онъ обиталъ гдѣ-то за линіей крайнихъ русскихъ предѣловъ, близъ того мѣста, которое представляло удобства для перехода въ русскую землю, т. е. близъ обычнаго пути кочевниковъ въ послѣднюю. Такъ какъ наиболѣе удобный путь проходилъ черезъ низовья р. Ворсклы, и такъ какъ здѣсь, полагаемъ, находился Саковъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему и обитавшіе за Саковомъ кочевники получаютъ названіе *засаковцевъ*: они обитали за Саковомъ. Слѣдовательно, эпитетъ „засаковцы“ вполнѣ подходящъ къ тѣмъ кочевникамъ, которые обитали за Саковомъ (или Соколовомъ) и которыхъ затѣмъ поселили близъ возобновленнаго города Юрьева, „его же бѣша пожгли половци“ [1]). Что касается того, въ какихъ именно мѣстахъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра была поселена другая часть выведенныхъ изъ-за Сакова торковъ, отвѣтить на это не особенно трудно: зная хорошо цѣль увода въ русскіе предѣлы степняковъ, можно полагать, что выведенные изъ степей, отъ половцевъ, торки были поселены близъ Сакова, что на Ворсклѣ, къ западу отъ послѣдняго, очевидно, съ той же самой цѣлью, какъ это дѣлалось и въ другихъ, опасныхъ мѣстахъ русской земли, по которымъ имѣли обыкновеніе двигаться степняки. Что это было такъ, и что торческія поселенія находились въ указанныхъ мѣстахъ, не трудно убѣдиться изъ послѣдующихъ событій: въ періодъ борьбы Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мсти-

[1]) Лавр. л., стр. 269.

славовичемъ за великокняжескій престолъ мы видимъ торковъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ мѣстности не особенно удаленной отъ теченія послѣдняго, но отстоящей не близко отъ Переяславля; поселенные здѣсь торки названы лѣтописью *турпѣями*. Если бы послѣдніе обитали гдѣ-либо вблизи Переяславля, то сидѣвшіе въ немъ князья, при первыхъ же военныхъ столкновеніяхъ, постарались бы воспользоваться ими и, такъ или иначе, привлечь ихъ на свою сторону. Но этого мы не видимъ; напротивъ, ходъ дѣлъ указываетъ, что турпѣи были далеко отъ Переяславля: когда послѣднему стала угрожать опасность перехода подъ другую власть, торки, повидимому, спокойно остаются на своихъ мѣстахъ, не выказывая ни малѣйшей готовности дѣйствовать въ интересахъ переяславльскаго князя, и только подъ давленіемъ силы они придвигаются къ окрестностямъ Переяславля.

Извѣстія лѣтописи о выводѣ торковъ и другихъ соплеменныхъ имъ кочевниковъ изъ степей и поселеніе ихъ въ русскихъ предѣлахъ, въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ, являются чрезвычайно интересными и довольно цѣнными для выясненія основныхъ началъ русской политики относительно степи. Оказывается, что русскіе князья, открывши борьбу со степью, старались не только нанести уронъ половцамъ въ ихъ боевыхъ силахъ, но, насколько возможно, ослабить ихъ политически, отторгая у нихъ съ каждымъ походомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, все больше и больше, подчиненныя имъ полукочевыя племена и утилизируя ихъ въ своихъ интересахъ. Поселяя торковъ на пути давнихъ, наиболѣе удобныхъ, излюбленныхъ и обычныхъ половецкихъ дорогъ, какими кочевники имѣли обыкновеніе вторгаться въ предѣлы русской земли, князья достигали двоякой цѣли: съ одной стороны, новые поселенцы обязаны были нести сторожевую военную службу, отражая, по возможности, наступленіе враговъ; съ другой—занятыя торками мѣста являлись болѣе безопасными пунктами, на которые, въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій въ степи, было бы легко опереться. Очевидно, мѣры, предпринимавшіяся русскими относительно половцевъ, были вырабатываемы постепенно, послѣдовательно и, благодаря опытамъ,—болѣе или менѣе цѣлесообразно. Эти мѣры, при строгомъ соблюденіи ихъ, привели къ тому, что половцы, въ своихъ набѣгахъ на русскія земли, стали уклоняться отъ своего обычнаго направленія, избравъ райономъ своихъ хищническихъ операцій мѣстность, расположенную нѣсколько къ сѣверу отъ давняго, излюбленнаго, болѣе удобнаго и хорошо знакомаго имъ пути: прежняя дорога стала для нихъ опасной, трудной и часто гибельной.

Обративъ серьезное вниманіе на главные, наиболѣе удобные пути въ степи и, по возможности, обезопасивъ ихъ, русскіе князья, при удобномъ случаѣ, пользуются ими для своихъ наступательныхъ дѣйствій противъ кочевниковъ.

Въ 1110 году трое князей—Святополкъ II, Владиміръ Мономахъ и Давидъ Святославовичъ—задумали вновь совершить походъ на половцевъ. Собравъ свои войска, они весной 1110 года двинулись въ походъ, но, достигнувъ Воиня, что на нижней Сулѣ, возвратились назадъ, вслѣдствіе конскаго падежа, какъ объясняетъ это одна изъ лѣтописей [1]). Намъ неизвѣстны, въ дѣйствительности, ни мотивы такого движенія русскихъ князей въ степи, ни причины ихъ скораго возвращенія назадъ: быть можетъ, это была рекогносцировка или предупредительное движеніе на случай могущаго быть нападенія со стороны половцевъ, или же здѣсь являлась угроза степнякамъ, чтобы они знали о бдительности русскихъ и объ ихъ готовности отразить набѣгъ.

Походъ князей, какъ оказывается, не былъ напрасенъ: въ томъ же году половцы появлялись близъ Воиня, но, вѣроятно, вслѣдствіе того, что своевременно были предприняты мѣры обороны, половцы ушли назадъ ни съ чѣмъ [2]).

Движеніе русскихъ совершалось и въ этотъ разъ по тому же обычному пути, черезъ залегающія близъ днѣпровской долины равнинныя плато, расположенныя близъ нижняго теченія средне-днѣпровскихъ лѣвобережныхъ притоковъ. Эти движенія русскихъ войскъ въ указанномъ направленіи предпринимались, очевидно, въ силу походныхъ удобствъ территоріи, состоящихъ въ равнинности территоріи и слабыхъ внѣшнихъ преградахъ на протяженіи послѣдней. Необходимо замѣтить, что мѣстность и до низовьевъ р. Сулы, и далѣе къ востоку отъ нея, по нижнему теченію рр. Псла, Ворсклы и Орели, представляла одни и тѣ же особенности, а потому была одинаково удобна и для походовъ въ степи и обратно—изъ степей въ Русь. Вотъ, почему половцы обыкновенно и избирали это именно направленіе, когда они замышляли набѣгъ на Переяславль или же на сосѣднюю кіевскую территорію.

Отложенный, вслѣдствіе разнаго рода обстоятельствъ, походъ 1110 г. на половцевъ состоялся, однако, въ слѣдующемъ году при участіи

---

[1]) Лавр. л., стр. 275.

[2]) Ипат. л., стр. 188.

большаго числа князей. Въ походѣ были: Святополкъ II, Владиміръ Мономахъ и Давидъ съ сыновьями. Это самый знаменитый походъ въ степи, на половцевъ, подробно описанный лѣтописью и заключающій интересныя для насъ подробности какъ относительно самаго направленія похода, такъ и нѣкоторыхъ географическихъ пунктовъ на пути его протяженія.

Союзное войско, выступивши въ походъ во второе воскресеніе великаго поста, черезъ пять дней, въ пятницу, достигло р. Сулы, а на шестой день—р. Хорола, гдѣ были оставлены сани, очевидно, вслѣдствіе невозможности дальше идти на нихъ; въ воскресеніе крестопоклонное оно двинулось къ Пслу, достигнувъ котораго, войско остановилось въ Голтвѣ, гдѣ поджидали подхода остальныхъ войскъ. Во вторникъ русскія войска стояли уже на р. Ворсклѣ, а въ среду, послѣ молебна, русскіе перешли рѣку и вступили въ дикую степь, находившуюся уже внѣ сферы русскихъ владѣній [1]). Затѣмъ они держали путь въ направленіи къ Дону, т. е. Сѣверскому Донцу, въ области котораго находились въ то время половецкія кочевья. Извѣстна удача этого похода, его слава и послѣдствія.

Для насъ, однако, важнѣе всего было узнать направленіе, какого держались князья при движеніи въ степи. Очевидно, это былъ путь, нѣсколько отличный отъ того, какимъ совершалось передвиженіе русскихъ боевыхъ силъ въ степи. Этотъ путь проходилъ немного сѣвернѣе пути, отмѣченнаго нами раньше. Вѣроятно, особыя обстоятельства заставили князей нѣсколько измѣнить свой маршрутъ. Впрочемъ, судя по всему, онъ не особенно уклонялся отъ указанной раньше половецкой дороги въ степь. Вѣроятно, болѣе сѣверное отклоненіе направленія этого похода было выбрано вслѣдствіе того, что движеніе войскъ совершалось безъ особаго страха встрѣтить гдѣ либо вблизи границъ половцевъ: набѣговъ со стороны степи не предвидѣлось, и потому идти той дорогой, которой обыкновенно ходили половцы на Русь, не представляло необходимости: этотъ путь, въ виду малолюдности страны, черезъ которую онъ пролегалъ, былъ менѣе удобенъ для движенія многочисленнаго войска, чѣмъ путь по сравнительно заселеннымъ мѣстамъ, находившимся по теченію рѣкъ Сулы, Хорола, Псла и прочихъ. Что же касается того, въ какомъ именно мѣстѣ русское войско во время означеннаго похода достигло р. Ворсклы, и гдѣ перешло ее, то мы, судя по характеру мѣстности, расположенной

[1]) Ипат. л., стр. 192.

между Псломъ и Ворсклой, и, принимая во вниманіе направленіе, какое должны были взять русскія войска, начиная отъ Голтвы, чтобы достичь удобной для похода степной равнины за Ворсклой, полагаемъ, что переправа русскаго войска происходила близъ м. Санджарова, или же близъ селенія Бѣликовъ, лежащаго нѣсколько ниже по теченію указанной рѣки, такъ какъ въ означенныхъ мѣстахъ, съ одной стороны, находились удобные броды черезъ рѣку, а, съ другой,—отсюда выходили въ поле, совершенно чистое, довольно высокое, не имѣя около себя, по сторонамъ протекающихъ здѣсь рѣчекъ, крупныхъ лѣсныхъ участковъ, среди которыхъ можно было бы весьма легко устроить засаду и затѣмъ внезапно и неожиданно ударить въ тылъ наступавшимъ войскамъ. Вотъ почему мы и полагаемъ, что во время похода 1111 года русскіе перешли Ворсклу близъ Санджаровскаго брода, минуя Лтаву, неподалеку отъ которой, на лѣвой сторонѣ Ворсклы, протекали двѣ рѣченки, имѣвшія по своимъ берегамъ и болота, и лѣса, и этимъ, конечно, весьма стѣснявшія проходившія мимо нихъ войска. Такъ какъ этотъ походъ князей былъ задуманъ далеко въ степи, къ Дону, то, перешедши Ворсклу, князья углубились въ степи, и только на шестой недѣлѣ поста достигли завѣтныхъ береговъ Дона. Здѣсь они взяли городъ Шарукань, а затѣмъ—Сугровъ, который, за оказанное сопротивленіе, былъ сожженъ. 24-го марта русскіе сошлись съ половцами, и закипѣлъ страшный бой. Побѣда была одержана русскими, при чемъ пала масса половецкаго войска. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало еще нѣсколько битвъ съ половцами, и успѣхъ опять былъ на сторонѣ русскихъ. Половцы были разбиты на голову, и въ руки побѣдителей досталась огромная добыча. Слава объ этомъ походѣ, по словамъ лѣтописи, далеко разнеслась по окрестнымъ землямъ, перешагнувъ которыя, достигла Греціи, Польши, Чехіи и даже самого Рима [1]).

Профессоръ Голубовскій, упоминая объ этомъ походѣ, говоритъ, что „въ 1111 году князья шли черезъ Сулу, Хоролъ, Голтву и Ворсклу. Тогда они зашли очень далеко, къ Донцу и Тору, но направленіе похода указываетъ, что и теперь цѣль была та же, что и въ 1106 году,—оттѣснить враговъ отъ Переяславльской области (Голубовскій, Печенѣги, Торки и проч., стр. 161). Намъ не совсѣмъ по-

[1]) „Възвратишася Русьсии князи въ свояси съ славою великою, къ своимъ людемъ; и ко всимъ странамъ далнимъ рекуще къ Грекомъ, и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима, пропде на славу Богу". Ипат. л., стр. 196.

нятны разсужденія г. Голубовскаго, который, на основаніи направленія похода, угадываетъ цѣль его. Изъ лѣтописи, однако, не видно, чтобы борьба велась у границъ княжества. Если же соглашаться съ г. Голубовскимъ, то окажется, что оба похода, имѣвшіе, по его словамъ, цѣлью защиту границъ, должны были привести къ упорнымъ боямъ на одной линіи, т. е. на этой границѣ, въ неподалеку отстоящихъ другъ отъ друга мѣстахъ.

Между тѣмъ оказывается, что бои были вовсе не на одной линіи, т. е. не на границѣ, а въ двухъ, очень отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, отстоящихъ одно отъ другого, по крайней мѣрѣ, на 300 верстъ. Какія же здѣсь могутъ быть общія границы, если онѣ столь удалены другъ отъ друга, и какъ могли измѣниться эти границы столь сильно, въ промежутокъ времени не болѣе, какъ въ 3—4 года?! Если даже признать, что походъ 1107 года былъ вызванъ для защиты границъ, то какъ можно признать походъ 1111 года, имѣющимъ таковую же цѣль: вѣдь, въ лѣтописи весьма ясно сказано, что послѣдній походъ направлялся въ глубь половецкихъ степей къ Дону и, слѣдовательно, онъ никакого отношенія къ русскимъ границамъ имѣть не можетъ.

Постоянныя тревоги въ русской землѣ, происходившія частью со стороны безпокойныхъ сосѣдей, частью вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, не перестававшихъ волновать страну, способствовали образованію въ ней такой политической организаціи, которая тѣсно связывала другъ съ другомъ сосѣднія русскія земли въ одно цѣлое и способствовала образованію крупнаго политическаго центра, какимъ былъ Кіевъ для Южной Руси въ XI столѣтіи. Умиротвореніе страны и установленіе въ ней болѣе или менѣе сноснаго порядка позволяло князьямъ широко воспользоваться тѣми условіями, какія происходили въ это время въ глубинѣ половецкихъ степей, въ ея придонскихъ угодьяхъ. Погромивъ половцевъ въ степяхъ и открывъ широкую дорогу въ Русь для множества обездоленныхъ, порабощенныхъ половцами степняковъ, уходившихъ въ русскіе предѣлы отъ половецкихъ насилій, русскіе знали, насколько выгодны для нихъ подобнаго рода пріемы: имъ не столько важна была на первыхъ порахъ инкорпорація инородческихъ племенъ въ русскихъ предѣлахъ и ихъ помощь, сколько важно было поселеніе раздоровъ между степняками, часть которыхъ, видя ослабленіе своихъ главарей, возставала противъ своихъ притѣснителей и старалась всѣми силами добиться полной отъ нихъ независимости. Эти пріемы русскихъ относительно степняковъ сильно схожи съ тѣми

пріемами, которые практикуются жителями степей для огражденія себя отъ стихійныхъ бѣдствій—пожаровъ. Чтобы не пострадали отъ огня ближайшіе къ поселеніямъ участки, жители стараются, узнавши о движущемся пожарѣ, пустить огонь отъ своихъ жилищъ навстрѣчу идущему пожару, съ тѣмъ расчетомъ, что опустошенная искусственнымъ образомъ мѣстность не будетъ способствовать распространенію огня. Эта междоусобная борьба среди степняковъ истощала ихъ силы и отвлекала ихъ вниманіе отъ русскихъ земель и тѣмъ давала возможность послѣднимъ продвигать все дальше и дальше въ степи свои южныя границы. Чтобы не дать возможности заглохнуть этой борьбѣ внутри степей, Мономахъ снаряжаетъ, подъ начальствомъ своего сына Ярополка, походъ въ степи, на Донъ. Этотъ походъ, предпринятый пять лѣтъ спустя послѣ знаменитаго, крупнаго, общекняжескаго похода 1111 года, и имѣвшій, повидимому, то же направленіе, что и раньше, привелъ и къ результатамъ сходнымъ съ предыдущимъ, а именно: три подонскихъ города—Сугровъ, Шарукань и Балинъ, достались въ руки русскихъ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ поднимается сильное возстаніе въ степяхъ торковъ, берендѣевъ и печенѣговъ противъ половцевъ, результатомъ котораго была трехсуточная отчаянная борьба возставшихъ съ половцами.

Не имѣя возможности справиться собственными силами съ половцами, эти мелкіе народцы начинаютъ массами уходить въ предѣлы русской земли [2]), гдѣ уже имѣлись контингенты ихъ предшественниковъ, поселенныхъ въ извѣстныхъ пунктахъ, въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ. Кажется, въ это именно время для русской земли открылась возможность воздвигнуть и пополнить линію укрѣпленій на Ворсклѣ и организовать военную защиту изъ торческихъ народцевъ на нижнемъ теченіи означенной рѣки, въ тѣхъ именно мѣстахъ, которыя представляли по своему значенію условія, аналогичныя съ нижнимъ Посульемъ. Какъ и на нижнемъ Посульѣ, здѣсь были поселены торки, или родственные имъ народцы, обязанные, конечно, за это нести соотвѣтственную военную службу.

Конечно, какъ и можно было ожидать, служба на этихъ порубежныхъ со степью мѣстахъ была очень трудна и крайне опасна, такъ какъ приходилось постоянно имѣть дѣло съ отважнымъ, ожесточен-

---

[1]) Ипатьевск. лѣт., ст. 204.

[2]) Въ 1116 году въ Русь явились бѣловѣжцы, а вслѣдъ за тѣмъ торки и печенѣги. Ипат. лѣт., ст. 205.

нымъ и хищнымъ врагомъ, мстившимъ за уходъ изъ степей своихъ подданныхъ. Дѣло доходило до того, что вновь поселенные въ русскихъ предѣлахъ степняки, не имѣя возможности устоять противъ напиравшихъ на нихъ половцевъ, уходили изъ отведенныхъ имъ для поселеній мѣстъ. Зная все это, русскіе принимали во вниманіе всю невыгоду положенія новыхъ поселенцевъ и старались выйти изъ этихъ затруднительныхъ условій тѣмъ, что поселяли новыхъ переселенцевъ не въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ прихода въ Русь, а такъ сказать, въ обратномъ порядкѣ, помѣщая вновь прибывшихъ, по возможности, поодаль отъ опасныхъ границъ, чтобы половцы не имѣли возможности вредить имъ; между тѣмъ старые поселенцы, уже болѣе обрусѣвшіе и болѣе свыкшіеся со своей новой жизнью, могли съ большимъ успѣхомъ водворяться на опасномъ пограничьи. Впрочемъ, эта мѣра не всегда достигала своей цѣли. Въ виду того обстоятельства, что взятые русскими во время похода въ степи за Саковомъ торки—иначе „засаковцы“—не могли считать себя въ безопасности вблизи половцевъ, князья предусмотрительно не оставляютъ ихъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, а поселяютъ на правой сторонѣ послѣдняго, на Поросьи, близъ г. Юрьева, расположеннаго на торной дорогѣ движеній степняковъ въ кіевскіе предѣлы. Половцы, однако, не оставили въ покоѣ вышедшихъ изъ степей „засаковцевъ“. Вскорѣ они нападаютъ на г. Юрьевъ, гдѣ были поселены засаковцы, и раззоряютъ его [1]).

Успѣшные походы русскихъ князей въ степи и уходъ изъ послѣднихъ множества кочевниковъ, поселявшихся въ русскихъ предѣлахъ, значительно подорвали силы половцевъ, и послѣдніе, во все время княженія Владиміра Мономаха въ Кіевѣ, не тревожатъ русской земли. Только по смерти Мономаха половцы, успѣвшіе нѣсколько оправиться въ степяхъ, вновь начинаютъ свои опустошительные набѣги на Русь Въ этотъ періодъ начинаетъ проявляться иное участіе означенныхъ кочевниковъ въ дѣлахъ русской земли: они уже не сами нападаютъ на Русь, а, заключивъ союзъ съ Ольговичами, дѣйствуютъ совмѣстно съ послѣдними въ ихъ предпріятіяхъ съ противниками. Вслѣдствіе этого, нападенія половцевъ въ періодъ конца первой половины XII столѣтія проявляются на пограничной, между Черниговской и Переяславльской землями, полосѣ, близъ давней торной дороги въ сѣверную Русь и придонскія кочевья половцевъ. Эти нападенія идутъ по линіи сѣ-

[1]) Ипат. л., стр. 160.

вернаго пути въ половецкія степи. Впрочемъ, затишье со стороны степи было не продолжительнымъ. Наступившія неурядицы въ русской землѣ, послѣ смерти Мстислава Владиміровича, опять развязывали руки степнякамъ: половцы вновь начинаютъ угрожать съ востока. Чтобы предупредить опасность, кіевскій князь, Всеволодъ Ольговичъ, предпринимаетъ, въ 1139 году, походъ въ степи на половцевъ. Цѣль похода, очевидно, была та же, что и раньше, т. е. новый кіевскій князь старался не дать возможности угаснуть тѣмъ началамъ политики относительно степи, которая была положена предшествующими правителями русской земли. Мы не знаемъ подробностей этого похода. Въ лѣтописи глухо сказано: „того же лѣта (1139) великій князь кіевскій Всеволодъ Ольговичъ ходи на половци, и многихъ изби, а иныхъ живыхъ плѣни“ [1]). Судя, однако, по предшествующимъ примѣрамъ и послѣдующимъ, можно думать, что походъ на половцевъ совершался по тому обычному, наиболѣе удобному и кратчайшему пути въ степи, что и раньше, т. е.—онъ направлялся параллельно днѣпровской долинѣ, черезъ низовья рр. Сулы, Псла, Ворсклы и проч. Торная дорога для походовъ въ степи была, конечно, выгодна и для движеній изъ послѣдней на Русь: этимъ путемъ половцы приходятъ въ слѣдующемъ году въ русскую землю, для переговоровъ [2]). Въ чемъ состояли эти переговоры, и для какой собственно цѣли явились половцы—сказать трудно, такъ какъ лѣтописи молчатъ объ этомъ. По всей вѣроятности, узнавъ о происходившихъ междоусобицахъ въ русской землѣ и о томъ, что на кіевскомъ престолѣ утвердился князь изъ семейства Ольговичей, половцы хотѣли, на первыхъ порахъ, когда только что завладѣвшій Кіевомъ князь чувствовалъ еще не совсѣмъ твердую почву подъ ногами, получить какой либо выкупъ или сумму денегъ, какъ это обыкновенно практиковалось степняками въ подобныхъ обстоятельствахъ. Въ виду того, что половцы явились въ русскіе предѣлы въ значительномъ количествѣ — „пришла половецкая земля и князи половецкіе“, говоритъ лѣтопись,—можно полагать, что мѣсто для переговоровъ находилось уже не на окраинѣ, какъ это было раньше, у Сакова, а лежало глубже, въ предѣлахъ русской земли; это мѣстоположеніе выбраннаго для переговоровъ съ половцами мѣста чрезвычайно характерно: оно является прекраснымъ показателемъ того, на чьей сторонѣ былъ перевѣсъ силы въ данный моментъ.

---

[1]) Никон. лѣт., стр. 163.

[2]) Ипат. лѣтоп., стр. 220.

Въ виду угрожающаго положенія со стороны половцевъ и въ виду невозможности дать имъ тотчасъ же, немедленно, серьезный отпоръ, русскіе, повидимому, пошли на уступки, и однимъ изъ первыхъ актовъ этой уступки было допущеніе вести переговоры въ предѣлахъ русской земли. Мѣстомъ переговоровъ былъ избранъ такъ называемый въ лѣтописи *Малотинъ*,—пунктъ, находившійся на порогѣ второй боевой линіи русской земли, близъ низовьевъ р. Сулы [1]).

Пропустивъ половцевъ черезъ свою первую боевую линію съ востока, русскіе князья не хотѣли пропускать ихъ черезъ вторую и устроили переговоры близъ своего опорнаго пункта у низовьевъ Сулы. Вмѣстѣ съ тѣмъ не оправдались и надежды половцевъ, чтобы, пользуясь неурядицами въ русской землѣ, поживиться на счетъ послѣдней: переяславльскій князь Андрей Юрьевичъ помирился къ этому времени съ кіевскимъ княземъ, и такимъ образомъ половцамъ приходилось имѣть дѣло съ двумя солидарными между собой князьями. Поэтому степняки не особенно выиграли въ это время и ушли назадъ въ степи [2]). Что это было такъ, можно видѣть изъ отношеній половцевъ къ русской землѣ въ ближайшія и послѣдующія за тѣмъ времена: со стороны степи не видно нападеній; напротивъ того, половцы, узнавъ, что кіевскимъ княземъ сталъ Изяславъ Мстиславичъ, прислали пословъ просить мира [3]).

---

[1]) Что касается лѣтописнаго Малотина, то онъ, по всей вѣроятности, находился на низовьяхъ р. Сулы, въ мѣстности, имѣющей важное стратегическое положеніе близъ главной боевой линіи русской земли съ юго-востока. Изслѣдователи сильно расходятся относительно мѣстонахожденія этого городка, считая его лежащимъ на р. Оржицѣ, Пирят. у. Полт. губ. Но мы не можемъ согласиться съ этимъ и считаемъ, что Карамзинъ (II, пр. 274) былъ болѣе правъ, высказывая мнѣніе, что Малотинъ находился гдѣ-то около Сулы и Днѣпра. Догадка основательная, если принять во вниманіе обыкновеніе половцевъ приходить въ эти мѣста для переговоровъ. Не есть-ли Малотинъ испорченное названіе городища Климятинъ, которое лежало близъ устьевъ р. Сулы и долгое время было чрезвычайно важнымъ пунктомъ южной Руси? Быть можетъ, переписчикъ невѣрно прочиталъ климатинъ, откуда затѣмъ уже образовалъ малатинъ, спутавъ четыре первыхъ буквы, которыя, будучи неясно написаны, могли послужить къ искаженію цѣлаго слова? Мнѣніе проф. Голубовскаго о томъ, что лѣтоп. Малотинъ это с. Малютинцы (Пирят. у. Полт. г.), не имѣетъ никакого научнаго основанія, такъ какъ оно взято цѣликомъ, безъ критической провѣрки и научнаго разбора, отъ другихъ изслѣдователей, относящихся къ той эпохѣ, которая строила свои выводы главнымъ образомъ на основаніи однихъ только лингвистическихъ данныхъ.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 250; Лавр. лѣт., стр. 292; Никонов. лѣт., стр. 164; Воскр. лѣт., стр. 32; Новгор. 4, стр. 6—7.

[3]) Ник. лѣт., стр. 169--170. Арцыбашевъ, стр. 94; Татищевъ, II, стр. 288—9.

Оставивъ на время самостоятельныя наступательныя предпріятія на русскія земли, половцы начинаютъ принимать активное участіе въ княжескихъ междоусобицахъ, возгорѣвшихся съ особой силой послѣ убіенія князя Игоря Ольговича въ Кіевѣ, въ 1147 году. Они вступаютъ въ союзъ съ Ольговичами, и такъ какъ театръ военныхъ дѣйствій происходитъ въ это время по большей части на пограничьи черниговскихъ земель съ переяславльскими, то здѣсь мы и видимъ участіе половцевъ [1]). Между тѣмъ южный отдѣлъ Переяславльской земли оставался до поры до времени не тронутымъ со стороны степи. Но вотъ наступаютъ иныя времена. Возгорается борьба суздальскаго князя Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ, и половцы не замедлили появиться съ юга: они пришли на Супой обычной дорогой, черезъ низовья рѣкъ Ворсклы, Псла, Сулы, и соединились съ войсками Юрія близъ низовьевъ р. Супоя, откуда и начали затѣмъ совмѣстное движеніе съ Юріемъ къ Переяславлю [2]).

Вскорѣ мы видимъ половцевъ опять на этомъ же пути: воспользовавшись раздорами между князьями Юріемъ и Изяславомъ, половцы старались грабежами русскихъ земель вознаградить себя за то, что они потеряли раньше [3]). Однако, Юрій скоро уладился со степняками, и половцы снова являются въ качествѣ Юрьевыхъ союзниковъ во время вторичной борьбы суздальскаго князя за Кіевъ. Проницательный Юрій старался воспользоваться благопріятными обстоятельствами и прочно утвердиться на югѣ Руси. Зная, что своими собственными военными силами онъ не можетъ справиться съ соперниками, Юрій заключаетъ союзъ съ половцами, а затѣмъ, при помощи послѣднихъ, намѣчаетъ прибрать въ свои руки всѣ, болѣе или менѣе извѣстные въ то время, стратегическіе пункты русской земли. Прежде всего, зная, какую роль играло Поросье съ черными клобуками, сидѣвшими на немъ, Юрій дѣлаетъ попытки овладѣть этимъ краемъ. Но суздальскій князь, очевидно, не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что сидѣвшіе тамъ торки были выходцами изъ степей лѣвой стороны Днѣпра, что они бѣжали отъ половцевъ, которые ихъ притѣсняли, и что, слѣдовательно, вступить въ союзъ съ Юріемъ, у котораго было на службѣ много половцевъ, они, естественно, не могли, а потому стремленіе Юрія привлечь на свою сторону черныхъ клобуковъ не увѣнчалось

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 251—252; Лавр. лѣт., стр. 302; Ник. лѣт., стр. 177.
[2]) Ипат. лѣт., стр. 264.
[3]) Ипат. лѣт., стр. 281.

успѣхомъ. Походы Юрія въ южную Русь были чрезвычайно поучительны для его соперниковъ, въ томъ смыслѣ, что они съ большою опредѣленностью указали наиболѣе опасные и крѣпкіе стратегическіе пункты южной Руси. Князья старались воспользоваться ими въ своихъ интересахъ. Такъ, зная, откуда Юрій получалъ помощь со стороны степи, князья союзники—Изяславъ II, Вячеславъ и пр. — стараются во-время занять стратегическіе пункты, расположенные, на торной дорогѣ половцевъ изъ степи: въ 1150 году они стерегли половцевъ на низовьяхъ Супоя близъ Мажева, такъ какъ находившійся въ Переяславлѣ Юрій разсчитывалъ на полученіе помощи со стороны степи въ этомъ именно пунктѣ, какъ это было и раньше, во время движенія Юрія къ Переяславлю [1]).

Постоянно угрожавшая опасность прихода половцевъ съ этой именно стороны вызывала тревогу у кіевскаго князя Изяслава, который, отправляясь въ походъ на Ольговичей, отрядилъ сидѣвшаго въ Переяславлѣ сына, Мстислава Изяславича, въ степи, на половцевъ. Это предпріятіе Мстислава было очень удачно. Въ то время, какъ Изяславъ съ союзниками подвигался къ черниговскимъ предѣламъ, Мстиславъ Изяславичъ, бывшій въ то время переяславльскимъ княземъ, съ помощію выходцевъ изъ степей: берендѣевъ, торковъ и пе-

---

[1]) Что касается Мажева, то, судя по ходу лѣтописнаго разсказа, его надо искать къ востоку отъ Переяславля, по теченію р. Супоя. Съ большою вѣроятностью его можно видѣть въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ Глемязовѣ, находящемся въ 30 съ лишкомъ верстахъ къ юго-востоку отъ Переяславля. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ соображеній. Послѣ проигранной битвы на Рутѣ (въ 1151 г.) Юрій Долгорукій бѣжалъ въ Переяславль, гдѣ и затворился. Союзники Юрія ушли въ Остерскій городокъ. Изяславъ Мстиславичъ немедленно пошелъ на Юрія къ Переяславлю. Повидимому, Юрію также было бы удобнѣе укрыться въ Остерскій городокъ, оттуда ему было бы ближе и безопаснѣе бѣжать въ свои сѣверныя земли, но Юрій почему-то этого не сдѣлалъ. Очевидно, онъ надѣялся получить откуда-то помощь. Судя по прошлому, можно полагать, что онъ ожидалъ помощи со стороны степи, отъ половцевъ. Чтобы не допустить до этого и тѣмъ поставить Юрія въ безвыходное положеніе, Изяславъ направляется къ Зарубу, переходитъ здѣсь Днѣпръ и заходитъ съ восточной стороны отъ Переяславля. Отсюда онъ доходитъ до Мажева и останавливается здѣсь лагеремъ, очевидно, съ тою цѣлью, чтобы стать на перерѣзъ могущимъ явиться на помощь Юрію половцамъ. Такимъ образомъ, расположеніе войскъ лагеремъ близъ Мажева имѣло большое значеніе: сюда могли явиться союзники Юрія половцы, а чтобы не допустить ихъ къ Юрію, князья и занимаютъ наблюдательный постъ у Мажева. Отъ послѣдняго князья, по выраженію лѣтописи „пріѣздяху биться къ городу“, и эта подробность указываетъ, что Мажево находилось не особенно близко отъ Переяславля.

ченѣговъ, удачно пробрался въ степи и разгромилъ половцевъ на рр. Углѣ и Самарѣ [1]).

Хотя въ лѣтописи нѣтъ точныхъ указаній, по какому маршруту совершался этотъ походъ, но, принимая во вниманіе, что движеніе было направлено на Самару и Орель, можно полагать, что онъ проходилъ по тому же пути, какъ и раньше, т. е. ближайшей дорогой, черезъ низовья рр. Сулы, Псла, Ворсклы, Орели и проч. — Что это было такъ, видно изъ дальнѣйшихъ сообщеній лѣтописи, гдѣ сказано, что послѣ удачно исполненнаго порученія Мстиславъ возвратился въ Переяславль: очевидно, князь возвращался тою дорогой, по которой онъ шелъ въ степи [2]).

Смѣлый и удачный походъ Мстислава въ степи сильно раздражилъ кочевниковъ, которые рѣшили отомстить. Въ 1153 году половцы напали на Посулье и страшно его опустошили. Набѣгъ былъ предпринятъ столь быстро и неожиданно, что выступившій противъ половцевъ, наперерѣзъ, къ Пслу, Мстиславъ Изяславичъ не могъ настичь грабителей: „недошедъ ихъ“, говоритъ лѣтопись,—и возвратился назадъ [3]). Изъ лѣтописнаго разсказа не видно, однако, куда, именно, направился Мстиславъ Изяславичъ наперерѣзъ половцамъ; судя, однако, по поспѣшности отступленія степняковъ, и потому, что болѣе удобной для быстрыхъ передвиженій территоріей была мѣстность къ югу отъ нижняго теченія р. Хорола, можно полагать, что движеніе Мстислава было направлено куда-то ниже Голтвы, по той обычной дорогѣ, которая проходила близъ этой рѣки въ направленіи къ низовьямъ р. Ворсклы.

Неурядицы въ русской землѣ, наставшія во время борьбы Юрія Долгорукаго за кіевскій престолъ, открывали возможность половцамъ заниматься почти безнаказанно опустошеніемъ Переяславля и его окрестностей [4]). Кромѣ того, половцы дѣлаютъ попытки вознаградить себя за все то, что они потеряли раньше. Они стараются возвратить подъ свою власть ту живую силу, т. е. кочевниковъ, которая уходила изъ подъ ихъ вліянія и находила себѣ пріютъ въ русской землѣ. Такъ какъ выходившіе изъ степей торки, берендѣи, турпѣи и др. кочевники были поселяемы, главнымъ образомъ, на Поросьи, то по-

[1]) Ипат. лѣт., стр. 317; Лавр. лѣт., стр. 322.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 317; Лавр. лѣт., стр. 322.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 320; Лавр. лѣт., стр. 322; Никон. лѣт., стр. 197; Воскр. лѣт., стр. 160.

[4]) Никон. лѣт., стр. 201; Ипат. лѣт., стр. 328; Лавр. лѣт., стр. 326.

ловцы вдругъ быстро и неожиданно нападаютъ на эти земли, но, получивъ энергичный отпоръ со стороны Юрьева сына, Василька, удалились ни съ чѣмъ въ степи [1]). Особенную вражду питали половцы противъ берендѣевъ, которые, поселившись въ русскихъ предѣлахъ, оказывали дѣятельную поддержку князьямъ въ ихъ борьбѣ со степью. Такъ какъ половцы, чувствуя свою силу и задавшись цѣлью возвратить подъ свою власть уходившихъ отъ нея кочевниковъ, съ каждымъ разомъ, во время походовъ на русскіе предѣлы, проникали все дальше и дальше вглубь послѣднихъ, то естественно, что переговоры руси съ половцами должны были происходить еще дальше, т. е. глубже въ предѣлахъ русской земли, чѣмъ переговоры предыдущаго раза. Юрій постарался устроить эти переговоры въ Каневѣ, на нейтральной, повидимому, но очень важной своей близостью къ берендѣйскимъ поселеніямъ полосѣ [2]). Такимъ образомъ, мирные переговоры въ Каневѣ, расположенномъ уже значительно ближе къ ядру русской земли, Кіеву, чѣмъ Малотинъ, указываютъ, по нашему мнѣнію, на возраставшее мало-по-малу политическое и военное могущество половцевъ. Концентрація боевыхъ силъ и строго обдуманный планъ дѣйствій, во время нападеній на русскіе предѣлы, — являются характерными чертами состоянія половецкаго народа за указанный періодъ. Въ виду этого, половцы стараются теперь разрушить все то, что было сооружено русской жизнью для обороны страны раньше. Выше мы видѣли, какое ожесточеніе проявляли половцы по отношенію къ жившимъ на Поросьи чернымъ-клобукамъ и какъ старались разрушить эту боевую линію Руси со стороны степи. Теперь они пытаются продѣлать то же и относительно Посулья. Учащенныя, усиленныя и послѣдовательныя нападенія половцевъ на Посулье даютъ возможность видѣть во всемъ этомъ не простые, случайные грабежи, а систематическій, строго выработанный и цѣлесообразный планъ, который они и стремятся выполнить возможно лучше и стройнѣе. Не будучи въ состояніи собственными силами сломить и разрушить главный оплотъ ихъ противниковъ,—г. Переяславль,—они систематически грабятъ и опустошаютъ его окрестности, стараясь подорвать питающіе этотъ городъ элементы [3]). Кромѣ того, они открываютъ рядъ нападеній на нижнее Посулье, т. е. на такую же, игравшую охранную

[1]) Ипат. лѣт., стр. 330; Никон. лѣт., стр. 203.
[2]) Ibidem.
[3]) Ипат. лѣт., стр. 328; Лавр. лѣт., стр. 326; Воскр. лѣт., стр. 62 и пр.

роль, боевую линію на лѣвой сторонѣ Днѣпра, какой была р. Рось на правой, и воюютъ около Деменеска, а затѣмъ пробираются отсюда и къ Переяславлю, гдѣ страшно грабятъ и разоряютъ окрестности этого города [1]). Полное молчаніе лѣтописей объ отпорѣ половцамъ позволяетъ предполагать, что никакого отпора не было сдѣлано, и что половцы совершали свои грабежи безнаказанно.

Вскорѣ послѣ этого половцы вновь появляются въ значительномъ количествѣ въ глубинѣ Переяславльской земли: они достигли р. Супоя и расположились здѣсь въ низовьяхъ этой рѣки, очевидно, съ цѣлью угрозы не только днѣпровскому лѣвобережью, но и правому берегу Днѣпра. И только серьезныя и рѣшительныя мѣры, предпринятыя Юріемъ противъ половцевъ, заставили послѣднихъ быстро отступить въ степи [2]).

Неоднократные набѣги половцевъ на ближайшія къ днѣпровской долинѣ мѣстности, особенно на важные стратегическіе пункты у низовьевъ впадающихъ въ Днѣпръ рѣчекъ лѣвой стороны послѣдняго, даютъ намъ возможность отмѣтить направленіе, какимъ проникали половцы въ Переяславльскую землю: путь ихъ, въ описываемый промежутокъ времени, оставался тотъ же, что и раньше: они двигались черезъ низовья рр. Ворсклы, Псла, Сулы, а затѣмъ уже Супоя и Трубежа.

Несмолкаемыя усобицы русскихъ князей, истощавшихъ свои боевыя силы въ ожесточенной борьбѣ другъ съ другомъ, сильно ослабили русскую землю и открыли широкій просторъ для половцевъ, которые, почуявъ свою силу, вновь нападаютъ въ 1156 году на Поросье, на этотъ разъ уже съ значительно большими силами. Юрій Долгорукій былъ поставленъ въ затруднительное положеніе: отразить нахлынувшихъ враговъ собственными силами онъ не могъ, а получить быстро надежную помощь было не откуда. Въ виду этого, Юрій, по обыкновенію, начинаетъ лавировать: онъ немедленно же посылаетъ гонца къ Ольговичамъ съ просьбой оказать помощь и въ то же время затѣваетъ съ половцами переговоры, въ надеждѣ, конечно, затянуть ихъ до подхода помощи со стороны союзниковъ. Однако, половцы дѣйствовали рѣшительно. Чтобы произвести на Юрія давленіе, половцы рѣшаютъ выбрать мѣсто для переговоровъ у Заруба, что являлось для нихъ чрезвычайно важнымъ, такъ какъ отсюда можно было легко

[1]) Никон. лѣт., стр. 203; Лавр. лѣт., стр. 328.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 331; Лавр. лѣт., стр. 328; Никон. лѣт., стр. 204.

[3]) Ibidem.

проникнуть и на правую сторону Днѣпра, черезъ такъ называемый зарубскій бродъ—обычное мѣсто переправы черезъ Днѣпръ, а, перешедши послѣдній въ означенномъ мѣстѣ,—открывалась широкая дорога къ Кіеву.

Заручившись помощью со стороны Ольговичей,—отъ Изяслава Давидовича и Святослава Ольговича,—Юрій заключилъ съ половцами миръ въ Зарубѣ [1]). Этотъ миръ съ половцами въ означенномъ пунктѣ очень характеренъ: онъ указываетъ, повидимому, на все больше и больше возраставшій престижъ половцевъ; договоры съ кочевниками заключаются уже не на окраинахъ Русской земли, а далеко внутри послѣдней.

Несмолкавшія неурядицы въ русской землѣ позволяли половцамъ расширить районъ своихъ опустошеній: въ 1157 году они опустошили мѣстность къ сѣверу отъ Переяславля, расположенную близъ кочевническихъ порубежныхъ поселеній, между Трубежомъ и Остромъ; возлѣ Носова, въ которомъ нельзя не признать нынѣшняго мѣстечка Носовки, они захватили болѣе 800 человѣкъ плѣнниковъ [2]). Въ 1165 году половцы страшно опустошили окрестности Переяславля [3]).

Въ виду такого аггрессивнаго отношенія половцевъ къ русскимъ землямъ и причиненія послѣднимъ серьезнаго ущерба, особенно въ торговыхъ дѣлахъ съ черноморскими странами, князья принимаютъ мѣры, чтобы обуздать враговъ. Такъ, въ 1165 году кіевскій князь съ большимъ войскомъ выступилъ къ наиболѣе опаснымъ пунктамъ на Днѣпрѣ, съ цѣлью защиты каравановъ гречниковъ и залозниковъ, шедшихъ по этой рѣкѣ.

Пять лѣтъ спустя, въ 1170 году, великій князь кіевскій, Мстиславъ Изяславовичъ, въ виду непрекращавшихся нападеній половцевъ, тормозившихъ торговые пути русской земли, созвалъ въ Кіевѣ съѣздъ князей, на которомъ предложилъ обсудить сообща, какія мѣры надо предпринять противъ степняковъ. Было рѣшено—идти на половцевъ, въ степи, и нанести имъ ударъ на мѣстѣ ихъ становищъ.

Въ 1170 году сильное войско, въ составъ котораго, кромѣ ополченій кіевскаго князя, входили также войска Ольговичей, Глѣба и Михаила Юрьевичей и многихъ другихъ князей, двинулось на враговъ. Собравшіеся союзники выступили изъ Кіева на половцевъ, на-

[1]) Ипат. л., стр. 333.

[2]) Воскр. лѣт., стр. 71.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 361; Густ. лѣт., стр. 308.

правляясь внизъ по теченію Днѣпра. Походъ былъ начатъ ранней весною, 2-го марта. Подобно предыдущему, лѣтопись не сообщаетъ намъ о направленіи этого похода въ степи, но, въ виду того обстоятельства, что движеніе русскихъ было предпринято въ районъ рѣкъ Орели и Самары, и что князья достигли означенныхъ мѣстъ *ровно черезъ девять дней*, можно полагать, что онъ совершался тѣмъ же обычнымъ путемъ, какъ и походъ 1111 года, когда для перехода въ тѣ же мѣста потребовалось *также девять дней* [1]). Походъ удался, какъ нельзя болѣе. Половцы были разбиты, и въ руки побѣдителей достались непріятельскія вѣжи со множествомъ плѣнниковъ и скота; томившіеся въ неволѣ плѣнники были немедленно освобождены отъ половецкой неволи [2]).

Однако, торжество русскихъ было непродолжительнымъ; вскорѣ страшное бѣдствіе постигло Русскую землю: въ 1170 году суздальскій князь, Андрей Боголюбскій, руководясь не совсѣмъ безкорыстными планами, двинулъ огромное войско на Кіевъ; послѣдній былъ взятъ и страшно разоренъ.

Половцы не преминули воспользоваться наступившими затѣмъ междоусобицами въ Русской землѣ, и прорвались въ глубь ея юго-восточныхъ предѣловъ: они появились у Песочнаго, на Супоѣ, и у Корсуня, на Роси. Это безцеремонное хозяйничанье половцевъ въ столь близкомъ разстояніи отъ центра юго-восточной Руси, Переяславля, происходило вслѣдствіе того, что южная Русь слабѣла все болѣе и болѣе.

Интересно отмѣтить, что параллельно съ ослабленіемъ пограничныхъ со степью юго-восточныхъ предѣловъ Руси шло пропорціональное усиленіе правобережной, пограничной со степью полосы, т. е. Поросья; сюда уходятъ, обыкновенно, кочевники съ лѣвой стороны Днѣпра, если условія жизни въ послѣдней становились для нихъ неудобными или слишкомъ тяжелыми. Понятно отсюда станетъ намъ и то стремленіе половцевъ преслѣдовать осѣдавшихъ на правобережьи выходцевъ изъ степей, и не давать имъ возможности прочно утвердиться тамъ подъ защитой крѣпостныхъ сооруженій,—стремленіе, которое они выказывали относительно уходившихъ сюда степняковъ. Отсюда понятны станутъ намъ также и нападенія половцевъ на Зарубъ, Корсунь, Каневъ, Юрьевъ, Торческъ и проч. Очевидно, половцы напи-

[1]) *Карамзинъ* (II пр. 204) говоритъ, что „Святополкъ и Мономахъ изъ Кіева до Ворсклы шли девять дней".

[2]) Ипат. лѣт., стр. 369—370.

рали на тѣ мѣста, которыя или стѣсняли ихъ при вторженіяхъ въ русскіе предѣлы, или же, принимая выходцевъ изъ степей, причиняли имъ матеріальный ущербъ. Между тѣмъ, въ силу тѣхъ же причинъ, черно-клобуцкое населеніе Поросья всегда держало сторону русскихъ князей, было ихъ постояннымъ союзникомъ, хотя и не вполнѣ надежнымъ. Необходимо замѣтить, что половцы, всякій разъ при возникновеніи неурядицъ въ Русской землѣ, старались не упускать удобнаго случая, чтобы пошатнуть тотъ планъ, какого держались русскіе князья относительно охраны своихъ степныхъ окраинъ. Въ 1174 году они нападаютъ одновременно въ двухъ мѣстахъ на русскіе предѣлы: на Поросье и на сѣверо-восточныя переяславльскія границы. Къ послѣднимъ, они пробираются, держась поближе къ черниговскимъ предѣламъ, и раззоряютъ здѣсь окрестности Серебрянаго и Баруча. Почти одновременно съ половцами выступаетъ въ походъ, на степняковъ, сѣверскій князь, Игорь Святославичъ, рѣшившій попытать счастья противъ половцевъ [1]). Движеніе Игоря въ степи совершалось по тому промежуточному, между р. Ворсклой и правыми притоками Сѣвернаго Донца, нѣсколько болѣе приподнятому, сравнительно съ окружающей мѣстностью, плато, которое представляло прекрасную дорогу въ половецкія степи. Достигши р. Ворсклы, Игорь встрѣтилъ близъ послѣдней половцевъ, которые „ловили здѣсь языка“, т. е. старались захватить мѣстныхъ жителей, съ помощью которыхъ они могли бы добыть необходимыя свѣдѣнія о русскихъ военныхъ силахъ. Захвативъ нѣсколькихъ половцевъ въ плѣнъ, Игорь отъ нихъ узналъ, что отошедшіе въ Русь половцы пошли къ Переяславлю—пограбить послѣдній [2]). Тогда Игорь, зная, куда половцы пошли воевать и, зная также, что они должны будутъ возвращаться въ степи съ награбленной добычей своимъ обычнымъ путемъ—кратчайшей дорогой черезъ рр. Хоролъ и Пселъ,—рѣшилъ пресѣчь имъ дорогу при переправѣ черезъ р. Ворсклу. Съ этой цѣлью онъ направляется къ р. Ворсклѣ и переходитъ послѣднюю близъ Лтавы, въ которой нельзя не видѣть нынѣшней Полтавы [3]), чтобы такимъ образомъ имѣть воз-

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 387.

[2]) Здѣсь выраженіе къ „Переяславлю“ надо понимать не въ буквальномъ смыслѣ, т. е. къ этому городу, а въ широкомъ, гдѣ подъ Переяславлемъ надо разумѣть не городъ, а страну. Такого рода выраженія можно неоднократно встрѣтить въ лѣтописи.

[3]) Разсмотрѣніе лѣтописнаго отрывка, трактующаго о половецкихъ набѣгахъ 1174 года, даетъ намъ возможность предполагать, что подъ именемъ лѣтописной Лтавы надо разумѣть нынѣшнюю Полтаву. Въ самомъ дѣлѣ, въ лѣтописи сказано

можность встрѣтить враговъ близъ обычной переправы черезъ означенную рѣку. Игорь не ошибся: половцы дѣйствительно вскорѣ показались въ томъ именно пунктѣ, гдѣ ихъ надѣялись встрѣтить русскіе. Произошло сраженіе, окончившееся полной и скорой побѣдой русскихъ: половцы бѣжали, оставивъ въ руки побѣдителей весь свой полонъ, награбленный близъ Серебрянаго и Баруча. Дружина Игоря частью избила половцевъ, частью полонила [1]).

Переходъ Игоря у Лтавы, т. е. нынѣшней Полтавы, очень характеренъ. Очевидно, Игорю были извѣстны тѣ пути, какими пробирались половцы при своемъ возвращеніи въ степи, и онъ постарался выждать у нихъ прихода враговъ. Судя по всему, обычная переправа

что Игорь, узнавъ о движеніи половцевъ къ Переяславлю, „перееха Въросколъ у Лтавы къ Переяславлю“ и т. д. Первоначально, при прочтеніи этого отрывка, повидимому, не замѣчается никакихъ неправильностей, не вызывается никакихъ сомнѣній въ его вѣрности. Стоитъ, однако, присмотрѣться къ нѣкоторымъ варіантамъ этого текста, чтобы убѣдиться, что онъ дошелъ до насъ въ искаженномъ видѣ. Такъ, приведенный внизу лѣтописи варіантъ гласитъ: „*переехалъ росколъ во лтавы*“ (Ипат. лѣт., стр. 387). Мы считаемъ, что первоначальный текстъ читался не такъ, какъ въ обоихъ вышеприведенныхъ текстахъ. Прежде всего возбуждаетъ сомнѣніе слово „*переехалъ*“, поставленное, во второмъ случаѣ, съ полнымъ окончаніемъ, тогда какъ извѣстно, что усѣченная форма глагола въ древности была гораздо употребительнѣе и встрѣчается столь часто, что это даже можно замѣтить нѣсколькими строчками выше указаннаго текста. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе *второй текстъ*, мы считаемъ, что слово *переехалъ* составлено изъ двухъ словъ: *переѣха* и *лъ*, при чемъ второе слово не было точно разобрано переписчикомъ, и, благодаря этому, стоящія въ концѣ слова двѣ буквы *въ* передѣланы затѣмъ въ *лъ* и отнесены не къ непосредственно слѣдующему затѣмъ слову *росколъ*, какъ это должно было бы быть, а къ слову предшествующему, образовавъ, хотя и понятную, но почти не употреблявшуюся въ то время глагольную форму для 3-го лица един. ч. прошедш. времени съ окончаніемъ *лъ*, т. е. *переехалъ*. По всей вѣроятности, переписчикъ, или составитель, имѣя передъ глазами какіе-то варіанты текста, исправилъ послѣдній въ одномъ случаѣ перестановкой двухъ буквъ, приставивъ ихъ къ тому слову (росколъ), къ какому они дѣйствительно относились. Но, сдѣлавъ удачную поправку въ словѣ *росколъ*, составитель лѣтописи, не зная, очевидно, хорошо мѣстности, побоялся уже оставить безъ поправки и въ другомъ мѣстѣ не совсѣмъ понятное для него слово и рѣшилъ такую же приставку *въ* при словѣ *лтава* выбросить, считая, что находящійся передъ этимъ предлогъ *у* обозначаетъ то же, что и *въ*, отчего изъ прежняго текста *у въ лтавы* образовалось *у лтавы*. Такимъ образомъ, произошла поправка текста въ одномъ мѣстѣ и порча его—въ другомъ. Кромѣ того, возможно также сдѣлать предположеніе, что такому измѣненію нѣкоторыхъ словъ текста могло способствовать неясное начертаніе буквы *в*, которая въ древности часто смѣшивалась съ буквой п, отчего слово *полтава* могло быть прочитано *волтава*.

[1]) Ипат. л., стр. 387.

половцевъ черезъ р. Ворсклу находилась въ мѣстности, лежащей нѣсколько ниже Полтавы, и если степняки направлялись къ этому именно мѣсту для своей переправы, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что половцы возвращались изъ сѣвернаго района Переяславльской земли—отъ Серебрянаго и Баруча—и выбирали для своего возвращенія кратчайшую дорогу, такъ что ближайшая переправа черезъ р. Ворсклу находилась у Лтавы. Необходимо замѣтить, что близъ Полтавы находилась крайняя, т. е. самая сѣверная въ южномъ отдѣлѣ р. Ворсклы переправа черезъ эту рѣку. Извѣстно, что къ сѣверу отъ Полтавы и правый, и лѣвый берега вышеупомянутой рѣки были покрыты въ древнее время обширными дремучими лѣсами, пробраться сквозь которые было чрезвычайно трудно, почти невозможно, такъ что разсчитывать на возвращеніе половцевъ этими лѣсными мѣстами врядъ ли было возможно.

Вообще, переходъ Игоремъ р. Ворсклы близъ Полтавы имѣлъ большое основаніе и былъ, конечно, сдѣланъ по всѣмъ правиламъ военной стратегіи: переправа черезъ рѣку выше того мѣста, которымъ возвращались въ степи половцы, давала Игорю возможность неожиданно напасть на враговъ у мѣста перехода черезъ рѣку и поставить ихъ въ затруднительное и опасное положеніе между рѣкой и тѣснящимъ съ тылу врагомъ; кромѣ того, переходъ черезъ р. Ворсклу у Лтавы имѣлъ еще другое, болѣе серьезное основаніе, вызывавшееся, какъ знаніемъ мѣстности, такъ и всѣхъ своеобразныхъ условій ея жизни. Игорь зналъ, что при движеніи русскаго войска по правой сторонѣ р. Ворсклы являлась возможность напасть на половцевъ неожиданно: правая сторона этой рѣки все еще была стороной русской, и половцы не такъ-то скоро могли провѣдать о появленіи здѣсь русскаго войска. Не то было бы въ томъ случаѣ, если бы Игорь вздумалъ идти по лѣвой сторонѣ означенной рѣки и поджидать враговъ у мѣста ихъ излюбленныхъ переправъ черезъ эту рѣку, расположившись такимъ образомъ, чтобы дѣйствовать врагамъ во фронтъ. Такой маневръ, навѣрно, неудался бы, такъ какъ здѣсь вблизи, между низовьями рр. Ворсклы и Орели, находились половецкіе союзники—торки и другіе тюркскія племена, которыя могли дать знать заранѣе половцамъ о готовящемся на нихъ нападеніи.

Теперь является вопросъ, гдѣ же именно произошелъ бой съ половцами на р. Ворсклѣ? Судя по всему, мѣсто это находилось нѣсколько ниже Полтавы, близъ м. Сенджарова, гдѣ издревле существовала наиболѣе удобная переправа черезъ эту рѣку. Извѣстно,

что мѣстность по теченію рѣки Ворсклы, верстъ на пятнадцать—двадцать ниже Полтавы, была мало проходимой и малоудобной для перехода, вслѣдствіе болотистаго и лѣсистаго своего характера; кромѣ того, переправляться мѣшала еще и впадающая верстъ на 15—20 ниже Полтавы, съ лѣвой стороны Ворсклы, рѣченка Тагамлыкъ, также покрытая по своимъ берегамъ болотами и лѣсами. Между тѣмъ, мѣстность къ югу отъ указанной рѣченки являлась уже ровной, степной и, слѣдовательно, вполнѣ пригодной для быстрыхъ передвиженій, составлявшихъ одно изъ главныхъ условій успѣшности половецкихъ походовъ на Русь. Вотъ почему переправа у Санджарова являлась наиболѣе удобной и наиболѣе посѣщаемой степняками. Что это было такъ, и что половцы постоянно наровили возвращаться близъ указанныхъ мѣстъ, можно убѣдиться изъ фактовъ послѣдующаго времени.

Большая связь, существовавшая между пограничными у степей, на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, полосами южной Руси, и постоянная опасность, грозившая имъ и требовавшая немедленнаго и быстраго отпора противъ нападавшихъ кочевниковъ, были причиной того, что обѣ эти порубежныя земли были отданы въ одни руки. Такъ, въ 1174 году Ростиславичи съ этой именно цѣлью отдали Михаилу Юрьевичу Поросье и Переяславль [1]).

Мирное затишье, наступившее въ русской землѣ, послѣ жестокихъ усобицъ между Мономаховичами и Ольговичами, въ концѣ 3-й четверти XII столѣтія, отразилось и на внѣшнихъ дѣлахъ ея: открывается интенсивная борьба Руси съ половцами, достигшая вскорѣ апогея своего развитія. Сконцентрировавши къ этому времени свои боевыя силы, половцы открываютъ правильную, упорную борьбу съ Русью. Это уже не были походы отдѣльныхъ половецкихъ отрядовъ, а были организованныя, по заранѣе выработанному плану, предпріятія степняковъ противъ русской земли. Въ 1179 году половцы, подъ предводительствомъ Кончака и его товарищей, явились въ предѣлы Переяславльской земли и послали отсюда къ Святославу, въ Кіевъ, приглашеніе вступить съ ними въ переговоры. Святославъ Всеволодовичъ немедленно собрался изъ Кіева для устройства указанныхъ переговоровъ, которые, судя по ходу дѣлъ, должны были состояться или близъ Переяславля, такъ какъ половцы продвинулись къ окрестностямъ этого города, или же близъ Заруба, гдѣ уже раньше, какъ мы видѣли, заключались мирные договоры съ половцами. Застигнутый врасплохъ

[1]) Ипат. лѣт., стр. 389.

Святославъ Всеволодовичъ, повидимому, охотно соглашался исполнить предложеніе половцевъ—устроить съ ними переговоры, для чего и выступилъ изъ Кіева, внизъ по Днѣпру. Но, поступая такимъ образомъ и соглашаясь, повидимому, уладиться со степняками, Святославъ дѣлалъ весьма искусные дипломатическіе шаги, которыми онъ не замедлилъ воспользоваться.

Выказывая готовность вступить въ компромиссы съ половцами, Святославъ Всеволодовичъ велъ свою политику относительно степи не вполнѣ корректно: такъ, объявивъ половцамъ, что онъ тотчасъ же готовъ отправиться для переговоровъ съ ними, Святославъ Всеволодовичъ дѣйствительно оставляетъ Кіевъ, но двигается при этомъ медленно, поджидая себѣ помощи со стороны Ростиславичей, обѣщавшихъ немедленно явиться на выручку въ случаѣ опасности. Въ то время, какъ онъ, такъ лавируя, все медлилъ и находился гдѣ-то ниже Триполья [1]), приходитъ извѣстіе, что половцы напали на Переяславль и опустошили его окрестности [2]). Тогда Святославъ Всеволодовичъ предпринялъ искусный маневръ: онъ быстро двинулся внизъ по Днѣпру, перешелъ послѣдній, вѣроятно, у Канева, или же гдѣ-либо близъ этого мѣста, и направился къ Сулѣ, къ тѣмъ именно мѣстамъ, какими имѣли обыкновеніе возвращаться половцы, послѣ своихъ грабежей у Переяславля. Онъ остановился насупротивъ Лукомскаго городища и сталъ здѣсь поджидать половцевъ.

Этимъ искуснымъ маневромъ Святославъ Всеволодовичъ хотѣлъ застичь половцевъ на пути ихъ перелазовъ черезъ Сулу, но не успѣлъ: провѣдавшіе о близости русскаго войска за Сулой, половцы бѣжали другой дорогой въ степи [3]).

Этотъ походъ князя Святослава Всеволодовича за Сулу чрезвычайно интересенъ для насъ, такъ какъ изъ него можно болѣе или менѣе точно опредѣлить направленіе путей, какими имѣли обыкно-

---

[1]) Проф. Голубовскій говоритъ, что Святославъ Всеволодовичъ стоялъ въ это время у Триполья (Печенѣги, торки и половцы, стр. 80), но это не вѣрно: въ лѣтописи прямо сказано, что „Святославу, ниже Трьполя стоящу, съжидающи к собѣ Ростиславичь, ждашеть бо к собѣ Половѣць на миръ“. Ипат. лѣт., стр. 415.

[2]) „Бяшеть же имъ вѣсть ина: „рать“, и въ то время пригна посолъ ис Переяславля: „воюють Половци около города“. Ипат. лѣт., стр. 415.

[3]) „И въ то время пригна посолъ ис Переяславля: воюють половци около города“. Слышавше же князи Рустии, пойдоша за Сулу и сташа близъ городища Лукомля; вѣсть же приимше Половци, яшася бѣгу опять своею дорогою“. Ипат. л., стр. 415.

веніе приходить половцы изъ степей въ русскія земли и обратно. Оказывается, что одинъ изъ такихъ путей пролегалъ черезъ нижнюю Сулу и проходилъ нѣсколько южнѣе тѣхъ мѣстъ, на которыя, по сообщенію духовной Мономаха, производили нападенія половцы. Этотъ путь, очевидно, пересѣкаетъ нижнюю Сулу гдѣ-то близъ Горошина или же Буромки и являлся столь излюбленнымъ путемъ, какъ въ описываемое время, такъ и значительно позже, что получилъ даже названіе *„злодѣйскаго шляха“*: татары въ XVI и XVII стол. имѣли обыкновеніе пробираться этой дорогой для совершенія грабежей въ Переяславской землѣ [1]).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность установить пунктъ пересѣченія этого пути съ р. Сулой. Остается опредѣлить его дальнѣйшее направленіе къ востоку.

Изъ духовной Мономаха видно, что направленіе движенія русскихъ войскъ, ходившихъ догонять половцевъ, грабившихъ Горошинъ, было къ р. Хоролу, очевидно, къ нижнему теченію этой рѣки, представлявшему удобства въ томъ отношеніи, что находившіяся по этой рѣкѣ угодья, интересныя для кочевниковъ во время ихъ передвиженій, были расположены параллельно ихъ обычной дорогѣ въ степи, и что пролегавшая къ югу отъ нижняго теченія р. Хорола мѣстность представляла изъ себя ровную степную равнину, чрезвычайно удобную для быстрыхъ переходовъ. Кромѣ того, въ той же духовной находится сообщеніе, указывающее и на дальнѣйшее направленіе этого пути: онъ шелъ, какъ извѣстно, по прямой линіи къ востоку, пересѣкая р. Пселъ у Голтвы: „и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ“, говорится въ духовной Мономаха [2]). Слѣдовательно, эти сообщенія духовной служатъ указателемъ дальнѣйшаго направленія половецкаго пути на востокъ.

Тѣ же лѣтописныя данныя позволяютъ намъ опредѣлить, также и пунктъ пересѣченія половецкаго пути съ р. Ворсклой.

Такъ, изъ похода Игоря Святославовича 1174 года мы уже видѣли, гдѣ ожидалась переправа половцевъ на р. Ворсклѣ.

Мы высказали предположеніе, что пунктъ переправы половцевъ находился на рѣкѣ Ворсклѣ неподалеку отъ устьевъ впадающей въ Ворсклу съ лѣвой стороны рѣченки Тагамлыка.

---

[1]) *Лазаревскій*, Историч. очерки Полтав. Лубенщины. Чт. въ историч. общ. Нестора лѣт., кн. XI, стр. 134—135.

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 241.

Оказывается, что наше предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ послѣдующихъ извѣстіяхъ лѣтописи. Въ послѣдней имѣются еще и другія данныя, указывающія, что обычная переправа черезъ р. Ворсклу находилась нѣсколько ниже г. Полтавы. Мы можемъ убѣдиться въ этомъ изъ лѣтописныхъ сообщеній о походѣ на половцевъ, въ 1184 году, русскихъ князей подъ начальствомъ Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславовича. Судя по всему, этотъ походъ былъ предпринятъ, какъ и другіе крупные походы въ степи, вовсе не съ цѣлью грабежа, или же огражденія торговыхъ путей и каравановъ купцовъ, какъ это полагаетъ профессоръ Голубовскій.

Напротивъ, походы въ степи имѣли другую, болѣе видную, болѣе широкую и болѣе цѣлесообразную, для существенныхъ интересовъ Руси, цѣль: съ одной стороны, русскіе князья стараются привлечь на свою сторону изъ степей тѣ элементы, которые были недовольны совмѣстной жизнью съ половцами, а, съ другой,—они старались послѣдовательными, неожиданными и учащенными нападеніями на половцевъ, предпринимаемыми въ самыя тяжелыя для степняковъ времена, подорвать ихъ силы, и тѣмъ предохранить свои земли отъ половецкихъ нашествій. Понятно, что подобнаго рода дѣйствія могли проявиться въ сознаніи правителей русской земли подъ давленіемъ разнаго рода политическихъ обстоятельствъ и всей совокупности окружающихъ условій жизни. Въ южной Руси въ этотъ періодъ замѣчаются попытки поднять значеніе Кіева и южной Руси и вновь поставить ихъ на должную высоту.

Этой идеи придерживался, повидимому, и кіевскій князь Святославъ Всеволодовичъ, который старался осуществить ее путемъ разнаго рода подготовительныхъ работъ, направленныхъ къ расширенію своей власти на счетъ сосѣдей, на пріобрѣтеніе союзниковъ и ослабленіе опасныхъ и сильныхъ враговъ. Конечно, и половецкія степи не могли оставаться безразличными и пассивными при условіяхъ такого рода политики: мѣры, предпринимаемыя Русью противъ степи, наталкивали послѣднюю на примѣненіе подобныхъ же мѣръ и по отношенію къ Руси. Съ обѣихъ сторонъ подготовлялись къ предстоящей отчаянной борьбѣ.

Узнавъ о заключеніи союза между Святославомъ Всеволодовичемъ и Рюрикомъ Ростиславичемъ и провѣдавъ, что русскіе дѣлаютъ серьезныя приготовленія для борьбы со степью, половцы предупредили и сдѣлали набѣгъ на русскую землю: въ 1183 году, подъ

предводительствомъ хана Кончака и Глѣба Тиріевича, они напали на гор. Дмитровъ [1]).

Такъ какъ во время этого нападенія страдали интересы Сѣверской земли, то преслѣдованіе половцевъ принялъ на себя князь Игорь Ольговичъ, который совершилъ удачный походъ въ степи, на половцевъ, и благополучно возвратился домой [2]).

Въ 1184 году Святославъ и Рюрикъ вновь объявили походъ на половцевъ и пригласили къ участію въ немъ русскихъ князей. Послѣдніе горячо отозвались на приглашеніе и явились со своими войсками. Здѣсь были князья: Луцкій, Смоленскіе, Городенскій, Пинскій, Галицкое войско, князь Переяславльскій и проч. Кромѣ того, русскія войска присоединили также къ своимъ силамъ значительный отрядъ берендѣевъ. Только братьевъ Святослава не было въ походѣ: они боялись оставить безъ всякой охраны свои земли, на которыя въ это время легко могли напасть половцы.

Въ виду этого они и говорятъ Святославу: „намъ далеко идти къ низовьямъ Днѣпра; мы не можемъ оставить безъ защиты своихъ земель, но если ты будешь идти Переяславской землей—лѣтописное выраженіе „на Переяславль“ надо понимать въ широкомъ смыслѣ—то мы соединимся съ тобой на Сулѣ“ [3]).

Святославъ двинулся въ походъ. Судя по тому, что говорили относительно Сулы братья Святослава, и принимая во вниманіе сообщеніе лѣтописи, что движеніе русскихъ направлялось „по Днѣпру“, а также то, что цѣлью похода были половецкія кочевья въ области рр. Орели и Самары, можно полагать, что путь въ степи пролегалъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, проходя, по своему обычному направленію, черезъ низовья рр. Сулы, Псла, Ворсклы и проч. Слѣдовательно, возможно полагать, что и мѣсто послѣдней остановки русскаго войска передъ его выступленіемъ въ половецкія степи находилось на порогѣ послѣднихъ, т. е. на р. Ворсклѣ, какъ это практиковалось и въ другое время, въ періодъ походовъ русскихъ въ степи. Такъ, въ 1111 году русскіе, достигши р. Ворсклы, какъ извѣстно, остановились.

Здѣсь они отдохнули и, подождавъ подхода своихъ союзниковъ, напутствуемые духовенствомъ—„крестъ цѣловаше“—выступили въ походъ. Поэтому можно предполагать, что и въ 1184 году происходило

---

[1]) Ипат. лѣт., 424; Густ. лѣт., стр. 318.

[2]) Ипат. лѣт., ст. 425; Густин. лѣт., стр. 319.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 426.

то же самое, т. е. русскіе достигли р. Ворсклы, и тутъ сдѣлали свою обычную остановку, а затѣмъ уже переправились въ степи, на ратную сторону: „и ста ту—говорится въ лѣтописи,—идеже нарѣцаеться Инжирь бродъ, и ту перебродися на ратьную сторону Днѣпра, и пять дни искаша ихъ“ [1]).

Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что остановка княжескихъ войскъ происходила не на Днѣпрѣ, какъ это предполагали нѣкоторые изслѣдователи (Погодинъ, Барсовъ, Голубовскій и проч.), а на р. Ворсклѣ, и что *подъ именемъ Инжирь брода скрывается не что иное, какъ нынѣшнее м. Санджаровъ*, близъ котораго впослѣдствіи существовала переправа на другую сторону рѣки,—переправа, которой пользовались ватаги чумаковъ, изъ сѣверо-западной части Полтавск. губ., когда они направлялись на югъ Руси, за солью, и татары во время своихъ набѣговъ на русскія земли [2]).

Слѣдовательно, слово *Инжирь* не что иное, какъ испорченное слово Санджаровъ, тѣмъ болѣе, что среди мѣстныхъ жителей мѣ-

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 426. Интересно замѣтить, что во время этого похода на половцевъ русское войско пять дней шло до половецкихъ кочевій. Слѣдовательно, разстояніе отъ р. Ворсклы до половецкихъ кочевьевъ остается почти то же самое, какъ и раньше.

[2]) Вотъ направленіе одного изъ такихъ чумацкихъ путей, записанное мною изъ устъ совершившаго такой чумацкій переѣздъ изъ Пирятинскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

Отправляясь изъ с. Бубновщины, находившагося въ сѣверной части Пирятинск. уѣзда, Полт. губ., чумаки шли на г. Пирятинъ, а изъ послѣдняго—на Лубны, Хоролъ, Голтву, а оттуда направлялись къ р. Ворсклѣ, которую переходили или близъ г. Кобелякъ, или же близъ Санжарова, переправляясь на паромѣ. Далѣе шли къ р. Орели, которую переходили въ м. Царичанкѣ, а затѣмъ направлялись къ р. Самарѣ—на Новомосковскъ, извѣстный тогда среди народа подъ именемъ Самаръ-города, или же шли на Павлоградъ. Путь отъ г. Пирятина до Маріуполя, на Азовскомъ морѣ, совершали недѣли въ двѣ слишкомъ, т. е. болѣе 17—18 дней. Ночевали или подъ открытымъ небомъ, или въ большихъ постоялыхъ дворахъ, расположенныхъ по крупнымъ степнымъ трактамъ.

Въ жалованной грамотѣ короля Сигизмунда-Августа отъ 1571 г., казаку Ем. Ивановичу на землю Сиверу на Ворсклѣ, при опредѣленіи границъ сказано: землю входную Северу у двадцати миляхъ, т. е. почавши отъ Санчаровскаго перевозу на рецѣ Ворскли, *шляху татарского*, на низъ тою рекою Ворсклом, къ устью рѣчки Полузоры и т. д. См. Чт. въ Ист. общ. Нестора лѣт., кн. 8, матеріалы, стр. 12. Иногда татары, направляясь изъ Крыма въ Русь, шли черезъ поля яловыя „*на врочищъ Санчарово*“. См. Кн. Пос. Метр. В. кн. Литовск. т. I, стр. 30. Интересно, что на Боплановой картѣ Кіевск. воеводства близъ Санжарова показанъ Bielikowy Brod.

стечко это произносится обыкновенно то какъ *Сынжаровъ*, то какъ *Синжаровъ*, что уже очень близко къ лѣтописному Инжирю.

Походъ, какъ извѣстно, окончился удачей, при чемъ наиболѣе отличился переяславльскій князь Владиміръ Глѣбовичъ, который, съ помощью берендѣевъ, одержалъ блистательную побѣду на берегахъ р. Орели надъ половцами. Эта побѣда, однако, не была побѣдой надъ всѣми половцами, а только надъ частью ихъ. Раздраженные успѣхомъ русскихъ, половцы быстро стянули всѣ свои, имѣвшіяся подъ руками войска и съ ожесточеніемъ напали на русскихъ. Завязался отчаянный бой, который, благодаря своевременно подошедшимъ подкрѣпленіямъ, окончился полнымъ пораженіемъ степняковъ: половцы бѣжали, оставивъ въ руки побѣдителей богатую добычу; множество плѣнниковъ досталось русскимъ. По словамъ лѣтописи, число плѣнныхъ доходило до 7 тысячъ [1]). Въ числѣ плѣнныхъ находился также и ханъ Кобякъ. Слава объ этой побѣдѣ далеко разнеслась и нашла себѣ отраженіе въ Словѣ о полку Игоревѣ: „Святославъ Великій Кіевскій—поется въ означенномъ Словѣ,—грозою бяшеть, притрепалъ своими сильными пълки и харалужными мечи, наступи на землю Половецкую, притопта хълмы и яруги, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота, а поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ пълковъ половецкихъ, яко вихрь выторже; и падеся Кобякъ, во градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святославлѣ“.

Такимъ образомъ, походъ въ степи вполнѣ удался для русскихъ князей. Однако, этотъ успѣхъ не былъ еще окончательнымъ торжествомъ надъ половцами; послѣдніе страшно озлобились и, составивъ совѣтъ между собою, рѣшили предпринять болѣе энергичныя дѣйствія относительно укрѣпленныхъ южно-русскихъ окраинъ. Какъ оказалось затѣмъ, половцы сумѣли довести до конца намѣченную ими цѣль. Такимъ образомъ, предпріятія половцевъ, о которыхъ сообщаютъ намъ лѣтописи, вполнѣ соотвѣтствовали тѣмъ исторически-слагавшимся условіямъ, какія существовали на степномъ южно-русскомъ пограничьи: половцы дѣйствуютъ теперь противъ русскихъ тѣмъ же оружіемъ, какое тѣ практиковали относительно ихъ, т. е. они стараются удачными военными походами въ Русь расшатать и подорвать установившійся между степняками авторитетъ русской силы, и разрушеніемъ ея ближайшихъ, со стороны степи, опорныхъ пунктовъ заставить

[1]) Ипат. лѣт., стр. 427; Лавр. лѣт., стр. 375; Никон. лѣт., стр. 11; Воскрес. лѣт. ст. 97—98.

искавшихъ въ русской землѣ выходцевъ изъ степей усомниться въ безопасности и солидной защитѣ здѣсь, подъ охраной южно-русскаго населенія. Какъ увидимъ дальше, половецкіе планы вышеуказаннаго характера возымѣли свое дѣйствіе и доставили не мало хлопотъ русскимъ князьямъ. Энергичнымъ выразителемъ половецкихъ стремленій былъ знаменитый половецкій ханъ, Кончакъ, отличавшійся беззавѣтной храбростью и отвагой. Собравъ значительныя силы и запасшись огнестрѣльнымъ оружіемъ, стрѣлявшимъ, по выраженію лѣтописи, „живымъ огнемъ“, Кончакъ задумалъ крупный походъ въ русскія земли. Конечно, прежде всего, необходимо было сокрушить передовой форпостъ Южной Руси,—Посулье, сильно мѣшавшее степнякамъ въ ихъ военныхъ предпріятіяхъ противъ Русской земли. Составивъ планъ произвести разгромъ посульской укрѣпленной линіи, Кончакъ вошелъ въ предѣлы Переяславской земли и остановился въ области р. Хорола. Продолжать отсюда путь дальше, не выяснивъ заранѣе, какъ будетъ относиться къ этому черниговскій князь, было крайне рискованнымъ: черниговскій князь, благодаря стратегическому положенію своихъ окраинныхъ земель, могъ въ любое время быстро и безпрепятственно отправить съ Посемья войска, которыя, двинувшись по извѣстному водораздѣльному между р. Сеймомъ и вершинами р. Псла и Ворсклы кряжу, могли очутиться въ тылу у половцевъ и отрѣзать послѣднимъ путь отступленія въ степи. Эта опасность становилась для степняковъ тѣмъ болѣе грозной, что она возрастала въ пропорціи прямо пропорціональной величинѣ награбленнаго ими русскаго имущества. Въ виду всего этого, до полученія отвѣта изъ Чернигова принимать рѣшительныя дѣйствія половцамъ было крайне рискованнымъ, а потому Кончакъ, достигнувъ р. Хорола, остановился и отправилъ отсюда въ Черниговъ, къ Ярославу Всеволодовичу, посла съ мирными предложеніями. Между тѣмъ, Святославъ Кіевскій и Рюрикъ, узнавъ о движеніи Кончака, рѣшили быстро выступить на враговъ. Въ виду того обстоятельства, что половцы находились уже близъ Посулья и могли вскорѣ напасть на него, князья дѣйствуютъ быстро и рѣшительно. Они выступили въ походъ и направились къ Хоролу, т. е. къ тому мѣсту, гдѣ въ данное время находились половцы.

Путь, какимъ шло русское войско, на половцевъ, къ Хоролу, очевидно, имѣлъ то же направленіе, что и въ предыдущее время, т. е. князья отъ Переяславля направлялись къ Сулѣ, которую перешли, по всей вѣроятности, близъ м. Лукомья, а затѣмъ уже отсюда пошли къ Хоролу. Результатомъ такого строго разсчитаннаго, основаннаго

на прекрасномъ знаніи мѣстности, движенія русскихъ на половцевъ была полная побѣда надъ послѣдними. Замѣтивъ издали, съ вершины холма, половецкія становища на лугу, русскіе осторожно обошли враговъ и, бросившись внезапно, на-голову разбили ихъ. Разстроенные остатки половецкаго войска въ безпорядкѣ бѣжали въ степи. Самъ бесурменинъ, стрѣлявшій „живымъ огнемъ“, попался въ плѣнъ вмѣстѣ со своимъ оружіемъ, вызвавшимъ удивленіе русскихъ [1]). Таковы результаты этого похода кіевскаго князя и его союзниковъ на половцевъ. Однако, торжество русскихъ было непродолжительнымъ. Въ 1185-мъ году, половцы, по заранѣе составленному плану, съ двухъ сторонъ напали на русскія земли: со стороны южныхъ окраинъ Сѣверской земли—на Посемье, и со стороны юго-восточныхъ Переяславльской земли—на окрестности Переяславля.

Мы не будемъ описывать результатовъ этого похода: они общеизвѣстны: замѣтимъ только, то половцы рѣшили въ конецъ разорить Посулье: по словамъ лѣтописи, половцы, направляясь на Переяславль, взяли всѣ города по Сулѣ [2]).

Повоевавъ Посулье, половцы направились къ Переяславлю, напали на него и хотѣли взять штурмомъ, но отчаянная защита города, оказанная Владиміромъ Глѣбовичемъ, спасла его: городъ не сдался. Потерпѣвъ неудачу и узнавъ, что изъ Кіева на выручку Переяславля идутъ свѣжія войска, половцы быстро сняли осаду и поспѣшно отступили въ степи. Такъ какъ русскіе, по словамъ лѣтописи, „опоздишася и не заѣхаша ихъ“, то половцы успѣли ускользнуть невредимо. Конечно, отступленіе половцевъ отъ Переяславля совершалось кратчайшей дорогой, т. е. черезъ нижнюю Сулу. Достигнувъ послѣдней, половцы напали на г. Римовъ и взяли его [3]).

Такимъ образомъ, все Посулье лежало въ развалинахъ: половцы страшно отомстили русскимъ за ихъ походы. Успѣшно выполнивъ задачу относительно русскаго предстепья на лѣвой сторонѣ Днѣпра, половцы рѣшаютъ попытать счастія въ этомъ дѣлѣ также и на правой сторонѣ означенной рѣки: предстепная полоса на правой сторонѣ Днѣпра задѣвала интересы степняковъ не менѣе лѣвой, такъ какъ сюда обыкновенно переходили тѣснимые съ востока кочевники и осѣдали здѣсь по укрѣпленнымъ линіямъ, главнымъ образомъ по теченію

---

[1]) Ипат. л., стр. 429.

[2]) Ипат. л., стр. 435—439; Лавр. л., стр. 379; Ник. л., стр. 15; Воскр. л., стр. 99.

[3]) Ипат. л., стр. 436.

р. Роси и другимъ, имѣвшимъ стратегическое значеніе рѣкамъ Кіевской Руси. Въ 1184-мъ году сюда былъ посланъ довѣренный мужъ кіевскаго князя, Романъ Нездиловичъ, который удачно выполнилъ возложенное на него порученіе и на-голову разбилъ вздумавшихъ было напасть на эти мѣста половцевъ [1]).

Спустя годъ съ небольшимъ послѣ погрома Посулья, половцы вновь нападаютъ на Русскую землю; они, повидимому, намѣревались по прежнему поживиться на счетъ днѣпровскаго лѣвобережья, прорвавшись черезъ границы котораго, можно было легко пограбить и дальше въ странѣ, такъ какъ сдерживающая степняковъ посульская укрѣпленная линія уже не существовала. Что въ данномъ случаѣ нападеніе половцевъ имѣло цѣлью лѣвую сторону Днѣпра, въ этомъ можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія отпора, какой былъ данъ въ это именно время половцамъ: противъ послѣднихъ выступаютъ быстро, безъ обоза,—„ехаша изъѣздомъ безъ возъ“, говоритъ лѣтопись,—князья Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславовичъ, а затѣмъ къ нимъ присоединяется еще и Владиміръ Глѣбовичъ. Послѣдній, какъ и раньше, въ предыдущіе походы, былъ посланъ впередъ съ полнымъ, конечно, основаніемъ: ему, выросшему среди постоянныхъ столкновеній въ означенной странѣ, были извѣстны болѣе, чѣмъ кому либо другому, какъ мѣстность ея, такъ и характеръ степняковъ, ихъ военные пріемы и проч. Поэтому переяславльскому князю и поручена была эта отвѣтственная и вмѣстѣ почетная обязанность идти въ авангардѣ всѣхъ войскъ и, такимъ образомъ, руководить военными операціями. Конечно, такое порученіе предоставлялось переяславльскому князю еще и въ силу того, что область его подвергалась частымъ опустошеніямъ со стороны степняковъ, и теперь, при первомъ столкновеніи, часть добычи, отнятой у половцевъ, конечно, должна была перейти въ руки Владиміра Глѣбовича, являясь какъ бы нѣкотораго рода вознагражденіемъ за прежнія потери. Повидимому, все складывалось такъ, что переяславльскій князь разсчитывалъ на значительную добычу отъ степняковъ, но оказалось совсѣмъ противное: узнавъ заранѣе о наступленіи русскихъ войскъ, половцы постарались уйти вглубь степей.

Но является вопросъ: какъ же половцы могли своевременно узнать о походѣ? Кто извѣстилъ ихъ объ этомъ? Вѣдь, русское войско двигалось еще въ русскихъ предѣлахъ. Очевидно, живущее въ послѣднихъ населеніе извѣстило своевременно половцевъ о надвигающейся

[1]) Ипат. лѣт., стр. 430.

грозѣ. Оказывается, что дѣло было дѣйствительно такъ, какъ мы сказали раньше. Та половецкая политика, какая примѣнялась въ послѣднее время къ юго-восточной Руси, возымѣла свое дѣйствіе, и выходившіе изъ степей и поселявшіеся въ русскихъ предѣлахъ, въ промежуткахъ между нижними теченіями рр. Псла и Ворсклы, кочевники—берендѣи и черные клобуки—потерявъ, послѣ погрома Посулья, увѣренность въ надежной опорѣ со стороны Руси и находясь неподалеку отъ половцевъ, могущихъ теперь при удобномъ случаѣ показать имъ свою силу, начинаютъ мало-по-малу измѣнять свое къ нимъ отношеніе и входятъ даже въ дружбу съ половцами. Это они предупредили половцевъ объ опасности, благодаря чему тѣ и успѣли во время уйти за Днѣпръ, начинавшій разстаивать въ то время. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ лѣтопись: „Княземъ же Рускимъ идущимъ на ня, ис Черныхъ же Клобукъ даша вѣсть сватомъ своимъ в Половци; Половци же слышавше, оже идуть на ня князи Рустии, бѣжаша за Днѣпръ“ [1]).

Что описываемый походъ на половцевъ происходилъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, можно видѣть изъ дальнѣйшаго о немъ разсказа лѣтописи, главнымъ образомъ, изъ описанія возвращенія больного князя Владиміра Глѣбовича. Расхворавшагося во время обратнаго пути съ похода Владиміра Глѣбовича положили на но́силки и принесли въ Переяславль [2]). Въ относящемся къ описываемымъ событіямъ лѣтописномъ отрывкѣ нѣтъ никакихъ указаній о переправѣ больного князя черезъ начинавшій разстаивать Днѣпръ; слѣдовательно, походъ совершался на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Кромѣ того, подтвержденіемъ нашей догадки, что послѣдній походъ Владиміра Глѣбовича съ Святославомъ Всеволодовичемъ и Рюрикомъ Ростиславичемъ былъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, можетъ также служить зимній походъ на половцевъ въ слѣдующемъ же 1187-мъ году: онъ былъ предпринятъ кіевскимъ княземъ, Святославомъ Всеволодовичемъ и Рюрикомъ Ростиславичемъ въ союзѣ съ черниговскими князьями. Путь князей шелъ по Днѣпру, обычной дорогой, по долинѣ этой рѣки, менѣе занесенной въ то время снѣгомъ: „И тако совокупишася вси князи Рускиѣ пойдоша по Днѣпру, нелзѣ бо бяшеть индѣ ити, бѣ бо снѣгъ великъ“ [3]). Князья дошли до р. Самары, гдѣ захватили половецкую стражу, отъ которой

[1]) Ипат. л., стр. 439.
[2]) Ипат. лѣт., стр. 439.
[3]) Ипат. л., стр. 440.

узнали, что половцы находятся недалеко, у Голубого лѣса. Возникшія въ это время распри между русскими князьями были причиной того, что князья дальше не пошли и ни съ чѣмъ возвратились назадъ, домой [1]).

Повидимому, этотъ походъ былъ предпринятъ князьями какъ бы въ поправку неудавшагося похода на половцевъ въ предыдущемъ году: князья, очевидно, пытались вторичнымъ, предпринятымъ уже съ большими силами и большей обдуманностью и предусмотрительностью, походомъ загладить неудачи перваго.

Въ виду этого, признавая, что походъ 1187 года совершался на лѣвой сторонѣ Днѣпра, можно полагать, что и упоминаемый въ лѣтописи при описаніи событій Татинскій бродъ также находился на лѣвой сторонѣ упомянутой рѣки, и если припомнить, что аналогичный походъ на половцевъ въ 1184 году происходилъ также на лѣвой сторонѣ Днѣпра, то мы получимъ еще большее подтвержденіе, что лѣтописный Татинецъ или татинскій бродъ былъ расположенъ на р. Ворсклѣ, на линіи обычныхъ путей въ степи черезъ означенную рѣку, т. е. близъ обычныхъ переправъ или бродовъ черезъ нее. Какъ извѣстно, обычнымъ, въ древности, мѣстомъ переправы черезъ р. Ворсклу были или м. Санджаровъ или же Кобеляки, вблизи котораго находится предмѣстье Гатинецъ, быть можетъ, испорченное названіе лѣтописнаго „Татинецъ“ [2]).

Насъ, конечно, не должно смущать то обстоятельство что въ лѣтописи Татинецъ или татинскій бродъ пріуроченъ къ Днѣпру. Мы полагаемъ, что здѣсь кроется или просто ошибка, описка, или же домыселъ кого либо изъ переписчиковъ, который, для поясненія дѣла, прибавилъ какую-то пояснительную вставку, какъ оказывается, не совсѣмъ удачную и мало соотвѣтствующую даннымъ обстоятельствамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ имѣло бы движеніе русскихъ войскъ къ броду на Днѣпрѣ и затѣмъ шествованіе ихъ на правой, возвышенной и малоудобной для передвиженій сторонѣ Днѣпра, если цѣль похода была застигнуть врасплохъ степняковъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра?

---

[1]) Ibidem.

[2]) Кромѣ того, не лишена основанія и догадка, что Татинцемъ названы эти броды въ лѣтописи потому, что здѣсь проходитъ *татинскій* или же *злодѣйскій путь*, сохранявшій свое названіе въ теченіе ряда вѣковъ, и что татинскій бродъ, получивъ свое названіе отъ *злодѣйскаго пути*, также обозначаетъ *злодѣйскій бродъ*. Интересно, что на Боплановой картѣ, сохранившей намъ весьма много топографическихъ указаній, на мѣстѣ брода черезъ р. Ворсклу показано: Bielikow brod.

Если признать, что походъ имѣлъ своей цѣлью правую сторону упомянутой рѣки, то, конечно, онъ долженъ былъ бы и совершаться на означенной сторонѣ рѣки; а если такъ, то тогда не зачѣмъ и переходить Днѣпръ. Если же признать, что походъ совершался по лѣвой сторонѣ Днѣпра, то опять непонятно, почему русское войско почувствовало такое неотразимое тяготѣніе къ указанному броду на Днѣпрѣ. Но, какъ извѣстно, цѣль похода была иная, именно—степи лѣвой стороны Днѣпра; поэтому русскому войску врядъ-ли была какая либо надобность придерживаться бродовъ на указанной рѣкѣ. Словомъ, судя по всему, броды на Днѣпрѣ не имѣли рѣшительно никакого отношенія къ походу, и мы не замѣчаемъ никакого намека на что либо подобное ни въ одномъ изъ походовъ русскихъ войскъ въ сторону лежащихъ къ востоку отъ Днѣпра степей. Такимъ образомъ, сообщеніе лѣтописи, что половцы, узнавъ о движеніи русскихъ, ушли за Днѣпръ, надо понимать въ томъ смыслѣ, что этотъ уходъ былъ совершенъ не на лѣвую сторону, упомянутой рѣки, а на правую, гдѣ, какъ оказывается, у нихъ существовали уже сотоварищи, съ помощью которыхъ вскорѣ и было предпринято крупное нападеніе на Русь [1]).

Описаніе похода 1187 года въ степи, на половцевъ, является чрезвычайно интереснымъ для насъ въ томъ отношеніи, что позволяетъ съ одной стороны, констатировать существованіе инородческаго, вышедшаго изъ степей полукочеваго населенія въ области между низовьями рр. Сулы, Псла и Ворсклы, а, съ другой, — опредѣлить отношенія находившихся близъ пограничья Русской земли упомянутыхъ инородческихъ племенъ — торковъ, берендѣевъ и прочихъ — къ русскимъ. Оказывается, что эти недавніе выходцы изъ степей, поселившись въ русскихъ предѣлахъ, не только не радѣли объ интересахъ своего новаго отечества, но часто дѣйствовали вопреки его интересамъ: подъ вліяніемъ своей близости къ степямъ эти новые поселенцы продолжаютъ водить дружбу съ половцами и своевременно извѣщаютъ ихъ обо всемъ, что творилось въ Русской землѣ. Такъ, когда русскія войска направлялись въ степи, противъ половцевъ, черные клобуки немедленно же извѣщали объ этомъ половцевъ и тѣмъ способствовали неуспѣху русскаго похода [2]). Такое предупредительное отношеніе поселившихся въ русскихъ предѣлахъ кочевниковъ къ половцамъ, быть можетъ, обусловливалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что половцы, опра-

---

[1]) Ипат. л., стр. 439.

[2]) Ипат. л., стр. 439; Лавр. л., стр. 386.

вившись послѣ періода затишья въ степяхъ и почувствовавъ свою силу, стали энергичнѣе нападать на русскую землю и распространять свое вліяніе не только на лѣвой сторонѣ Днѣпра, но и на правой. При такихъ условіяхъ, чернымъ клобукамъ, сидѣвшимъ на границахъ Переяславльской земли, у порога со степями, приходилось серьезно считаться съ половцами: имъ, волей-неволей, приходилось ладить съ ними, или же, по крайней мѣрѣ, не раздражать ихъ.

Такимъ образомъ, политика поселенныхъ на юго-восточномъ русскомъ предстепьѣ торковъ, берендѣевъ и другихъ степняковъ и ихъ предупредительное отношеніе къ половцамъ служили прекраснымъ показателемъ, съ одной стороны, близости половецкихъ кочевій отъ русскаго пограничья, а, съ другой,—начинавшагося упадка юго-восточной Руси, не имѣвшей возможности оказать серьезнаго отпора напиравшей съ востока кочевой силѣ. При такихъ условіяхъ правителямъ русской земли приходилось лавировать въ трудныхъ обстоятельствахъ и вступать въ разнаго рода компромиссы со степью. Русскіе князья старались всякаго рода уступками, соглашеніями, мирными переговорами уладиться съ половцами. Слабость наличныхъ боевыхъ силъ кіевскаго князя, сравнительно съ постоянно готовыми къ бою половецкими полчищами, принявшими въ концѣ XII вѣка грозные размѣры, не давала ему возможности не только думать о походахъ въ степи, но даже не позволяла принять соотвѣтствующихъ мѣръ для удержанія степняковъ въ должныхъ границахъ по отношенію къ русской землѣ: половцы свободно и, повидимому, безнаказанно проникаютъ въ русскую землю и опустошаютъ окрестности Переяславля [1]). Не имѣя достаточныхъ силъ для отраженія враговъ, кіевскому князю оставалось только пойти на уступки и уладиться въ половцами. Съ этой цѣлью, какъ только вѣсть о нападеніи половцовъ достигла Кіева, Святославъ Всеволодовичъ и направляется въ Каневъ, выбранный сторонами для переговоровъ. Назначеніе Канева для переговоровъ было очень знаменательнымъ для того времени: это мѣсто, расположенное на значительномъ разстояніи отъ юго-восточныхъ границъ Руси, являлось чрезвычайно важнымъ пунктомъ, представлявшимъ опорную базу или центръ среди расположеннаго вокругъ инородческаго населенія, и согласіе русскаго князя на устройство въ немъ переговоровъ является прекраснымъ показателемъ политической слабости Руси, вынужденной вести переговоры не на отдаленномъ

[1]) Ипат. л., стр. 456.

пограничьи, какъ это было раньше, а среди предѣловъ русской земли, въ области, окруженной со всѣхъ почти сторонъ степными инородческими элементами, допускать къ которымъ половцевъ было противно интересамъ русской политики.

Однако, такое положеніе южой Руси продолжалось не долго: принявшіе участіе въ дѣлахъ южно-русскихъ окраинъ сѣверные князья стараются защитить этотъ край отъ разоренія.

Въ 1199 году Всеволодъ Юрьевичъ, совмѣстно съ переяславльскимъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ, предпринялъ походъ въ степи на половцевъ. Походъ не имѣлъ, однако, успѣха: половцы, заранѣе узнавъ о готовящемся на нихъ движеніи, ушли вглубь степей, къ морю, такъ что русскіе дошли только до зимовищъ половецкихъ, находившихся на берегахъ р. Дона, и затѣмъ возвратились домой [1]). Между тѣмъ, междоусобицы въ русской землѣ не прекращались, что было очень на-руку половцамъ, неоднократно являвшимся грабить русскую землю.

Союзъ кн. Рюрика Ростиславича съ Ольговичами и наступившее вслѣдъ за симъ затишье давали возможность русской землѣ вновь приняться за разрѣшеніе половецкаго вопроса.

Въ 1205-мъ году состоялся большой походъ въ степи, на половцевъ, въ которомъ принимали участіе почти всѣ, болѣе или менѣе видные князья южной Руси. Походъ былъ совершенъ зимой. Русскіе удачно исполнили свою задачу, разбили половцевъ, захватили множество плѣнниковъ и скота и съ торжествомъ возвратились домой [2]).

Лѣтопись не сообщаетъ намъ ни о направленіи, какимъ двигались русскіе во время вышеупомянутаго похода, ни о мѣстности, въ какой произошло столкновеніе съ половцами. Судя, однако, по послѣдующимъ событіямъ и по тому, что дѣятельное участіе въ означенномъ походѣ принималъ переяславльскій князь, въ стольномъ городѣ котораго князья отдыхали по возвращеніи изъ похода [3]), можно полагать, что походъ этотъ совершался по извѣстному уже намъ маршруту, черезъ днѣпровское лѣвобережье,—тѣми торными путями, которые пролегали черезъ низовья рр. Сулы, Псла, Ворсклы и Орели.

Послѣ этого половцы нѣсколько притихли и не дѣлали набѣговъ

---

[1]) Лавр. л., стр. 394; Ник. л., стр. 31.

[2]) Лавр. л., стр. 398—9.

[3]) „Рюрикъ и Романъ и Ростиславъ пріѣхавъ, бывъ у шюрина своего въ Переяславли, и ту было мироположеніе въ волостяхъ“. Лавр. л., стр. 399.

на Русь. Возгорѣвшіяся вскорѣ междоусобицы между Мономаховичами и Ольговичами вновь развязываютъ руки степнякамъ и даютъ возможность продолжать свои опустошенія: половцы нападаютъ на переяславльскіе предѣлы и страшно ихъ опустошаютъ: они разорили здѣсь множество селъ и увели массу плѣнниковъ [1]).

Общая опасность, грозившая отъ сосѣднихъ земель и со стороны степи, была причиной заключенія тѣснаго союза между переяславльскимъ княземъ Владиміромъ Всеволодовичемъ и княземъ черниговскимъ. Этотъ союзъ былъ заключенъ, помимо другихъ видовъ, также и для отпора степнякамъ, продолжавшимъ безпокоить южно-русскіе предѣлы. Переяславльскій князь такимъ образомъ могъ успѣшно вести борьбу съ врагами. Такъ, когда въ 1215 году половцы сдѣлали нападеніе на пограничную полосу русской земли, расположенную по теченію р. Ворсклы, Владиміръ Всеволодовичъ поспѣшилъ съ войскомъ для защиты края отъ враговъ, и послѣдніе, не смотря на свое численное превосходство, были побѣждены. Владиміръ съ торжествомъ возвратился въ Переяслáвль.

Лѣтопись опять не сохранила намъ болѣе или менѣе подробныхъ указаній ни о направленіи похода, ни о мѣстѣ столкновенія Руси съ половцами; слишкомъ краткое сообщеніе лѣтописи о движеніи русскихъ на р. Ворсклу не позволяетъ точно указать мѣста этого столкновенія. Принимая, однако, во вниманіе направленіе предыдущихъ княжескихъ походовъ въ означенныхъ мѣстахъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, можно сдѣлать болѣе или менѣе правдоподобное заключеніе, что бой былъ на нижней Ворсклѣ, близъ тѣхъ бродовъ, о которыхъ было упомянуто выше.

Вскорѣ половцы снова напали на Переяславльскую землю, — повидимому, на Посулье. Владиміръ Всеволодовичъ, извѣщенный о набѣгѣ, немедленно выступилъ на враговъ, разсчитывая быстрымъ ударомъ отразить ихъ, но потерпѣлъ страшную неудачу, попавши въ хитро задуманную степняками ловушку. Дѣло происходило такъ.

Пробравшись вглубь Переяславльской земли и пограбивъ ея нѣкоторыя мѣста, половцы направились къ Посулью, выказывая повидимому, намѣреніе, продвинуться отсюда еще дальше на западъ. Въ это время противъ нихъ выступилъ переяславльскій князь Владиміръ Всеволодовичъ, который, встрѣтясь съ врагами, стремительно ударилъ на половцевъ. Послѣдніе обратились въ притворное бѣгство и успѣли

---

[1]) Лавр. л., стр. 413—414; Нпк. л., стр. 62; Воскр. л., стр. 117.

увлечь за собой до р. Хорола русское войско. Не подозрѣвая хитрости, русскіе энергично преслѣдовали враговъ и успѣли отойти очень далеко отъ своей опорной базы—Посулья. Между тѣмъ половцы заманивали русское войско все дальше и дальше, обезпечивая тѣмъ себѣ вѣрную побѣду; они даже постарались перейти рѣку, заманивая туда же и Владиміра. Опытные воины послѣдняго, сообразивъ, что враги, поступая такъ, искусно маскируютъ свой планъ и имѣютъ намѣреніе завлечь князя въ ловушку, посовѣтовали прекратить преслѣдованіе и не переходить рѣки, а, наоборотъ, подъ покровомъ ночи, немедленно же отступить назадъ. Но было уже поздно: половцы, провѣдавъ объ этомъ намѣреніи русскихъ и, боясь, чтобы они не ускользнули изъ ихъ рукъ, поспѣшили переправить черезъ рѣку войско, которое зашло русскимъ въ тылъ и отрѣзало путь къ отступленію. Результаты были очень печальны для русскихъ: русское войско было на-голову разбито; князь Владиміръ Всеволодовичъ былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ степи [1]).

Это былъ послѣдній, записанный лѣтописью, походъ русскихъ войскъ въ юго-восточныя степи, на половцевъ. Онъ интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность опредѣлить направленіе, какимъ двигались степняки при нападеніи на русскія земли. Повидимому, оно остается такимъ, какимъ было и раньше: отъ р. Ворсклы — къ низовьямъ р. Хорола, а оттуда — къ р. Сулѣ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ относительно походовъ въ степи князей Чернигово-Сѣверской и Галицко-Волынской земель.

Насколько можно судить по имѣющимся у насъ даннымъ, походы чернигово-сѣверскихъ князей въ степи, на половцевъ, имѣютъ иной, сравнительно съ общекняжескими походами, характеръ, объясняемый, конечно, соотвѣтственными условіями жизни означенной земли. Со стороны Чернигова и Новгородъ-Сѣверска не замѣчается такого враждебнаго отношенія къ степи. Правда, въ начальный періодъ политической жизни русской земли чернигово-сѣверская земля участвуетъ въ общекняжескихъ предпріятіяхъ въ степи, направленныхъ къ огражденію земскихъ интересовъ всей южной Руси. Такъ, съ половины XI и до половины XII вв. чернигово-сѣверскіе князья неоднократно принимаютъ участіе въ походахъ на половцевъ, но дѣйствуютъ не всегда согласно съ другими князьями: въ ихъ отношеніяхъ къ степи замѣчалась ка-

---

[1]) Лавр. л., стр. 417; Ник. л., стр. 69; Воскр. л., стр. 119; Густ. л., стр. 334; Татищевъ, III, 386.

кая-то двойственность, какъ бы нерѣшительность, а иногда — и прямое уклоненіе отъ кіевской политики относительно степи. Это объясняется извѣстнаго рода отношеніями чернигово-сѣверскихъ князей къ степнякамъ, съ которыми они, въ силу близости своихъ юго-восточныхъ окраинъ къ степи, мало по малу входятъ въ близкія связи и пользуются ими для своихъ политическихъ цѣлей. Уклоняясь, однако, насколько возможно, отъ общихъ княжескихъ походовъ въ степи, чернигово-сѣверскіе князья съ теченіемъ времени начинаютъ измѣнять свои отношенія къ половцамъ, и къ концу 3-й четверти XII столѣтія они уже становятся въ рѣзкія съ ними отношенія. Къ этому времени, какъ извѣстно, относится нѣсколько походовъ въ степи чернигово-сѣверскихъ князей, предпринятыхъ ими по своей собственной иниціативѣ. Таковы походы Олега Святославича въ 1167 и 1168 гг. противъ половцевъ [1]). Вскорѣ затѣмъ, въ 1174 г., мы опять видимъ сѣверскихъ князей въ военной экспедиціи въ степи, которая, какъ извѣстно, окончилась полной удачей для русскихъ [2]). Это движеніе сѣверскихъ князей на половцевъ не вызывалось, повидимому, общеземскими интересами, а было скорѣе удалымъ набѣгомъ храбраго сѣверскаго князя, предпринятымъ съ цѣлью отобранія отъ степняковъ награбленной ими въ русской землѣ добычи. Вотъ почему Игорь такъ зорко и слѣдилъ за возвращеніемъ половцевъ изъ ихъ набѣга на Переяславль. Что касается направленія, какого держался князь Игорь въ своемъ движеніи на половцевъ въ 1174 г., то оно было, какъ извѣстно, полемъ, по водораздѣлу между рр. С. Донцомъ и Ворсклой, а затѣмъ вдоль теченія послѣдней.

Если присмотрѣться затѣмъ къ послѣдующимъ походамъ сѣверскихъ князей въ степи на половцевъ, то не трудно замѣтить, что они носятъ особый, спеціальный характеръ, а именно — пріобрѣтеніе добычи отъ степняковъ; другіе интересы, повидимому, отходятъ на второй планъ. Въ этомъ легко убѣдиться изъ тѣхъ перипетій между князьями, какія произошли между ними во время организованія княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ, въ 1183 г., похода въ степи. Извѣстно, что князь Игорь Сѣверскій поссорился съ Владиміромъ Глѣбовичемъ за то, что послѣднему была предоставлена руководящая роль въ открываемомъ движеніи въ степяхъ и, какъ награда за это,—первая добыча, полученная отъ половцевъ [3]).

[1]) Ипат. лѣт., стр. 364.
[2]) Ипат. лѣт., стр. 387.
[3]) Ипат. лѣт., стр. 425.

Разссорившись съ князьями, Игорь Святославовичъ задумалъ самъ, по собственному почину, совершить походъ въ степи. Собравши значительное войско, въ составъ котораго входили полки Игорева брата и племянниковъ, а также отряды черныхъ клобуковъ, Игорь бросился въ степи, къ р. Хиріи, и на голову разбилъ половцевъ, при чемъ захватилъ множество скота, лошадей и другой добычи [1]).

Мало по малу, сѣверскіе князья начинаютъ держаться относительно степи своей политики, и когда кіевскій князь Святославъ Всеволодовичъ, задумавъ крупный походъ въ степи, въ 1183 г., сдѣлалъ предложеніе принять въ немъ участіе и чернигово-сѣверскимъ князьямъ, послѣдніе обѣщали, но затѣмъ, подъ разными предлогами, уклонились и въ походѣ не участвовали [2]). Результаты совмѣстныхъ княжескихъ походовъ на половцевъ показали весьма ясно, что разсчитывать всѣмъ на крупную добычу очень трудно, и что гораздо удобнѣе дѣйствовать въ этихъ дѣлахъ отдѣльно, пользуясь, конечно, благопріятными моментами. И вотъ, узнавъ, что кіевскій князь выступилъ въ походъ на половцевъ, Игорь Святославичъ рѣшилъ воспользоваться этимъ и, въ свою очередь, напасть на степняковъ: онъ разсчиталъ, что половцы, занятые отпоромъ главнымъ силамъ русскаго войска, оставятъ свои становища безъ защиты, и вотъ тогда-то и возможно будетъ захватить ихъ безъ особаго труда. Собравъ своихъ родственниковъ—брата Всеволода, племянника Святослава и другихъ князей,—Игорь открылъ имъ свой планъ и пригласилъ принять участіе въ походѣ. Князья согласились и, наскоро собравшись, выступили въ походъ. Движеніе въ степи совершалось по обычной дорогѣ—водораздѣломъ между рр. Ворсклой и С. Донцемъ. За р. Мерломъ произошло первое столкновеніе сѣверскаго войска съ половцами, которыхъ было въ этомъ отрядѣ до 4.000 человѣкъ. Половцы были разбиты и русскіе князья съ добычей возвратились домой [3]).

Рядъ успѣховъ при столкновеніи съ половцами, успѣховъ, одержанныхъ безъ особыхъ усилій, подалъ Игорю мысль организовать походъ въ степи въ болѣе крупныхъ размѣрахъ.

Въ 1184 г. произошелъ, какъ извѣстно, знаменитый походъ князя Игоря Сѣверскаго на половцевъ, походъ, окончившійся полнымъ пораженіемъ русскихъ войскъ на широкихъ придонскихъ степяхъ.

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 426.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 427—8.

Въ виду того обстоятельства, что о походѣ этомъ разсказываютъ съ значительными подробностями наши лѣтописи, и что онъ воспѣтъ также знаменитымъ „Словомъ о полку Игоревѣ“, мы и имѣемъ возможность, съ одной стороны, узнать цѣли и планы, какіе преслѣдовались сѣверскими князьями относительно степи, а съ другой,—опредѣлить направленіе обычныхъ путей въ половецкую степь и мѣстоположеніе въ ней главныхъ половецкихъ становищъ.

Хотя Игорь, отправлясь въ походъ на половцевъ, и высказывалъ, что онъ хочетъ повести свои полки *на землю половецкую за землю русскую*, и что лучше пасть въ честномъ бою, чѣмъ быть полонену, тѣмъ не менѣе, княземъ руководили другія причины: скорѣе удаль, жажда добычи, чѣмъ земскіе интересы, толкали князя въ степи — „позрѣть синяго Дона и испить изъ него своимъ шеломомъ“. Выступивъ въ походъ, князь Игорь не извѣщаетъ объ этомъ никого изъ постороннихъ князей, какъ бы опасаясь, чтобы кто-либо не помѣшалъ его плану и не воспользовался намѣченной имъ добычей.

23-го апрѣля 1185 г. князь Игорь выступилъ изъ Новгородъ-Сѣверска, опредѣливъ заранѣе мѣсто встрѣчи войскъ своихъ союзниковъ. На Посемьи къ Игоревому войску присоединились полки Владиміра Игоревича Путивльскаго, Святослава Ольговича Рыльскаго и черниговскіе вспомогательные отряды коуевъ, пришедшіе подъ начальствомъ Ольстина Олексича. Союзныя войска, повидимому, сошлись гдѣ-то у сѣверо-восточныхъ предѣловъ Переяславльской земли, на пограничьи со степями [1]). Всеволодъ Трубчевскій, братъ Игоря, долженъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ спискахъ сказано, что „Игорь Святославичъ сняшася у Переяславля съ двѣмя сынома изъ Новагорода Сѣверьскаго, по Трубѣча Всеволодъ братъ его, Ольговичъ Святославъ изъ Рыльска“ и пр. (Лавр. лѣт., стр. 376). Это выраженіе „*у Переяславля*“ надо понимать не въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ трудно предположить, чтобы князья отъ Посемья уклонились такъ далеко въ сторону, и чтобы оттуда они снова шли въ тѣ же самыя мѣста, откуда вышли. Разсмотрѣніе лѣтописныхъ извѣстій, трактующихъ объ этомъ походѣ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что союзное сѣверское войско не собиралось въ Переяславлѣ. Такъ, въ лѣтописи сказано, что Игорь Сѣверскій, выступивъ изъ Новгородъ-Сѣверскаго 23-го апрѣля, достигъ С. Донца 1-го мая, т. е. былъ въ пути всего 7 дней. Трудно согласиться, чтобы за такой, сравнительно небольшой промежутокъ времени, можно было совершить, *съ войсками* путь въ Переяславль, а отъ послѣдняго къ Донцу. Зная разстояніе Переяславля отъ Донца, нельзя допустить, чтобы двойной переходъ—отъ Посемья въ Переяславль и изъ послѣдняго на Донецъ, — можно было совершить въ 7 дней: для этого потребовался бы значительно большій промежутокъ времени. Кромѣ того, въ Переяславлѣ въ это время былъ княземъ Владиміръ Глѣбовичъ, съ которымъ, какъ извѣстно, незадолго передъ симъ произошла крупная ссора, окончившаяся

былъ идти къ Донцу и тамъ встрѣтиться съ общесѣверскимъ войскомъ, но онъ почему то пошелъ не прямымъ путемъ, на Посемье, а избралъ другое направленіе,—черезъ курскія земли,—что, очевидно, было для него удобнѣе, такъ какъ по плану кампанію было задумано вести близъ теченія р. Оскола. Въ виду этого, Игорь Святославичъ двинулся со всѣми находившимися при немъ войсками къ курскимъ предѣламъ, достигъ р. С. Донца 1-го мая и перешелъ затѣмъ къ р. Осколу, гдѣ остановился и ожидалъ два дня, пока подойдетъ съ войсками трубчевскій князь. Если предположить, что Игорь первоначально назначилъ мѣсто для соединенія союзныхъ войскъ гдѣ либо на пограничьи Посемья съ Переяславльской землею, напримѣръ, у Выря, или же неподалеку отъ него, то разстояніе отсюда къ р. Осколу можно пройти въ тотъ промежутокъ времени, какой указанъ лѣтописью [1]).

грабежемъ владѣній соперника. Слѣдовательно, идти въ Переяславль въ это время врядъ-ли было возможно. Мы полагаемъ, что лѣтописное выраженіе „у Переяславля“ надо понимать въ переносномъ значеніи, т. е. въ смыслѣ земли, а не города, такъ что соединеніе сѣверскихъ войскъ произошло не у самаго города Переяславля, а у границъ земель послѣдняго. Отсюда понятной станетъ и переданная лѣтописью похвальба Ольговичей во время означеннаго похода, что братья ихъ ходили въ степь, на половцевъ, съ Святославомъ кіевскимъ, и бились тамъ, *зряче на Переяславль* (Лавр. лѣт., стр. 377), что, конечно, скорѣе могло относиться къ выдвинутымъ въ степь границамъ Переяславля, чѣмъ къ самому Переяславлю.

[1]) Профессоръ Голубовскій, въ своемъ сочиненія—Печенѣги, торки и половцы—пытается объяснить направленіе движенія князя Игоря Сѣверскаго на половцевъ въ этомъ походѣ и опредѣлить мѣста переправъ его черезъ рѣки. Къ сожалѣнію, доводы проф. Голубовскаго относительно указанныхъ вопросовъ слишкомъ произвольны и построены безъ достаточныхъ въ научномъ отношеніи основаній. Такъ, проф. Голубовскій опредѣляетъ *весьма точно* мѣсто переправы князя Игоря Сѣверскаго черезъ С. Донецъ. Онъ говоритъ: „Посмотримъ, какъ двигался Игорь Святославичъ въ 1185 г. во время своего знаменитаго похода. Начиная отъ Новгорода Сѣверскаго *до самой переправы черезъ Донецъ у Зміевскаго городка* онъ шелъ тихо, собирая свою дружину. Затѣмъ онъ „прiде къ Осколу и жда два дни брата своего Всеволода“ (Голубовскій, Печенѣги, торки и пр. стр. 107). Мы не знаемъ, на основаніи какихъ данныхъ проф. Голубовскій пришелъ къ заключенію, что переправа Игоря Сѣверскаго черезъ Донецъ произошла близъ Зміевскаго городища. Въ лѣтописяхъ, насколько намъ извѣстно, такого указанія на Зміевское городище нѣтъ. Кромѣ того, пріурочиванье переправы Игоря черезъ Донецъ у Зміевскаго городища не можетъ быть выведено и изъ разсмотрѣнія обстоятельствъ самаго похода. Въ самомъ дѣлѣ, если сѣверскіе князья—Игорь и Всеволодъ—задумали совмѣстно совершить походъ въ степи, на половцевъ, то идти такъ далеко въ глубь степей отдѣльно, безъ союзнаго войска брата, врядъ-ли было возможно Игорю: это означало бы идти на враговъ одному, безъ союзниковъ. Поэтому, надо полагать, что встрѣча Игоря и Всеволода произошла не въ глубинѣ степей и не въ среднемъ теченіи С. Донца, а скорѣе на верхнемъ те-

Послѣ соединенія всѣхъ сѣверскихъ войскъ на Осколѣ союзники двинулись въ степи, на половцевъ. По всей вѣроятности, войска шли, придерживаясь р. Оскола, въ виду существенныхъ удобствъ при такомъ движеніи; такого маршрута, по рѣкамъ, придерживались, какъ извѣстно, и другіе степняки во время своихъ походовъ. Такъ, когда Тамерланъ отступалъ изъ Русской земли, онъ „*спустился по теченію Дона*, къ югу отъ устья его“ [1]). Отправляясь въ походъ, сѣверскіе князья, повидимому, составили планъ напасть на половцевъ врасплохъ,

---

ченіи его, гдѣ совершать переправу войскъ было и удобнѣе (рѣка здѣсь уже), и безопаснѣе, въ виду близости къ русскимъ предѣламъ. Далѣе, проф. Голубовскій столь же произвольно и столь же бездоказательно опредѣляетъ и мѣсто соединенія войскъ сѣверскихъ князей. Онъ говоритъ: „Если князья назначили *мѣстомъ соединенія, гдѣ Оскол̀ъ сливается съ Донцемъ* (курсивъ нашъ), то значитъ были убѣждены, что вся мѣстность отъ Новгородъ-Сѣверской области и до Оскола не была занята врагами. Князья соединились, дошли до р. Тора и пр.“. (Ibidem. стр. 108—9). Здѣсь опять неизвѣстно, почему это сѣверскія войска должны были соединиться *тамъ, гдѣ Оскол̀ъ впадаетъ въ Донецъ*. Въ дѣйствительности мы не знаемъ *точно* того мѣста, гдѣ произошло соединеніе войскъ Игоря Святославича и его брата Всеволода, объ этомъ можно только высказывать предположенія, въ общихъ чертахъ, *безъ точныхъ указаній*, такъ какъ для доказательства послѣднихъ у насъ нѣтъ ясныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ на этотъ счетъ данныхъ.

Равнымъ образомъ, трудно также согласиться съ г. Голубовскимъ и относительно тѣхъ цѣлей, какія имѣли сѣверскіе князья, предпринимая свой знаменитый походъ въ степи. Вотъ что говоритъ по этому поводу проф. Голубовскій: „Теперь становится понятными указанные нами выше походы сѣверскихъ князей: они имѣли цѣлью *очищеніе отъ половецкихъ кочевьевъ мѣстности къ сѣверу отъ указанныхъ границъ*. Съ каждымъ новымъ походомъ постепенно подвигались городки, забираясь все южнѣе и южнѣе“. (Ibidem, стр. 109). Трудно, однако, согласиться, зная результаты походовъ сѣверскихъ князей, чтобы послѣдніе въ своихъ походахъ въ степи преслѣдовали указанныя проф. Голубовскимъ задачи. Если очистить степи отъ половцевъ не могли не только князья кіевскіе, но даже соединенныя силы большинства южно-русскихъ князей, то могли ли разсчитывать на это и задаваться такой мыслью *одни князья сѣверскіе*, которые къ тому же, идя въ степи, сами заявляютъ, что они идутъ туда „*искать чести и славы*“, т. е. попытать военнаго счастья въ столкновеніяхъ со степняками? Такимъ образомъ, сомнительно, чтобы упоминаемые проф. Голубовскимъ городки „подвигались съ каждымъ годомъ все южнѣе и южнѣе“, такъ какъ о нихъ нѣтъ рѣшительно никакихъ упоминаній въ источникахъ, и городки эти являются скорѣе плодомъ измышленія фантазіи проф. Голубовскаго, чѣмъ существовавшими въ дѣйствительности. Къ области той же фантазіи относится и утвержденіе проф. Голубовскаго, что „успѣхъ похода князя Мстислава въ 1170 г. зависѣлъ въ немалой степени *отъ существованія уже сѣти укрѣпленій къ сѣверу отъ направленія похода*“. (Ibidem). Пресловутая *сѣть укрѣпленій* проф. Голубовскаго—это историческій миражъ, не имѣющій въ наукѣ серьезнаго значенія.

[1]) *Карамзинъ*. Исторія госуд. Россійск., т. V, гл. II, ср. 87.

для чего былъ избранъ другой маршрутъ сравнительно съ тѣми, какими сѣверскіе князья имѣли обыкновеніе ходить на половцевъ: вмѣсто наступленія водораздѣломъ между Ворсклой и Донцемъ, князья избираютъ другой путь, восточнѣе; они стараются тихо, незамѣтно пробраться въ половецкія степи, чтобы зайти половцамъ съ тыла, притиснувъ ихъ къ рѣкѣ. Изъ прежнихъ походовъ въ степи было замѣчено, что половцы имѣли обыкновеніе, узнавъ о движеніи русскихъ, какъ можно скорѣе переправиться черезъ рѣку, чтобы, прикрывшись ею, уйти въ степи. Въ виду этого, сѣверское войско шло тихо, осторожно: „и тако идяхуть тихо, сбираючи дружину свою“—говоритъ лѣтопись [1]). Войска шли къ центру половецкихъ становищъ, расположенныхъ, правдоподбно, близъ средняго теченія С.-Донца, у мѣста впаденія въ послѣдній р. Тора, въ которомъ, съ большой вѣроятностью, можно предполагать древнюю Сальницу или же Солоницу [2]). Углубляясь въ степи, сѣверскіе князья принимали мѣры предосторожности, чтобы половцы не узнали объ ихъ движеніи. Но скрыть отъ половцевъ все русское войско было невозможно. Скоро половцы узнали о движеніи русскихъ и поспѣшили переправиться черезъ р. Сююрлій, которой и прикрывались со стороны наступавшихъ. Первое столкновеніе русскихъ съ половцами было весьма удачнымъ: половцы не выдержали храбраго натиска сѣверскаго войска и обратились въ бѣгство, оставивъ въ руки побѣдителей множество всякой добычи [3]). Одержавъ, однако, побѣду надъ половцами, сѣверскіе князья не сокрушили ихъ совершенно; въ степяхъ оставались еще значительныя силы половцевъ, не участвовавшихъ въ битвѣ, и потому надо было осторожно вести дѣло и не зарываться далеко въ степи. На военномъ совѣтѣ, созванномъ Игоремъ послѣ этой первой побѣды надъ половцами, были голоса, совѣтовавшіе воспользоваться благопріятнымъ моментомъ и возвращаться домой, но ихъ не послушали, а, упоенные блестящимъ успѣхомъ этого перваго столкновенія съ половцами, предложили не только не отступать назадъ, но преслѣдовать половцевъ до ихъ крайнихъ предѣловъ: „прежніе князья би-

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 431.

[2]) См. *Аристова.* О землѣ половецкой, стр. 12—14. Необходимо имѣть въ виду, что лѣтопись, упоминая о рѣкахъ, указывала только на мѣстность, куда двигались русскія войска, такъ что къ Тору можно подойти и по правой сторонѣ Донца, и по лѣвой, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ могла разумѣться мѣстность, расположенная близъ устьевъ Тора.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 432.

лись съ половцами, озираясь на Переяславль (т. е. близъ границъ его земель), а мы, вотъ, не побоялись пойти воевать въ самую половецкую землю, а теперь мы пойдемъ на нихъ за Донъ и вконецъ разобьемъ ихъ, и если будетъ удача, то пойдемъ за ними даже до самаго моря, въ Лукоморье, куда и дѣды наши не хаживали“ [1]). Между тѣмъ половцы начали стягивать отовсюду свои войска, и когда послѣднія были въ полномъ сборѣ, перешли въ наступленіе. Сѣверскіе князья, увидѣвъ себя окруженными со всѣхъ сторонъ непріятельскими превосходными силами, поняли опасность, но отступать было уже поздно. Завязался отчаянный бой, продолжавшійся безъ перерыва цѣлый день. „Другого дни,—поется въ Словѣ—велми рано, кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чорныя тучи съ моря идутъ, хотятъ прикрыть 4 солнца, а въ нихъ трепещутъ синія молніи: быть грому великому; идти дождю стрѣлами съ Дона великаго: половци идуть отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя полкы оступиша дѣти бѣсови, кликомъ поля прегради ша, а храбрыи русици прегради ша чѐрленымъ щиты“ [2]). Сознавая серьезную опасность, князья сошли съ коней и стали въ ряды простыхъ воиновъ, чтобы помочь имъ въ отраженіи ожесточенно нападавшаго непріятеля. Притиснутое къ рѣкѣ Каялѣ, русское войско изнемогало въ неравной борьбѣ: „съ заранія до вечера,—поется въ Словѣ,—лѣтятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли половецкии“. Наконецъ, русскіе были отрѣзаны отъ воды, т. е. обойдены со всѣхъ сторонъ. На разсвѣтѣ 3-го дня битвы произошло замѣшательство среди черниговскихъ коуевъ, которые не выдержали и побѣжали, чѣмъ и положили конецъ сраженію: остальное русское войско было разбито и всѣ сѣверскіе князья попали въ плѣнъ [3]). Такъ печально окончился этотъ походъ сѣверскихъ князей въ степи на половцевъ. Этотъ страшный разгромъ русскихъ боевыхъ силъ въ степяхъ надолго отбилъ охоту у сѣверскихъ князей къ отважнымъ экспедиціямъ въ степи, куда князья рѣшаютъ пускаться съ крайней осторожностью и при первомъ же намекѣ на опасность, стараются поскорѣе уйти домой [4]).

---

[1]) Лавр. лѣт., стр. 377.

[2]) Слово о Полку Игоревѣ, изд. Тихонравова, стр. 4.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 333—4; Воскр. лѣт., стр. 99.

[4]) Въ 1191 году сѣверскіе князья вновь было рискнули, вѣроятно, основываясь на какихъ-либо благопріятныхъ обстоятельствахъ, пойти въ степи, на половцевъ, но,

Походъ въ 1185 году Игоря Сѣверскаго на половцевъ интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность констатировать существованіе крупнаго половецкаго центра, расположеннаго въ области средняго теченія р. С. Донца, въ мѣстахъ, близко подходящихъ къ бассейнамъ рр. Самары и Орели. Если затѣмъ принять во вниманія неоднократныя столкновенія Руси съ половцами близъ послѣднихъ двухъ рѣкъ, и что эти столкновенія совершались у русскихъ границъ,—на что указываетъ лѣтописное выраженіе „зряче на Переяславль"—то станетъ очевиднымъ, что половецкія поселенія находились и въ областяхъ рр. Самары и Орели, чѣмъ, конечно вызывали постоянную тревогу у правителей Русской земли. Такимъ образомъ, между р. С. Донцемъ и Днѣпромъ залегала полоса половецкихъ становищъ, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше подвигались къ русскимъ предѣламъ. А что на Подоньи существовалъ крупный половецкій центръ, весьма сильно тормазившій торгово-промышленныя сношенія сѣверной Руси, т. е. Поволжья, съ Черноморьемъ, можно видѣть изъ того живого участія въ походахъ на Подонье, какое принимаютъ въ концѣ XII и началѣ XIII вв. князья суздальско-владимірскіе, которые предпринимаютъ сюда походы или лично, или же при посредствѣ подручныхъ имъ князей чернигово-переяславскихъ [1]).

Что касается походовъ въ степи, предпринимавшихся изъ западнаго отдѣла Русской земли, т. е. изъ Галича и Волыни, то, съ одной стороны, этихъ походовъ было немного, а съ другой,—они не носили въ себѣ того характера, какимъ отличались, напримѣръ, походы князей кіево-переяславльскихъ, т. е. главнаго центра Русской земли. Это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что положеніе Галицко-Волынской земли относительно степи было иное, чѣмъ, напримѣръ, земли Кіевской. Правда, и Галицко-Волынскія земли касались въ своихъ южныхъ частяхъ степей, но степи эти находились къ нимъ въ иныхъ условіяхъ, сравнительно съ тѣми, какія мы видимъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. На правую сторону Днѣпра уходили степняки по большей части не добровольно, а подъ давленіемъ болѣе сильныхъ своихъ сородичей. Кромѣ того, уходившіе сюда степняки являлись не со свѣжими силами, а, такъ сказать, съ надломленными,

---

узнавъ, что послѣдніе собираются дать имъ отпоръ, поспѣшно, пользуясь темнотой ночи, отступили домой. Никон. лѣт., II, стр. 103.

[1]) См. объ этомъ нашу исторію Переяславльской земли.

пришедшими въ такое состояніе послѣ цѣлаго ряда невзгодъ на востокѣ. Сюда обыкновенно приходили тѣ степняки, которые стремились пройти куда-либо подальше на западъ, или же тѣ, которые искали болѣе спокойнаго образа жизни и которые были уже на пути перехода отъ полукочевой жизни къ осѣдлой. Вотъ почему на правой сторонѣ Днѣпра не замѣчается такой ожесточенной борьбы со степью, какъ на лѣвой. Здѣсь скорѣе можно наблюдать явленіе другого рода, а именно—набѣги степняковъ днѣпровскаго лѣвобережья на тѣ мѣста, которыя были заселяемы выходцами изъ той же лѣвой стороны Днѣпра; для отраженія такихъ набѣговъ кіевскіе князья обыкновенно снаряжали летучія военныя экспедиціи, которыя, по большей части съ успѣхомъ выполняли возложенное на нихъ порученіе, отгоняли грабителей и отнимали у нихъ полонъ и другую добычу. Но эти военныя экспедиціи, очевидно, не носили на себѣ характера крупныхъ организованныхъ зараньше военныхъ предпріятій въ степи, съ зараньше намѣченными планами дѣйствій. Это были, какъ сказано, летучія экспедиціи, назначавшіяся вслѣдъ за нападеніями степняковъ, для преслѣдованія послѣднихъ.

Съ теченіемъ времени, когда половецкія силы начали приливать все болѣе и болѣе къ русскимъ предѣламъ и даже переходить на правую сторону Днѣпра, гдѣ сдѣлали попытку занять степные участки, откуда стали нападать не только на русскія границы, но и на земли, лежавшія на Балканскомъ полуостровѣ, Галицкая земля, заинтересованная, въ силу своего географическаго положенія, въ этомъ дѣлѣ, начинаетъ организовать противъ нихъ степные походы. Мы знаемъ два такихъ похода—одинъ подъ 1202-мъ годомъ, другой—три года спустя. Оба эти похода окончились удачно, и побѣдители возвратились домой, обремененные добычей и отпустили на волю множество плѣнниковъ, томившихся у половцевъ [1]). Лѣтописныя извѣстія, правда очень краткія, даютъ намъ возможность опредѣлить раіонъ, гдѣ происходили эти походы. Первый походъ галицкаго князя былъ совершенъ имъ самостоятельно, безъ помощи другихъ князей; онъ происходилъ на правой сторонѣ Днѣпра: „тое же зимы, разсказываетъ лѣтопись,—ходи Романъ князь на Половци, и взя вежѣ половечьскыѣ, и приведе полона много; и бысть радость велика въ земли Рустѣй“ [2]). Второй походъ 1205-го года былъ, однако, направленъ на лѣвую сторону

[1]) Ипат. лѣт., стр. 426.
[2]) Воскрес. лѣт., стр. 107—8.

Днѣпра, вглубь половецкихъ степей. Какъ извѣстно, онъ также былъ удаченъ.

Выступая противъ половцевъ, Романъ Мстиславичъ, помимо защиты своихъ земель, защищалъ также и греческіе предѣлы, которые много страдали, особенно въ торговомъ отношеніи, отъ набѣговъ степняковъ. Онъ неоднократно отгонялъ половцевъ отъ Константинополя и принуждалъ ихъ оставлять предѣлы Ѳракіи [1]).

Интересно отмѣтить, что къ этому именно времени, т. е. къ началу XIII в., замѣчаются попытки половцевъ перебраться на правую сторону Днѣпра, въ тамошнія степи, которыя они начинаютъ посѣщать все чаще и чаще, проникая все дальше и дальше на западъ. Такъ, въ 1185 году половцы направились воевать къ Дунаю. Узнавъ объ этомъ, князья Святославъ и Рюрикъ послали, для отвлеченія половцевъ назадъ, черныхъ клобуковъ за Днѣпръ, т. е. на лѣвую сторону Днѣпра. Экспедиція удалась какъ нельзя лучше [2]). Въ 1190 году былъ снова снаряженъ походъ, повидимому, къ тѣмъ же мѣстамъ, т. е. къ Протолчамъ, находившимся, правдоподобно, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, близъ пороговъ, въ мѣстахъ, удобныхъ для перехода черезъ означенную рѣку. На возвратномъ пути русскіе должны были выдержать бой съ половцами на р. Ивлѣ или, какъ думаютъ, Ингулѣ [3]). Очевидно, половцы начинаютъ уже перебираться и на правую сторону Днѣпра.

Два года спустя была предпринята экспедиція опять въ тѣ же мѣста, т. е. къ Протолчамъ, но черные клобуки, достигши Днѣпра, не захотѣли переходить послѣдній, и походъ окончился неудачей [4]).

Если прослѣдить за направленіемъ двухъ послѣднихъ походовъ, то окажется, что столкновенія съ половцами происходятъ гдѣ то близъ пороговъ, т. е. вблизи мѣстообитанія половцевъ по рр. Орели и Самарѣ. Гаммеръ-Пургсталль говоритъ по этому поводу такъ: „Im 1190 Die Tschernoklobuken, um sich an den Polowzern zu rächen, bitten Rostislaw, mit ihnen zu ziehen. An den Wasserfällen werden sie geschlagen“ [5]). Слѣдовательно, въ концѣ XII ст. на половцевъ направлялись къ тѣмъ мѣстамъ, которыя находились близъ пороговъ.

---

[1]) *Карамзинъ*, III, стр. 107.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 430.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 450—2.

[4]) Ипат. лѣт., стр. 453. Интересно, что лѣтопись отмѣчаетъ становища половцевъ и на правой сторонѣ Днѣпра, неподалеку отъ послѣдняго.

[5]) *Hammer-Purgstall.* Geschichte der gold. horde, p. 455.

Въ концѣ первой четверти XIII ст. половецкія нападенія смѣнились крупной волной татарской силы, которая впервые съ шумомъ ударила въ русскіе берега: разумѣемъ извѣстную своимъ печальнымъ исходомъ битву русскихъ съ татарами на берегу р. Калки, въ 1224-мъ году. Извѣстно, что татары, прорвавшись черезъ восточныя ворота Кавказа, обрушились прежде всего на половцевъ, обитавшихъ въ расположенныхъ къ сѣверу отъ Кавказа степяхъ. Разбитые половцы бросились въ предѣлы русской земли и упросили князей послѣдней поднять оружіе противъ страшныхъ, невѣдомыхъ дотолѣ враговъ. Сознавая, что, допустивъ татаръ хозяйничать въ степяхъ, придется затѣмъ вѣдаться съ ними и на русскихъ границахъ, князья рѣшаютъ общими силами дать отпоръ врагамъ. Они собрали огромное войско и двинулись на татаръ. Русскіе направились въ степи двумя путями: одно войско шло, придерживаясь р. Днѣпра, и двигалось частью водой, на ладьяхъ, частью на лошадяхъ, другое (галицкое) — исключительно на ладьяхъ. Послѣднее войско, спустившись по Днѣстру и Пруту въ Черное море, должно было войти въ Днѣпръ и подняться послѣднимъ до пороговъ, близъ которыхъ было назначено соединеніе всѣхъ русскихъ военныхъ силъ.

Въ виду того обстоятельства, что походъ предпринимался на востокъ, въ степи, и что къ выступившему изъ Кіева войску постепенно приставали новыя войска съ лѣваго берега Днѣпра, можно полагать, что онъ совершался обычнымъ путемъ, какъ и многіе другіе походы руси въ степи, т. е., отъ Кіева до Заруба—по правой сторонѣ Днѣпра и отъ Заруба—по лѣвой, такъ какъ послѣдняя являлась, съ одной стороны, болѣе удобной для передвиженія, чѣмъ правая, по большей части хломистая сторона р. Днѣпра, а съ другой,—въ виду удобства подходившихъ на соединеніе лѣвобережныхъ войскъ. Конечно, путь шелъ, придерживаясь направленія Днѣпра и въ недалекомъ разстояніи отъ послѣдняго.

Мы не согласны такимъ образомъ съ тѣми изслѣдователями, которые, описывая вышеупомянутый походъ на татаръ, утверждаютъ, что онъ совершался по правой сторонѣ Днѣпра. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ г. Иловайскій: „походъ въ степи открылся весной, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Главное сборное мѣсто, во время такихъ походовъ, находилось у правобережнаго городка Заруба и, такъ называемаго, Варяжскаго острова. Здѣсь производилась переправа черезъ Днѣпръ, на пути изъ Кіева на Переяславль.... Конница приходила сюда сухопутьемъ, а пѣхота приплывала на судахъ.... Здѣсь собрались князья

кіевскіе, смоленскіе, черниговскіе, сѣверскіе, волынскіе и галицкіе, каждый со своей дружиной. ....Отъ Заруба ополченіе, держась праваго берега, двинулось дальше къ югу и прошло пороги“ [1]).

Мы не согласны съ почтеннымъ изслѣдователемъ ни относительно того, чтобы отъ Заруба русское войско шло *правымъ берегомъ Днѣпра*, ни относительно того, чтобы оно *прошло пороги*: въ лѣтописяхъ яснаго свидѣтельства объ этомъ нѣтъ. Уже одно то обстоятельство, что русскія войска собирались у Заруба,—обычной переправы на лѣвый берегъ Днѣпра,—указываетъ, что этотъ пунктъ былъ выбранъ не случайно, а въ виду лучшей переправы здѣсь на лѣвую сторону Днѣпра, каковой переправой, конечно, и воспользовалась часть войска, шедшая затѣмъ сухопутьемъ уже по лѣвой сторонѣ Днѣпра. Мы не знаемъ ни одного крупнаго похода въ восточныя степи, который совершался бы исключительно по правому берегу рѣки Днѣпра. Правда, въ лѣтописи есть указанія, что княжескія войска ходили войной и правой стороной Днѣпра, но они *шли вышеупомянутой (правой) стороной только до Заруба и, въ рѣдкихъ случаяхъ,—до Канева, откуда уже направлялись на лѣвую сторону рѣки Днѣпра.* Кромѣ того, если принять во вниманіе, что въ Кіевъ собрались войска не всѣ, и что къ выступившему въ походъ войску присоединялись по пути войска черниговскія, сѣверскія, путивльскія, курскія и проч., и что ополченія эти были, по большей части конныя, то это будетъ служить еще большимъ подтвержденіемъ той мысли, что русскіе отъ Заруба двигались въ степи по лѣвой сторонѣ рѣки Днѣпра. Далѣе, относительно того, чтобы русскіе перешли пороги, мы также не можемъ согласиться. Въ лѣтописи, правда, находятся слова, подавшія поводъ къ вышеупомянутому мнѣнію, но они дошли до насъ въ крайне испорченномъ видѣ, такъ что мы не можемъ считать ихъ достаточно убѣдительными для разрѣшенія указаннаго вопроса. Такъ, изслѣдователи считали, что лѣтописное Ошелье или Ольшье [2])—ничто иное, какъ Олешье, которое пріурочивалось къ нижнему теченію Днѣпра [3]). Но это врядъ-ли такъ. Мы не согласны съ тѣмъ, чтобы мѣсто это можно такъ было сильно отдалять къ югу; мы полагаемъ, что въ данномъ случаѣ произошла обычная описка переписчика, который, не зная хорошо мѣстности, пере-

---

[1]) *Иловайскій.* Исторія Россіи, ч. II, стр. 358.

[2]) Воскрес. лѣт., стр. 130; Никонов. лѣт., стр. 90. Новгород. лѣт. по спи. сп., стр. 217.

[3]) *Иловайскій.* Исторія Россіи, Влад. пер., ч. II, стр. 358; *Барсовъ.* Очерки русск. историч. географіи. Варшава, 1885, стр. 114.

путалъ буквы такъ, что названіе это дошло до насъ въ невѣрной транскрипціи. Такъ, въ одномъ мѣстѣ лѣтописи оно названо Ошелье (Воскр.), въ другомъ — Отшелье (Никон.), въ третьемъ — Ольшье (Новгород.) и т. д. Какъ увидимъ ниже, трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы лѣтописное Ошелье обозначало собой нижнеднѣпровское Олешье. Послѣднее, какъ извѣстно, находилось за порогами, на нижнемъ теченіи рѣки Днѣпра, и если бы шедшее изъ Кіева войско прошло на судахъ пороги,—положимъ, хотя бы для соединенія съ галицкой ратью, шедшей на ладьяхъ со стороны моря,—то ему не для чего было бы вновь восходить черезъ пороги, какъ объ этомъ ясно сказано въ лѣтописи: „выидоша (войска галицкія) въ море, бѣ бо лодій 1.000, и войдоша въ рѣку Днѣпръ, и возведоша пороги“ и т. д. [1]). Дважды странствовать черезъ пороги для русскаго войска врядъ-ли было выгоднымъ и даже возможнымъ, принимая во вниманіе обычный спадъ днѣпровскихъ водъ къ концу апрѣля мѣсяца. Въ виду послѣдняго обстоятельства, т. е. кратковременной, въ періодъ высокаго стоянія весеннихъ водъ, возможности проходить черезъ пороги, трудно представить, чтобы базой отправленія войскъ въ степи, противъ татаръ, могла быть избрана мѣстность, расположенная ниже пороговъ, какъ Олешье: какъ бы могъ затѣмъ возвращаться русскій флотъ назадъ, черезъ пороги, даже въ случаѣ побѣды русскихъ надъ татарами? Кромѣ того, изъ лѣтописнаго разсказа видно, что кіевское войско, двигаясь по Днѣпру, имѣло стоянку сначала у Заруба, а затѣмъ нѣсколько ниже послѣдняго. Судя по всему, упоминаемому лѣтописью, Ольшье обозначало собой какое-либо урочище на Днѣпрѣ, удобное для стоянки судовъ. По всей вѣроятности, оно находилось близъ нынѣшняго м. Солошина, расположеннаго на лѣвой сторонѣ Днѣпра, насупротивъ Мишурина Рога, извѣстнаго издревле своей удобной переправой черезъ Днѣпръ. Близъ Солошина же Днѣпръ дѣлаетъ глубокій заливъ, очень удобный для стоянки судовъ. Самое названіе Солошино или Солешино очень близко подходитъ къ лѣтописному Ольшью. Такимъ образомъ, база русскихъ войскъ, откуда они двинулись въ степи, находилась, безъ сомнѣнія, выше пороговъ. Она была расположена, судя по всему, у бродовъ, черезъ которые пролегали пути въ степи. Лѣтопись даже сохранила намъ кое-какія подробности на этотъ счетъ. Такъ, передавая о проходѣ галицкихъ лодій черезъ пороги, лѣтопись говоритъ, что онѣ стали на броду, на

[1]) Воскрес. лѣт., стр. 130; Ипат. л., стр. 496.

такъ называемомъ Протолчьи—„сташа на бродѣ, на Протолчьи“ [1]). Мы полагаемъ, что подъ послѣднимъ именемъ надо разумѣть тѣ двѣ, лежащія ниже Орели, очень болотистыя, текущія параллельно Днѣпру, въ недалекомъ разстояніи отъ него къ востоку, рѣченки, которыя носятъ названіе *Проточей* [2]) и которыя прекрасно прикрываютъ со стороны степи все пространство, расположенное къ западу отъ нихъ. Занявъ броды, русскіе могли спокойно оставаться на рѣкѣ, не боясь обхода или же внезапнаго нападенія враговъ. Такимъ образомъ, этими лѣтописными указаніями, по нашему мнѣнію, прекрасно выясняется пунктъ стоянки русскихъ военныхъ силъ передъ моментомъ выступленія ихъ въ степи.

Остается теперь опредѣлить путь движенія русскихъ силъ въ степи и мѣсто столкновенія ихъ съ татарами. Приступая къ выясненію указанныхъ вопросовъ, замѣтимъ, что мы несогласны съ установившимися, повидимому, очень прочно, взглядами на этотъ счетъ въ наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, занимавшіеся изслѣдованіемъ даннаго вопроса историки почти единогласно признаютъ, что во время похода на татаръ, въ 1224-мъ году, русскіе отъ Днѣпра углубились въ степи, на востокъ, которыми шли девять дней и, достигнувъ рѣки Калміуса, въ которомъ, по мнѣнію изслѣдователей, надо видѣть лѣтописную Калку, столкнулись съ татарами и потерпѣли здѣсь страшное пораженіе. Такимъ образомъ, мѣсто кроваваго боя русскихъ съ татарами удалено, отъ базы на Днѣпрѣ по крайней мѣрѣ, верстъ на 300 слишкомъ въ томъ случаѣ, если считать, что общее выступленіе на татаръ произошло за порогами отъ Хортицы, и верстъ на 500—въ томъ случаѣ, если считать, что выступленіе русскихъ войскъ совершалось отъ пункта, расположеннаго выше пороговъ. Конечно, трудно согласиться, чтобы русскіе отважились углубляться столь далеко въ степи послѣ того, какъ пришло извѣстіе о страшномъ погромѣ половцевъ. Равнымъ образомъ, едва-ли возможно сдѣлать столь громадный переходъ въ теченіе восьми дней, на притомленныхъ предыдущей ходьбой лошадяхъ. Кромѣ того, не совсѣмъ также понятно, какъ это татары, находясь у береговъ Азовскаго моря, провѣдали о движеніи

---

[1]) Воскресен. лѣт., стр. 130; Ипат. лѣт., стр. 496. Въ этомъ мѣстѣ въ лѣтописи сказано, что „сташа у рѣки Хортицы на бродѣ, на протолчьи“. Мы относимъ слова „у рѣки Хортицы“ къ поставленному тутъ же слову „пороги“, такъ что этотъ отрывокъ получаетъ такой смыслъ: „возведоша пороги у рѣки Хортицы, и сташа на бродѣ, на протолчьи“. Вѣроятно, переписчикъ переставилъ эти слова.

[2]) Старая Проточь и Новая Проточь.

русскаго войска на нихъ и прислали въ Зарубъ пословъ съ мирными предложеніями [1]). Предполагая даже, что татары были своевременно извѣщены о движеніи на нихъ русскаго войска, трудно, однако, представить, чтобы они могли изъ такого далекаго края, отстоящаго болѣе, чѣмъ на тысячу верстъ отъ Кіева, прислать въ Зарубъ *своевременно* пословъ съ мирными предложеніями. Далѣе, не вполнѣ понятны также сообщенія лѣтописей о двухъ фазахъ борьбы съ татарами: одной,—первой,—неподалеку отъ Днѣпра, гдѣ была одержана побѣда надъ татарами, другой—на Калкѣ, гдѣ побѣдили татары. Зная характеръ тактики степняковъ дѣйствовать массой и не дробить своихъ силъ, трудно предположить, чтобы татары такъ далеко растянули свою армію на огромное пространство—отъ Азовскаго моря до рѣки Днѣпра. Видѣть въ разбитыхъ русскими татарахъ передовой ихъ отрядъ—также нельзя, такъ какъ *татары, какъ и другіе степняки, обыкновенно высылали свои развѣдочные отряды только передъ своими большими силами и въ недалекомъ разстояніи отъ послѣднихъ.*

Вообще, нельзя не сознаться, что обстановка и самый эпизодъ этого перваго крупнаго столкновенія Руси съ татарами не можетъ не вызвать многихъ недоумѣній и вопросовъ. Тѣ немногія извѣстія, которыя оставлены намъ лѣтописями относительно даннаго факта, не позволяли изслѣдователямъ вполнѣ основательно разобраться во всемъ этомъ дѣлѣ и дать вполнѣ удовлетворительныя, не вызывающія сомнѣній, объясненія. Конечно, не малую роль въ этомъ случаѣ играла также слабая разработка относящагося къ указанному вопросу историческихъ данныхъ и топографическаго матеріала, помощью которыхъ можно было бы выяснить и освѣтить историческую обстановку событій и опредѣлить настоящій ихъ смыслъ: это была одна изъ слабыхъ сторонъ прежнихъ изслѣдователей, не задававшихся, повидимому, цѣлью детальной критической провѣрки предшествующихъ временъ и выясненія ихъ исторической обстановки. Кромѣ того, прочность выводовъ прежнихъ изслѣдователей весьма много страдала вслѣдствіе того обстоятельства, что они придавали слишкомъ большое значеніе, въ вопросахъ исторической топографіи, одной только лингвистикѣ,

---

[1]) „И пріидоша къ рѣцѣ Днѣпру, на Зарубъ, ко острову Варяжьскому. Увѣдаша же Татарове, яко идутъ князи Рустіи противу имъ, и послаша послы ко княземъ Рускымъ, рькуще: «се слышимъ, оже противу насъ идете, послушавше Половець, а мы вашей земли не заяхомъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ, ни на васъ идохомъ... Князи же Рустіи того не послушавше, но и послы татарьскія избиша“, Воскресен. лѣт. стр. 130.

которая, безъ сопоставленія и подкрѣпленія доводами изъ другихъ научныхъ дисциплинъ, врядъ-ли можетъ дать вполнѣ научныя основанія для рѣшенія тѣхъ или другихъ спорныхъ вопросовъ, какъ это прекрасно доказано извѣстнымъ французскимъ ученымъ археологомъ, Г. де-Мортиллье.

Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая вышеупомянутый вопросъ, какъ-то странно вѣрить, чтобы русскіе поднялись всей землей и устремились на невѣдомаго, „незнаемаго“ по словамъ лѣтописи, врага, такъ далеко въ пустынныя, дикія степи, вызывавшія не мало страха и трепета среди русскихъ даже въ далеко болѣе позднее и, сравнительно, болѣе спокойное время;—устремились, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что половцевъ разбили гдѣ-то далеко въ степяхъ какіе-то малоизвѣстные, пришедшіе изъ глубины азіатскихъ степей, кочевники. Хотя отношеніе между Русью и половцами, ко времени появленія татаръ на юго-восточныхъ окраинахъ Европы, значительно улучшились, сравнительно съ предыдущимъ временемъ, но считать, что отношенія между всѣми половецкими племенами и русскими перешли въ тѣсную дружбу въ указанное время—рѣшительно не возможно. Если это было такъ, то спрашивается, было ли какое-либо основаніе для русскихъ подниматься чуть не всей землей и идти отыскивать какого-то невѣдомаго дотолѣ врага гдѣ-то въ глубинѣ далекихъ степей? Соотвѣтствовало ли все это движеніе въ степи существеннымъ интересамъ Русской земли и вызывалось ли оно дѣйствительной, всѣми ясно сознаваемой грозной опасностью, близко касающейся всей Русской земли? На всѣ эти вопросы, какъ увидимъ ниже, только и можно отвѣтить отрицательно. Если разсматривать эти вопросы въ той исторической обстановкѣ, какая требуется нынѣ наукой относительно указаннаго событія, то нельзя не согласиться, что весьма многое изъ того, что признавалось раньше прочно установленнымъ и, повидимому, яснымъ, въ настоящее время не можетъ быть признано таковымъ и должно замѣниться болѣе детальными, всесторонними и болѣе отвѣчающими научнымъ требованіямъ объясненіями.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то трудно вѣрится, чтобы Русская земля, при тѣхъ условіяхъ ея жизни, какія были въ ней въ первой четверти XIII столѣтія, могла быть сильно заинтересована какой-то отдаленной, за тысячу верстъ, борьбой между степняками, совершающейся на разстилающейся у подножій Кавказа равнинѣ, отдаленной отъ русскаго міра цѣлымъ моремъ пустынныхъ степей. Мы имѣемъ факты изъ прежняго времени Руси, указывающіе, что русскіе равнодушно

смотрѣли на отчаянную борьбу, совершавшуюся въ степяхъ, и не только не заботились потушить ее силой оружія, но, напротивъ, даже оставались довольны ею, такъ какъ эта борьба среди степняковъ, ослабляя ихъ силы, развязывала руки русскимъ и тѣмъ дѣлала край ихъ болѣе безопаснымъ отъ враговъ. Далѣе, не совсѣмъ понятнымъ намъ кажется еще и то, почему русскіе шли на татаръ въ опредѣленное мѣсто: вѣдь, маршрутъ татаръ на Русь былъ имъ неизвѣстенъ, и знать точно, на какую область обрушатся татары—врядъ-ли было возможно, принимая во вниманіе, что врагъ находился такъ далеко отъ русскихъ предѣловъ. Слѣдовательно, углубляться въ такую степную даль, не зная ни силъ враговъ, ни ихъ настоящихъ плановъ—врядъ-ли было основательнымъ. Кромѣ того, возникаетъ еще вопросъ другого рода: можно ли было въ описываемое время устраивать столь далеко въ степи походъ крупныхъ военныхъ силъ безъ ряда расположенныхъ на извѣстномъ разстояніи этапныхъ пунктовъ, гдѣ бы можно было получать въ достаточномъ количествѣ и на болѣе или менѣе продолжительное время фуражъ и провіантъ для людей? На этотъ вопросъ, конечно, также можно отвѣтить только отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ ни одного предпріятія, въ степи, совершеннаго русскими раньше, которое равнялось бы своей отдаленностью съ тѣмъ походомъ, какой, по словамъ комментаторовъ, предприняли русскіе противъ татаръ въ 1224 году. Крайними предѣлами русскихъ предпріятій въ степи была область рѣки Дона, или, лучше сказать, его притока—Сѣверскаго Донца, да и то, судя по всему, въ его верхнихъ или же среднихъ частяхъ: „испить шеломомъ воду изъ синяго Дона“—было признакомъ крайней отваги, смѣлости и даже гордости для русскихъ князей удѣльнаго времени. Въ Словѣ о полку Игоревѣ находятся прекрасныя указанія, какое тяжелое, гнетущее впечатлѣніе производила на русское войско пустынная степь, пугавшая своей необъятностью, своей таинственностью. Если принять затѣмъ во вниманіе, какія бѣдствія, какія лишенія переживало русское войско во время похода въ указанныя мѣста въ сравнительно недалекое отъ насъ время, въ концѣ XVII вѣка, во время походовъ кн. В. Голицина на татаръ, въ Крымъ, сколько длились и чѣмъ окончились эти походы, то намъ станетъ яснымъ, могла ли Русь удѣльно-вѣчевого времени предпринять подобнаго рода далекіе походы въ степи? Идти же въ степи на проломъ, очертя голову, безъ опредѣленнаго плана какъ по части маршрута, такъ и по части конечной цѣли похода врядъ ли было возможнымъ.

Кромѣ того, не совсѣмъ также понятными являются и условія политической жизни половцевъ указаннаго періода, въ тѣхъ рамкахъ, какія отведены имъ нашими историками. Согласно толкованію послѣднихъ, оказывается, что центръ политической жизни половцевъ, передъ нашествіемъ татаръ, перемѣстился изъ днѣпровско-донскаго бассейна далеко на юго-востокъ, въ предкавказскія степи. Намъ не совсѣмъ понятна такая массовая эмиграція половцевъ къ подножію Кавказа, такъ какъ мы не знаемъ причинъ, которыя бы могли вызвать такое быстрое, массовое переселеніе степняковъ изъ ихъ вѣковыхъ, излюбленныхъ, привольныхъ и раздольныхъ степныхъ угодій между Днѣпромъ и Дономъ, угодій, примыкавшихъ къ крупному, давнему торговому пути изъ Варягъ въ Греки и къ заселеннымъ окраинамъ Руси. Какъ увидимъ ниже изъ приведенныхъ нами доказательствъ, такого перемѣщенія половецкаго народа въ Предкавказье, въ означенное время, не было вовсе.

Въ самомъ дѣлѣ, принимая во вниманіе условія всей прежней жизни означенныхъ степняковъ въ днѣпровско-донской территоріи: ихъ продолжительное пребываніе въ послѣдней, ихъ постоянное тяготѣніе къ русскимъ предѣламъ, и, наконецъ, ихъ становящіяся все болѣе и болѣе тѣсными дружественныя, а затѣмъ и родственныя отношенія съ русскими,—трудно предположить, чтобы они промѣняли свои давнія, удобныя и насиженныя мѣста и удалились въ степи, лежавшія внѣ потока интенсивно пульсировавшей въ то время торгово-промышленной и политической жизни. Что могло привлечь ихъ на новыя мѣста, и чѣмъ онѣ были выгоднѣе, лучше прежнихъ? Судя по всему—ничѣмъ. Предкавказскія степи, клиномъ врѣзывающіяся между Азовскимъ моремъ и Кавказскимъ хребтомъ, представляли собой изолированную съ трехъ сторонъ страну и только съ четвертой, примыкающую къ морю, правда, тоже пустынному и малогостепріимному. Это была страна пустынная и мало интересная для поселеній: солончаки и пески—на востокѣ, хребетъ кавказскихъ горъ—на югѣ, обширныя, пустынныя степи—на сѣверѣ—вотъ каковы были ея границы. Мало того, гнѣздившіеся по склонамъ и ущельямъ Кавказскихъ горъ полудикіе народцы считали необходимымъ, отъ времени до времени, производить разбойничьи ревизіи степныхъ мѣстъ и разорять являвшихся сюда для поселенія обитателей. Поэтому, трудно повѣрить, чтобы имѣвшая такой характеръ страна представлялась заманчивой и интересной, чтобы она могла быть избрана согласно волѣ большинства половецкаго народа, его главнымъ мѣстомъ обитанія.

Кромѣ того, для выясненія общаго вопроса о половцахъ въ южно-русскихъ степяхъ, необходимо считаться также и съ тѣмъ общимъ и дѣйствовавшимъ съ неизмѣнной послѣдовательностью явленіемъ — исконнымъ и постояннымъ движеніемъ кочевниковъ на востокъ, каковое можно наблюдать въ южной Руси въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ: это стремленіе на западъ, можно сказать, было стихійнымъ, и первые проблески его теряются во мракѣ первыхъ временъ исторіи. Между тѣмъ фактовъ обратнаго движенія кочевниковъ на востокъ у насъ подъ руками почти не имѣется. Слѣдовательно, мы сильно сомнѣваемся въ томъ, чтобы главныя половецкія силы, въ моментъ нашествія татаръ, обитали въ Предкавказьѣ. Правда, вполнѣ возможно, что частицы половецкаго народа, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, обитали въ вышеупомянутыхъ степяхъ Предкавказья, но считать означенную область исключительнымъ мѣстопребываніемъ половцевъ, мы не считаемъ возможнымъ. Судя по всему, главная масса половецкаго народа обитала въ той же, расположенной между Днѣпромъ и Дономъ, поближе къ русскимъ предѣламъ, степной территоріи, на которой мы видѣли ее и раньше, и только районъ половецкихъ владѣній, въ силу разнаго рода политическихъ условій, и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе необходимости оказывать серьезный отпоръ постояннымъ набѣгамъ разныхъ кочевыхъ народцевъ, стремившихся прорваться къ южно-русскимъ торгово-промышленнымъ и заселеннымъ пунктамъ, значительно расширился къ югу, включивъ въ свои предѣлы и Предкавказье и вызвавъ сюда, по всей вѣроятности, такія же сторожевыя орды кочевниковъ, какія мы видимъ на юго-восточныхъ окраинахъ русской земли; ихъ цѣль была, повидимому, та же, что и переселенцевъ въ Русь: ограждать пути, по которымъ происходили вторженія разнаго рода степныхъ и кавказскихъ народцевъ, и не допускать ихъ двигаться дальше въ глубь степей. Такимъ образомъ, половцы, повидимому, примѣняли и у себя тѣ же пріемы для охраны своей страны, какіе практиковались въ то время въ предѣлахъ южной Руси. Это условіе до крайности расширяло половецкую территорію и было причиной того, что положеніе ихъ политическаго центра становится не вполнѣ яснымъ. Получалось какъ бы два половецкихъ центра: одинъ въ Предкавказьи, куда посылались значительныя военныя силы, и гдѣ происходила неумолкаемая борьба съ напиравшими сюда волнами мелкихъ народцевъ, а другой—въ Приднѣпровьѣ, близъ юго-восточныхъ границъ Руси. Это условіе было причиной того, что давленіе татаръ на южной полосѣ половецкихъ степей быстро передавалось половцами

и дальше, и движеніе ихъ на одну часть половецкаго народа, задуманное на широкихъ началахъ, должно было коснуться также и второй, главной существенной части половецкаго государства, расположеннаго поручь съ южными русскими границами. Такимъ образомъ, опасность для половцевъ являлась въ то же время не меньшей опасностью и для русской земли, въ виду возможности появленія грозныхъ татарскихъ полчищъ на южно-русскихъ границахъ, полчищъ, успѣвшихъ разгромить предкавказскія половецкія силы и принудить ихъ бѣжать въ русскіе предѣлы: опасность была очевидной, и увѣренія половецкихъ предводителей о томъ, что и русскія окраины ожидаетъ та же участь, имѣли полное основаніе. Такимъ образомъ, испытавъ на себѣ первый ударъ со стороны грозной татарской силы, половцы бросились къ русскимъ предѣламъ и явились какъ бы защитниками русской земли; ихъ интересы, въ этомъ случаѣ, какъ бы сливались съ ея интересами. Такимъ образомъ, признавъ главное мѣстообиталище половецкаго народа вблизи юго-восточныхъ русскихъ границъ въ приднѣпровскихъ степяхъ, за Орелью, въ области рѣкъ Самары, Донца и ихъ притоковъ, мы получаемъ совсѣмъ иную картину относительно столкновеній татаръ съ половцами, сравнительно съ той, какая установлена нашими историками относительно даннаго предмета. Тогда станутъ болѣе понятными и сообщенія лѣтописей о нападеніи татаръ на половцевъ и объ ихъ стремительномъ движеніи вплоть до самаго Днѣпра; кромѣ того, осмысленнѣе и понятнѣе станутъ для насъ и тѣ опасенія, и тотъ огромный подъемъ русской силы, выступившей на татаръ, о которыхъ сообщаютъ намъ лѣтописи. Очевидно, татары подошли къ русскимъ юго-восточнымъ границамъ, разгромивъ предварительно половцевъ, и остановились здѣсь въ выжидательномъ, угрожающемъ положеніи. Далѣе, въ лѣтописи есть указаніе, что разбившіе половцевъ татары гнались за ними до самаго Днѣпра. Если это было такъ, и если татары въ погонѣ за половцами достигли береговъ Днѣпра, то такое условіе, несомнѣнно, заключало въ себѣ не малую угрозу и для интересовъ всей русской земли, такъ какъ Днѣпромъ шелъ, какъ извѣстно, одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ и военныхъ путей русской земли. Принимая во вниманіе послѣднее обстоятельство, для насъ станетъ болѣе понятнымъ и выступленіе *Днѣпромъ* въ степи одной половины русскаго войска, и приходъ *также Днѣпромъ*, его другой половины. Очевидно, русскіе спѣшили придти туда, гдѣ имъ грозила наибольшая опасность. Движеніе русскихъ, какъ оказывается, было въ тѣ же мѣста, которыя расположены въ районѣ по-

ловецкихъ кочевій. Уже одно то обстоятельство, что, по словамъ лѣтописи, русскія войска, и конныя, и *пѣшія*, разбитыя татарами, *побѣжали къ Днѣпру* [1]), указываетъ на то, что послѣдній былъ не въ далекомъ разстояніи отъ мѣста сраженія.

Странно предполагать, чтобы русскіе, зайдя такъ далеко въ степи,—на девять слишкомъ дней пути отъ ихъ базы на Днѣпрѣ,—выбрали дорогу для отступленія къ Днѣпру: въ хаотическомъ отступленіи, происходящемъ послѣ пораженія, люди обыкновенно такъ теряются, что думать о правильной орьентировкѣ въ то время бываетъ крайне трудно. Кромѣ того, не вполнѣ понятнымъ для насъ является также сообщеніе лѣтописи о томъ, что татары послѣ побѣды гнались за русскими до самаго Днѣпра: „и съмятошася вся, и бысть сѣча зла и люта.... татары же поидоша по русскыхъ князихъ, *бьюче до Днѣпря*,... и иныхъ князь *до Днѣпръ гоняче*, убиша“ [2]). Какъ бы могло это случиться, и какъ бы русскіе князья, безъ потерь во время отступленія,—а объ этомъ, вѣдь, ничего не говорятъ наши лѣтописи—могли достигнуть Днѣпра, и только у послѣдняго сложить свои головы? Развѣ татары не имѣли бы удобнаго случая совершить этотъ разгромъ гдѣ-либо въ глубинѣ степей, вскорѣ послѣ пораженія русскихъ союзныхъ силъ на Калкѣ? Мы не можемъ себѣ представить, какъ можно совершить на такомъ огромномъ пространствѣ успѣшное, безъ потерь, отступленіе среди степей, на утомленныхъ лошадяхъ, въ сопровожденіи медленно идущихъ обозовъ, и въ виду энергичнаго, неутомленнаго и привычнаго къ быстрымъ, стремительнымъ нападеніямъ непріятеля? Вспомнивъ, что сталось съ русскимъ войскомъ, неосторожно углубившимся въ половецкія степи, въ 1185 году, подъ начальствомъ кн. Игоря Святославича, и отстоявшимъ значительно ближе отъ русскихъ границъ, трудно допустить, чтобы была какая-либо возможность для русскихъ войскъ, послѣ калкскаго разгрома, пройти столь громадное пространство отъ р. Калміуса до Днѣпра. Если бы это было такъ, то окончательный разгромъ русскихъ произошелъ бы значительно раньше, а не у самаго Днѣпра, какъ сообщаютъ объ этомъ лѣтописи. Между тѣмъ въ лѣтописи сохранились интерес-

---

[1]) „Ини же Татари поидоша по Русскыхъ князихъ, бьюче до Днѣпря“..., „а иныхъ князь до Днѣпрѣ гоняче, убиша 6 князей. Тъгда же Мьстиславъ Мьстиславличь переже перебегъ Днѣпрь, отрѣя отъ берега лодье, да не идуть Татари по нихъ. а самъ одва убежа“; „а иныхъ Половци побіша *ис коня*, а иного *ис порта*“. Новгор. лѣт. по синод. харат. списку, стр. 218—219.

[2]) Новгород. лѣт. по Синодальн. списку, стр. 218—219.

ныя подробности, дающія намъ нѣкоторыя руководящія указанія относительно того, гдѣ происходила главная битва русскихъ съ татарами въ 1224 году. Такъ, въ Новгородской лѣтописи (по Синод. списку) относительно указанной битвы находятся слѣдующія подробности: „Мьстиславъ же, кыевьскый князь, видя се зло, не движеся съ мѣста никаможе: сталъ бо бѣ на горѣ надъ рѣкою, надъ Калкомъ; бѣ бо мѣсто то камянисто, и ту угоши городъ около себе въ колѣхъ, и бися с ними из города того по 3 дни. Ини же татари поидоша по русскыхъ князихъ, бьюче до Днѣпря“ [1]). Вотъ это сообщеніе лѣтописи, что *татары, погнавшись за русскими князьями, бились съ ними до самаго Днѣпра*,—очень характерно и указываетъ, по нашему мнѣнію, на близость упоминаемой при этомъ р. Калки къ р. Днѣпру.

Насъ не должно, конечно, смущать лѣтописное сообщеніе о томъ, что русскіе, послѣ перваго столкновенія съ татарами, совершили восьмидневный переходъ черезъ степи, пока достигли береговъ р. Калки. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что цифра дней поставлена въ лѣтописи не вѣрно; такъ, въ однихъ лѣтописяхъ она обозначена цифрой 8, въ другихъ — 9 и т. д. То обстоятельство, что въ лѣтописи послѣ цифры 8 стоитъ слово *дни*, а въ иныхъ — *днiі* или *днiй*,—наводитъ на мысль, что въ лѣтописи допущена здѣсь цифровая ошибка, состоящая, повидимому, въ томъ, что цифра 8 поставлена вмѣсто цифры 2, очень схожей съ предыдущей по своему буквенному начертанію. Если бы здѣсь стояла цифра 8 или 9, то слѣдующее засимъ слово, въ силу русской рѣчи, должно было бы стоять въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, а отъ слова день таковой будетъ по церковно-славянски также *день*, но никакъ не *дни* или *днiи*. Послѣднее же возможно въ томъ случаѣ, если стоитъ числительное 2 или 3; напримѣръ, „шли 2 дни“.

Кромѣ того, мы имѣемъ и другія указанія, подтверждающія, что битва съ татарами на Калкѣ происходила близъ юго-восточныхъ границъ русской земли, въ районѣ, не особенно удаленномъ отъ р. Днѣпра. Уже одно то обстоятельство, что въ походѣ противъ татаръ принимали энергичное участіе князья днѣпровскаго лѣвобережья: черниговскій, путивльскій, курскій, переяславльскій и другіе князья указанной области, говоритъ, повидимому, въ пользу того, что гроза собиралась близъ границъ указанныхъ земель и задѣвала ихъ существенные интересы.

---

[1]) Новгород. лѣт., по Синод. списку, стр. 218.

Принимая затѣмъ во вниманіе тотъ сочувственный откликъ и поддержку, какую оказалъ во время означеннаго похода на татаръ, въ 1224 г., строго *практичный и разсчетливый* суздальскій князь, Юрій II, зорко наблюдавшій за своей днѣпровской вотчиной и старавшійся не выпускать ее изъ-подъ сферы своего вліянія, можно полагать, что онъ оказывалъ помощь не для какихъ-то неопредѣленныхъ, малопонятныхъ, фантастическихъ или безшабашныхъ предпріятій въ степи, а для отраженія дѣйствительно грозовыхъ тучъ татарскаго урагана, зловѣще придвигавшагося къ границамъ русской земли. Косвеннымъ намекомъ на то, что дѣло касалось юго-восточныхъ предстепныхъ окраинъ Руси, можетъ служить, повидимому, отказъ рязанскихъ князей, участвовать въ общемъ походѣ противъ татаръ: ихъ область находилась далеко отъ тѣхъ предѣловъ, которымъ грозили татары, и они предпочли уклониться отъ участія въ дѣлѣ, касающемся интересовъ южной Руси. Кромѣ того, интересно, что при описаніи этого похода, лѣтопись передала намъ еще одну подробность, показывающую, что дѣло съ татарами происходило на территоріи, издавна занятой половцами, и у границъ Руси, а именно: татарское войско, выступивъ противъ половцевъ и прошедши черезъ всю ихъ землю, достигло границъ Руси у такъ называемаго *половецкаго вала*. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ лѣтопись: „придоша бо ти Таурмени всю страну Куманьску и прідоша *близъ Руси*, идеже зоветься валъ Половьчьскы“ [1]). Такимъ образомъ, здѣсь является ясное свидѣтельство лѣтописи о томъ, что татары придвинулись къ предѣламъ русской земли [2]). Отсюда понятнымъ становится намъ и то отправленіе татарами своихъ пословъ къ Зарубу, для мирныхъ переговоровъ: находясь въ столь недалекомъ разстояніи отъ русскихъ предѣловъ, татарамъ не трудно было своевременно узнать о движеніи русскаго войска и о цѣли его похода. Вторичное посольство татаръ, повидимому,

[1]) Новгор. лѣт. по синод. списк., стр. 216; Лавр. лѣт., стр. 424.

[2]) Что касается упоминаемаго въ лѣтописи Половецкаго вала, то подъ этимъ именемъ, быть можетъ, скрывается одинъ изъ тѣхъ огромныхъ, тянущихся на цѣлые десятки и даже сотни верстъ валовъ, которыми обильно усѣяны берега р. Орели, и которые существовали здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Р. Орель издавна служила какъ бы границей между осѣдлымъ міромъ и кочевымъ, и потому охранные и защитные валы огромной величины составляютъ здѣсь характерное явленіе, на которое и обратила свое вниманіе лѣтопись. Этими древними валами пользовались, какъ извѣстно, въ смыслѣ защиты, въ сравнительно недавнее отъ насъ время, приспособляя и передѣлывая древніе валы для новыхъ служебныхъ въ военномъ отношеніи цѣлей. Такъ, ими пользовались русскіе въ царствованіе Петра Великаго и Анны Іоанновны.

происходило въ рѣшительный моментъ и было отправлено къ тому мѣсту, которое находилось на границѣ со степью: это была послѣдняя попытка со стороны татаръ придти къ какому-нибудь мирному соглашенію; быть можетъ, впрочемъ, здѣсь крылась какая-нибудь хитрость, къ какой обыковенно прибѣгали степняки въ затруднительномъ положеніи: весьма возможно, что привыкшіе къ осторожнымъ, осмотрительнымъ дѣйствіямъ, степняки пытались въ данномъ случаѣ вывѣдать о составѣ и силѣ русскихъ войскъ и объ общемъ ихъ настроеніи. Лѣтопись сохранила намъ любопытныя черты, свидѣтельствующія о томъ, какъ зорко наблюдали татары за всѣмъ тѣмъ, что происходило на сторонѣ русскихъ: узнавъ, что русскіе двигаются по рѣкѣ, татары выслали развѣдчиковъ разузнать о числѣ подходившей на помощь русскимъ ратной силы [1]).

Кромѣ всего вышесказаннаго, въ лѣтописи сохранилась еще одна характерная подробность, свидѣтельствующая о томъ, что татары воевали дѣйствительно у русскихъ предѣловъ. Описывая погромъ русскихъ на р. Калкѣ, лѣтопись говоритъ, что татары, одержавъ побѣду, доходили до такъ называемаго Новгорода Святополчскаго. Трудно, конечно, согласиться съ тѣмъ, что въ этомъ Новгородѣ можно было видѣть тотъ городъ, который былъ построенъ Святополкомъ II, и который находился на Витичевомъ холмѣ надъ Днѣпромъ: огромное разстояніе, отдѣляющее это мѣсто отъ Калки, исключаетъ возможность признать въ немъ Новгородокъ Святополчскій. Въ самомъ дѣлѣ, если бы татары доходили до нынѣшняго Витичева, отстоящаго верстъ на 60—70 отъ Кіева, то, конечно, это было бы уже въ глубинѣ русской земли, и лѣтопись, безъ сомнѣнія, упомянула бы объ этомъ. Затѣмъ, едва-ли возможно допустить, чтобы татары, одержавъ побѣду гдѣ-то въ глубинѣ степей, какъ это считали до сихъ поръ, могли затѣмъ быстро пройти степи и заняться опустошеніемъ русской земли. По всей вѣроятности, подъ этимъ именемъ кроется одинъ изъ тѣхъ городковъ, которые были воздвигаемы Русью на степномъ пограничьи: установившіяся мало по малу дружественныя отношенія съ половцами позволяли русскимъ выдвигать сюда свою колонизацію, благодаря которой русскіе постепенно занимали эти мѣста. Теперь понятнымъ станетъ намъ и то сообщеніе лѣтописи о томъ, что та-

---

[1]) „Пришедши же вѣсти во станы, яко пришли суть подсмотрити олядіи русскія, слышавше Данилъ Романовичъ, и всѣдъ на конь гна, и сущіи конници и иніи мнози князи съ нимъ гнаша видѣти рати". Воскрес. лѣт., стр. 130.

тары встрѣтили послѣ погрома по пути города и села русскіе, жители которыхъ выходили съ крестами на встрѣчу татарамъ [1]). Выше, при описаніи Сакова и саковцевъ, мы имѣли уже случай говорить о связи населенія юго-восточнаго пограничья и съ тѣми мѣстами, которыя расположены на правой сторонѣ Днѣпра, близъ с. Соколова и Витичева. Интересно, что въ періодъ правленія Святополка II строится на Витичевомъ холмѣ городокъ, получающій названіе по имени своего строителя. Весьма возможно, что такой же городокъ былъ воздвигнутъ упомянутымъ княземъ и на степномъ, юго-восточномъ пограничьи Руси. А что лѣтопись прошла объ этомъ фактѣ молчаніемъ, — удивляться нельзя: лѣтопись обыкновенно упоминаетъ при случаѣ о томъ или другомъ лицѣ или событіи, и весьма часто пропускаетъ интересныя для насъ подробности, которыя всплываютъ затѣмъ иногда совершенно неожиданно.

Въ лѣтописномъ разсказѣ, какъ извѣстно, сохраняется еще одна подробность, имѣющая также отношеніе къ выясненію района столкновеній Руси съ татарами—это именно *бродники*. Послѣдніе сыграли во время боевъ съ татарами крайне некрасивую роль: ихъ воевода, Плоскиня, христіанинъ, далъ клятву отпустить за выкупъ засѣвшихъ на вершинѣ холма, въ крѣпости, русскихъ, если они сдадутся. Когда же русскіе, повѣривъ ему, сдались, онъ связалъ ихъ и выдалъ татарамъ [2]). Является вопросъ: кто были эти, упоминаемые лѣтописью, бродники, гдѣ они жили и какова была ихъ роль въ исторіи?

Какъ показываетъ само названіе, бродники получили свое названіе отъ того дѣла, какимъ они занимались, т. е. отъ постояннаго мѣстожительства у бродовъ, или переправъ, охранять которые они имѣли спеціальное назначеніе. Это были, какъ видно, вооруженные поселенцы, выдвинутые Русью для защиты торгово-промышленныхъ трактовъ, издавна проходившихъ черезъ южно-русскія степи. Въ одномъ изъ своихъ трудовъ мы имѣли уже случай говорить, насколько важны были въ древней Руси переправы черезъ рѣки или болота, и

---

[1]) „Татаромъ же побѣдившимъ Рускіа князи, за прегрѣшеніе христіаньское, и дошедшимъ имъ до Новагорода Святоплъчскаго, Русь же, не вѣдяху злобы и льсти Татарскіе и ненависти на христіянъ, исхождаху противу имъ со кресты, они же избиваху всѣхъ". Воскресен. лѣт., стр. 132.

[2]) „Ту же и бродници быша старые, и воевода ихъ Плоскыня, тъй окаянный целовавъ крестъ ко князю Мстиславу и обѣма князема, яко ихъ не избити и пустити ихъ искупѣ, и сългавъ окаянный предасть ихъ связавъ татарамъ". Лѣт. по академ. сп., стр. 482.

какъ дорожили ими, особенно въ военное время. Такъ какъ на юго-востокѣ Руси, въ силу условій тогдашней жизни, страна постоянно находилась на военномъ положеніи, то и поселенное близъ бродовъ населеніе должно было нести военную службу, становясь такимъ образомъ, мало-по-малу, постояннымъ войскомъ. Оно несло такимъ образомъ двойную службу: съ одной стороны,—защищало выдвинутое въ степь русское населеніе, а, съ другой,—защищало мѣста переправъ черезъ рѣки. Судя по всему, оно находилось близъ пограничья со степями, частью на самомъ пограничьи, представляя собой какъ бы передовые форпосты русской колонизаціи въ степи; по вѣрѣ и языку они, конечно, походили на своихъ единоплеменниковъ—рускихъ. Тѣсная связь ихъ съ Русью и долгое совмѣстное житье, наконецъ, единство вѣры и, вѣроятно, языка—были причиной того, что укрывшееся послѣ битвы съ татарами, подъ защиту укрѣпленій на вершинѣ каменистаго холма, русское войско повѣрило бродникамъ и согласилось капитулировать.

Приведенные факты, повидимому, весьма много говорятъ въ пользу того, что столкновенія съ татарами происходили гдѣ-то близъ юго-восточнаго пограничья Руси, въ мѣстности, расположенной неподалеку отъ р. Днѣпра. Остается, такимъ образомъ, точнѣе опредѣлить мѣсто, гдѣ произошелъ знаменитый бой руси съ татарами въ 1224 году.

Нѣсколько выше мы опредѣлили уже базу русскихъ военныхъ силъ на Днѣпрѣ, признавъ ее находящейся неподалеку отъ начала пороговъ. Мы опредѣлили также и мѣсто бродовъ, упомянутыхъ въ лѣтописи, пріурочивъ ихъ къ тѣмъ расположеннымъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Днѣпра и текущимъ паралелльно послѣднему рѣчкамъ, которыя носятъ названіе *Проточь*,—имя, весьма близкое къ лѣтописному *Протолчь*. Необходимо замѣтить, что районъ мѣстности по теченію Днѣпра, въ предѣлахъ отъ устья р. Ворсклы вплоть до конца пороговъ, можетъ быть по справедливости названъ страной бродовъ: здѣсь находились чрезвычайно удобныя мѣста для переправъ вбродъ черезъ Днѣпръ; здѣсь же, къ востоку отъ Днѣпра, находилась мѣстность, также изборожденная бродами, проходившими и черезъ низовья р. Ворсклы, Орели и Самары, и черезъ болотистыя русла рѣчекъ Проточей и имъ подобнымъ. Особенно интересна для насъ мѣстность, расположенная на перепутьи между р. Днѣпромъ и нижнимъ теченіемъ р. Самары: здѣсь находился весьма важный стратегическій пунктъ, имѣвшій большое значеніе для всей территоріи, расположенной къ югу отъ р. Орели, вплоть

до самаго моря. Здѣсь находился, такъ сказать, ключъ ко всему нижнему Приднѣпровью: кто хотѣлъ владѣть послѣднимъ, съ восточной стороны, тотъ долженъ былъ позаботиться прежде всего о захватѣ низовьевъ р. Самары, гдѣ находилась удобная переправа черезъ означенную рѣку; въ противномъ случаѣ, р. Самара представляла огромную преграду, такъ что желавшій съ лѣваго ея берега попасть на правый долженъ былъ дѣлать громадный обходъ, съ востока, вокругъ верховьевъ означенной рѣки и затѣмъ уже попасть въ назначенное мѣсто. Вотъ на низовьяхъ-то р. Самары, близъ того мѣста, къ которому съ лѣвой стороны подходятъ прибрежные лѣса этой рѣки, а съ правой—устье р. Килчень или Калчень, и находился тотъ стратегическій пунктъ, о которомъ мы говорили раньше. Несомнѣнно, что этотъ стратегическій пунктъ былъ весьма важенъ какъ для одной, такъ и для другой стороны соперниковъ, а отсюда понятно, что и бой между ними долженъ былъ происходить въ этомъ именно пунктѣ, близъ переправы черезъ р. Самару. Разсмотрѣніе окружающихъ это мѣсто условій и находящихся тамъ названій мѣстностей подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы посмотримъ на карту р. Самары съ окружающей послѣднюю мѣстностью, то увидимъ, что нѣсколько ниже г. Новомосковска впадаетъ въ р. Самару небольшая рѣченка *Кильчень*, черезъ которую близъ ея устья проходитъ большой трактъ изъ Екатеринослава на Новомосковскъ. Вотъ близъ этой-то р. Кильчень и находился важный стратегическій пунктъ, у котораго, повидимому, и произошелъ кровавый бой руси съ татарами.

Самое названіе р. Кильчень или же Кальчень весьма много подходитъ къ лѣтописному Калка или же Кална. На эту мысль наводитъ насъ также то, что лѣвый притокъ р. Орели, берущій свое начало близъ верховьевъ р. Кильченъ и впадающій въ Орель близъ м. Перещепена, носитъ названіе *Шир. Кальченка.* Слѣдовательно, можно полагать, что гдѣ-то вблизи была и другая рѣка, носившая полное названіе своего имени—*Калка.* Въ Сводн. лѣт., въ прилож. 2 (Воскр. сп.), подъ 1225 г. сказано: „Бой бысть великому князю Кіевскому Мьстиславу Романовичю и съ нимъ князей русскихъ *на Калкахъ*“ (Сводн. лѣт., стр. 275). Слѣдовательно, здѣсь говорится о Калкахъ, т. е. о двухъ или нѣсколькихъ рѣкахъ съ указаннымъ именемъ. Въ той же Свод. лѣтописи, подъ 1235 годомъ сказано: „Сѣде въ Кіевѣ Изяславъ Мьстиславичъ Романовича, котораго на Калкахъ убили“ (стр. 275).

Подтвержденіемъ послѣдняго положенія служитъ карта Боплана, на которой отмѣчены извѣстные броды на указанныхъ рѣкахъ, при чемъ бродъ на р. Кильчень названъ *Kalmowe brod*, что очень близко къ лѣтописному названію Кална или же Калка [1]).

Интересно отмѣтить также, что впадающіе въ Самару, близъ означенной р. Кильчень, притоки носятъ названіе: одинъ — Татарка, а другой — Красна, получившіе свои имена, по всей вѣроятности, вслѣдствіе давняго знакомства первой съ татарами, а второй — съ кровавыми столкновеніями въ ея окрестностяхъ.

Кромѣ вышеизложенныхъ соображеній, мы имѣемъ еще нѣкоторыя данныя относительно мѣстности, гдѣ находилась упоминаемая въ лѣтописяхъ Калка или же Калки. Такъ, послѣ пораженія татаръ на Куликовомъ полѣ, въ 1380 г., Мамай бѣжалъ на югъ, поближе къ крымской ордѣ: уходить домой, въ Сарай, было нельзя въ виду неудачи предпріятія. Вскорѣ затѣмъ, въ томъ же году, Мамай рѣшилъ еще разъ напасть на московскаго князя. Но у послѣдняго явился нежданный помощникъ въ лицѣ Тохтамыша, который, заручившись благоволеніемъ Тамерлана, двинулся на Мамая. Битва произошла, какъ говорятъ лѣтописи, *на Калкахъ*. Мамай былъ разбитъ на голову, бѣжалъ въ Крымъ, въ г. Кафу, къ генуэзцамъ, гдѣ и былъ убитъ [2]).

Это послѣднее предпріятіе Мамая на Русь имѣетъ такую тѣсную связь съ куликовской битвой, такъ быстро послѣдовало за послѣдней, что нѣкоторыя западно-европейскія хроники, помѣстивъ описаніе борьбы Мамая съ Димитріемъ Донскимъ, повидимому, слили эти два

---

[1]) См. Карту Левас. Боплана Кіевскаго воеводства. Въ Воскресен. лѣтописи находятся варьянты слова Калка, которое пишется, то какъ *Калка*, то какъ *Кална*. Въ извѣстномъ трудѣ француз. ученаго Cahun'a—Introduction à l'histoire, de l'Asie—Калка названа Kaleza: „Djébé et Souboutnii promenèrent.... jusqu'à une position etudié à l'avance, derrière la Cáleza". Cahun, p. 302.

[2]) Въ приведенномъ у Карамзина примѣчаніи (см. т. V, стр. 43, прим. 88) находится выписка изъ лѣтописей (Ростовской, Софійск. Врем. и пр.) объ этой битвѣ: „срѣтошася (Мамай и Тохтамышъ) *на Калкахъ*, и Тохтамышъ побѣди. Мамаевы же князи, сшедше съ коней своихъ и биша челомъ царю Тахтамышу и давше ему правду (присягу) по своей вѣрѣ... Мамай же побѣже съ своими единоплеменники. Царь же Тохтамышъ посла за нимъ въ погоню. Мамай же прибѣже въ Кафу со множествомъ злата и сребра, и ту отъ нихъ убіенъ бысть лестью". У Даниловича сказано, что Мамай и Тохтамышъ „stretoszasia na Kalkach, i byst'im boj, i car Tochtamycz pobiedi Mamaja i pohna jeho, Mamajewy ze kniazi szedsze s koneï, bicza czelom cariu Taktamyczu". Danilowicz, Latopisiec Litwy, p. 197.

предпріятія или битвы въ одно и пріурочили мѣсто боя къ какому-то не вполнѣ понятному и переданному, повидимому, по нѣмецки пункту— Flawasser. Вотъ какъ говорится въ одной изъ нихъ объ этомъ: „Quo etiam tempore inter Russos et Tartaros maximum a memoria hominum habitum est proelium, in loco qui dicitur Flawasser, ut solent ambae nationes magnis agminibus non stantes pugnare, sed incurrentis jacluari et ferire, mox retrocedere“ [1]).

У Карамзина (т. V, прим. 81) вслѣдъ за словомъ Flawasser поставлено въ скобкахъ: (Blau-Wasser, т. е. Синяя-Вода). Такъ объяснено это слово Карамзинымъ, пріурочившимъ его къ р. Синюхѣ или Синія-Воды, притоку южнаго-Буга. Конечно, зная районъ столкновеній Мамая съ Москвой, трудно согласиться, чтобы здѣсь говорилось о столь отдаленной отъ р. Дона мѣстности, какъ р. Синія-Воды, находящейся на правой сторонѣ Днѣпра. Московское войско, насколько извѣстно, не заходило столь далеко, въ погонѣ за татарами, здѣсь, очевидно, кроется какая-то несообразность въ объясненіи Карамзина. Еще можно бы отчасти согласиться съ этимъ, если бы Тохтамышъ былъ въ южной Руси на правой сторонѣ Днѣпра. Но, какъ извѣстно, Тохтамышъ въ это время жилъ на востокѣ: обласканный Тамерланомъ, Тохтамышъ находился на Закавказьи, въ такъ называемой Синей-Ордѣ, которая находилась за „Желѣзными Вратами“ Кавказа [2]).

Мы полагаемъ, что въ объясненіи означеннаго слова произошла ошибка, по той, повидимому, причинѣ, что комментаторамъ была извѣстна р. Синія-Воды нѣсколько раньше, и именно извѣстна своимъ боемъ здѣсь кн. Ольгерда съ татарами. Въ виду этого, опираясь только на звуковое сходство названія, комментаторы не задумались передать слово *Flawasser* черезъ *Синія Воды*, прибѣгнувъ при этомъ къ перемѣнѣ буквы *F* въ букву *B* и прибавивъ затѣмъ въ середину еще одну букву *и*, послѣ чего уже и получилось *Blau-Wasser* или Синія-Воды, въ русскомъ переводѣ. Но такое объясненіе, въ силу своей большей искусственности, врядъ ли можетъ считаться удовлетворительнымъ. Скорѣе здѣсь можно предполагать простую перестановку двухъ буквъ, одной на мѣсто другой, столь часто практиковавшуюся

[1]) Cranz, Wandalica, кн. IX, стр. 207.

[2]) „О семъ же Темирѣ (Тамерланѣ) повѣдаша нѣцыи, яко исперва не царь бѣ, ни сынъ царевъ, ни племени княжеска, ни боярина, но отъ простыхъ нищихъ людей, отъ *Синія-Орды*, иже бѣ за Желѣзными-Враты“ и т. д. См. Карамзина, т. V, гл. II, примѣчаніе 150.

въ древности переписчиками, а именно: вмѣсто *Fla* могло стоять раньше *Fal,* такъ что слово читалось: Falwasser, обозначающее собой *водопадъ* или *порогъ*. Принимая это толкованіе, мы получимъ, что послѣдняя рѣшительная битва между соперниками происходила *близъ днѣпровскихъ пороговъ*, т. е. у Wasserfal.

Если сопоставить лѣтописное извѣстіе о битвѣ Мамая съ Тохтамышемъ на Калкахъ съ извѣстіемъ нѣмецкаго источника, говорящаго, что битва между соперниками произошла у Falwasser, то окажется, что они говорятъ объ одномъ и томъ же фактѣ, при чемъ нѣмецкій источникъ дѣлаетъ болѣе характерное опредѣленіе мѣстности боя, пріурочивая его къ порогамъ, близъ которыхъ, по нашему мнѣнію, и находилась древняя р. Калка.

Это филологическое объясненіе слова можетъ также имѣть подтвержденіе и въ историческихъ обстоятельствахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ пораженія на Куликовомъ полѣ, Мамай бѣжалъ, но не въ Сарай, куда показываться было крайне опасно, такъ какъ неудачнику грозила гибель, а въ ту отдѣлившуюся отъ Золотой Орды область, которая была извѣстна подъ именемъ Перекопской Орды или же Крымской, и которая только одна была бы въ состояніи въ то время оказать помощь Мамаю. Перекопская Орда занимала довольно удобную по своему положенію мѣстность, значительно удаленную отъ Золотой Орды и лежавшую поручь съ литовскими владѣніями. Послѣднее обстоятельство было чрезвычайно важно для Мамая, который, задумавъ новый походъ на Москву, и не имѣя достаточныхъ для того силъ, долженъ былъ держаться близъ земель своего союзника—литовскаго князя. Кромѣ того, Перекопская Орда имѣла еще и то значеніе, что она залегала на пути изъ Сурожскихъ странъ въ Русь и могла серьезно грозить торговлѣ послѣдней съ побережьями Чернаго и Азовскаго морей. Въ Крымъ спасаются и другіе неудачники, если счастье поворачивалось не въ ихъ сторону. Сюда, какъ извѣстно, уходитъ и Тохтамышъ, послѣ того, какъ онъ потерпѣлъ неудачу въ борьбѣ съ Тамерланомъ, въ 1395 году. Слѣдовательно, можно полагать, что Мамай шелъ на Москву не отъ Маріуполя, гдѣ врядъ ли было столько удобствъ, какъ въ угодьяхъ Перекопской Орды, а отъ границъ послѣдней, и что онъ двигался, придерживаясь Литовскихъ окраинъ. Если припомнить, что татары въ 1224 году двигались на Русь послѣ предварительнаго похода на Крымъ, и что изъ Крыма же шелъ на Витовта и Эдигей въ 1399 году, то можно полагать, что они шли одной и той же, наиболѣе удобной и обычной дорогой, т. е. близъ Днѣпра.

Этимъ же путемъ долженъ былъ проходить и Мамай, чтобы встрѣтить литовскую помощь. А такъ какъ выше пороговъ находились удобныя переправы черезъ Днѣпръ, то близъ нихъ можно было разсчитывать и на помощь союзниковъ-литовцевъ. Слѣдовательно, напавши на Мамая въ началѣ его похода, Тохтамышъ поступилъ очень предусмотрительно, не допустивъ до соединенія съ литовскими силами и разбивъ его неподалеку отъ литовскихъ границъ, на Калкахъ, т. е. близъ пороговъ. Что Мамаева орда нѣкогда кочевала близъ пороговъ, видно изъ того, что здѣсь, напротивъ Никополя, есть рѣка Мамай-Сурка и урочище Мамай, а неподалеку еще недавно сохранялись развалины татарскихъ мечетей. Кромѣ того, въ мѣстности близъ устьевъ р. Самары, какъ показали раскопки Д. И. Эварницкаго, находились татарскія поселенія съ половины XIV ст. [1]).

Открытый въ 1851 году, въ Екатеринославской губерніи, близъ с. Воскресенки (Александров. у.), крупный кладъ восточныхъ монетъ, большинство которыхъ принадлежитъ хану Тохтамышу и отчеканено въ разныхъ городахъ Закавказья: Дербентѣ, Баку, Шемахѣ, Шабранѣ и пр., даетъ весьма цѣнныя указанія относительно мѣстоположенія загадочной р. Калки, на которой, какъ извѣстно, Мамай былъ разбитъ Тохтамышомъ въ 1380 году. Такъ какъ большинство монетъ означеннаго клада относится къ тому періоду, когда Тохтамышъ пребывалъ на Закавказьи и въ Персіи, т. е. до 1380 г., и, повидимому, тамъ нѣтъ ни одной, которая восходила бы выше этой даты [2]), то можно полагать, что кладъ былъ зарытъ кѣмъ-либо изъ сподвижниковъ Тохтамыша во время движенія послѣдняго изъ Прикавказскихъ степей на Мамая, убѣжавшаго послѣ неудачи на Куликовомъ полѣ въ южно-русскія степи, расположенныя между нижнимъ теченіемъ Днѣпра и Дона.

Вѣроятно, этотъ кладъ былъ зарытъ еще до столкновенія съ Мамаемъ, въ то болѣе или менѣе тревожное время, когда не было еще извѣстно, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ—на сторонѣ ли Мамая или же Тохтамыша. А если это такъ, то нахожденіе клада съ Тохтамышевыми монетами въ мѣстности, расположенной значительно *западнѣе* нынѣшняго Калміуса, указываетъ, повидимому, на то, что и

---

[1]) См. Каталогъ Екатерин. област. музея, 1905 г., стр. 52, 54. Кромѣ того, см. Отч. Импер. Археол. ком. за 1883—4 гг., стр. LI.

[2]) Записки Импер. Рус. Археол. Общ., стар. серія, т. V, стр. 66—68. Описаніе монетъ Воскресенскаго клада, сдѣланное оріенталистомъ П. С. Савельевымъ.

битва на р. Калкѣ означенныхъ соперниковъ произошла въ значительномъ разстояніи къ западу отъ р. Калміуса, т. е. въ мѣстности близъ р. Днѣпра.

Наконецъ, еще одна подробность, говорящая за то, что лѣтописная Калка должна была находиться въ расположенныхъ поближе къ Днѣпру мѣстахъ, — это каменистость холмовъ по теченію р. Калки, отмѣченная лѣтописью: „сталъ бо бѣ (Мстиславъ Кіевскій) на горѣ, надъ рѣкой надъ Калкомь, бѣ бо *мѣсто то камянисто*“... [1]). Если мы припомнимъ, что каменныя породы пересѣкаютъ область Днѣпра какъ разъ въ указанной нами мѣстности, то и тотъ каменистый холмъ, о которомъ сообщается въ лѣтописи, находился на одномъ изъ тѣхъ шпилей, которые расположены по теченію р. Кильчень. Быть можетъ, даже это былъ тотъ холмъ, который составляетъ собою мысообразный выступъ прирѣчнаго плато въ долину р. Днѣпра.

Кромѣ всего вышеизложеннаго, мы имѣемъ также еще и другія, не менѣе правдоподобныя доказательства того, что калкское побоище происходило неподалеку отъ р. Днѣпра.

Извѣстно, что половцы, а вслѣдъ за ними и бродники, какъ это выяснено учеными (Брунъ и Успенскій), послѣ татарскаго погрома въ степяхъ, въ 1224 году, переселились въ Венгрію и были подчинены вѣдѣнію Гранскаго епископа; извѣстно также существованіе въ XIII-мъ столѣтіи особаго „*легата апостольскаго престола въ областяхъ половецкихъ*“, т. е. въ то еще время, когда эти кочевники жили въ южнорусскихъ степяхъ; извѣстенъ такъ-называемый словарь половецкаго языка, или, лучше сказать, краткій списокъ наиболѣе необходимыхъ для постоянныхъ торгово-промышленныхъ сношеній съ половцами словъ послѣднихъ; извѣстны, наконецъ, неоднократныя миссіонерскія странствованія католическихъ монаховъ въ половецкія степи; все это говоритъ, конечно, въ пользу того, что страна половцевъ и ихъ сосѣдей бродниковъ была неоднократно посѣщаема предпріимчивыми народами западной Европы, преимущественно жителями итальянскихъ морскихъ державъ. Эти сношенія, конечно, носили прежде всего практическій, утилитарный характеръ и выросли на почвѣ торгово-промышленныхъ связей. А что южная Русь въ удѣльно-вѣчевое время вела торговыя связи съ западной Европой при посредствѣ многочисленныхъ генуэзскихъ и венеціанскихъ колоній, расположенныхъ на сѣверныхъ побережьяхъ Чернаго моря, на это существуютъ многочисленныя доказательства:

[1]). Новгород. лѣт., по синод. списку, стр. 218.

въ Кіевѣ проживало множество западно-европейскихъ купцовъ изъ Пизы, Генуи, Венеціи, Падуи и проч.; Кіевъ велъ отпускную торговлю сырыми произведеніями съ означенными странами; въ Кіевѣ, наконецъ, находилось даже поселеніе западно-европейцевъ, извѣстное въ лѣтописи подъ именемъ *„латины“* и т. д. Эти сношенія центра южной Руси съ западной Европой, при трудности и опасности сухопутныхъ передвиженій, велись главнымъ образомъ при помощи Днѣпра. Понятно, что, часто проѣзжая послѣднимъ, западно-европейскіе купцы все болѣе и болѣе знакомились съ обитавшимъ по его берегамъ населеніемъ, въ числѣ котораго, конечно, были половцы и бродники, и старались оказывать на него вліяніе. Отсюда—миссіонерскія предпріятія легатовъ апостольскаго престола. Вѣроятно, подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ, половцы и бродники, поставленные въ невыгодныя условія вслѣдствіе возникновенія новой силы, татарской, залегшей въ предѣлахъ южной Руси и постаравшейся прибрать въ свои руки всѣ ея торгово-экономическіе рессурсы, и рѣшаютъ оставить предѣлы Руси и переселиться подальше на западъ, въ удобныя и соотвѣтствующія характеру ихъ быта мѣста Венгріи.

Что операціи татаръ въ 1224 году касались главнымъ образомъ Приднѣпровья и имѣли не какой-нибудь случайный характеръ, а являлись слѣдствіемъ строго обдуманнаго и заранѣе составленнаго плана, осуществленіе котораго, въ силу медленной, но точно разсчитанной политики монголовъ, какъ извѣстно, было произведено нѣсколько позже, но начало котораго впервые появилось во время этого перваго крупнаго столкновенія татаръ съ русью на берегахъ рѣки Калки,—можно убѣдиться и изъ другихъ данныхъ, повидимому довольно вѣскихъ и основательныхъ.

Извѣстно, что ко времени появленія татаръ въ юго-восточной Европѣ крупная роль по части коммерческихъ операцій съ востокомъ принадлежала венеціанцамъ, которые вели эту торговлю такъ называемымъ южнымъ путемъ, черезъ сѣверныя побережья Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей и черезъ Кавказъ. Такъ какъ Кіевъ, въ силу своего положенія на узлѣ торгово-промышленныхъ путей, ведущихъ изъ западной Европы на востокъ, принималъ значительную долю участія въ этихъ торговыхъ операціяхъ съ востокомъ, то онъ, естественно, являлся крайне невыгоднымъ конкуррентомъ для венеціанъ, отбивая у нихъ добрую часть доходовъ. Вотъ для того, чтобы сохранить за собой всѣ выгоды монопольной торговли, венеціанцы и составили планъ разрушить въ конецъ мѣшавшій имъ путь черезъ

Кіевъ, въ чемъ имъ оказали большія услуги ихъ друзья, монголы. Такимъ образомъ, нападеніе татаръ на главные приднѣпровскіе пункты—Кіевъ, Переяславль, Черниговъ и пр.—дѣлалось чрезвычайно тактично и было задумано и исполнено методически, какъ бы по заранѣе составленному и строго обдуманному плану. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ извѣстный французскій ученый A. Cahun, въ своемъ трудѣ, подъ заглавіемъ Introduction à l'histoire de l'Asie: „Кіевъ былъ не только священнымъ городомъ, но и огромнымъ складочнымъ пунктомъ товаровъ южныхъ странъ; монголы съ остервенѣніемъ бросились его разрушать и уничтожать сухопутный торговый путь. Но почему же? Вѣдь, они не имѣли религіозной ненависти; сверхъ того, былъ даже приказъ уважать святыя мѣста, щадить церкви и ихъ служителей. Почему же такое остервенѣніе противъ Кіева? Если хорошенько припомнить, что со времени разрушенія въ 1240 г. сухопутной дороги венеціанцы, жившіе въ Крыму, удерживаютъ въ своихъ рукахъ монополію торговли съ дальнимъ востокомъ, и что они производятъ ее морскимъ путемъ и черезъ Кавказъ, то, быть можетъ, можно будетъ догадаться о томъ, какіе совѣтники руководили монголами, бывшими въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ венеціанцами въ ихъ систематическомъ опустошеніи кіевской земли?“ [1]). А, чтобы знать, каковы были тѣ люди, которые брались за выполненіе начертаннаго венеціанцами плана, лучше всего можно видѣть изъ той характеристики военнаго дѣла монголовъ, которая сдѣлана тѣмъ же французскимъ ученымъ. Вотъ она: „Выдѣленіе мелкихъ отрядовъ вокругъ основного большого ядра войска, быстрыя вращательныя движенія послѣднихъ — движенія, которыхъ тяжелыя массы средневѣковаго войска не умѣли ни отражать, ни избѣгать,— такова тактика монголовъ; съ другой стороны, еще до начала войнъ, построенныхъ на научныхъ основаніяхъ, монголы умѣли распоря-

[1]) „Kiev n'etait pas seulement une ville sainte; c'était le grand entrepôt commercial du Sud; les Mongols s'acharnèrent à le detruire, à ruiner la route commerciale par terre. Pourquoi? Ils n'avaient point de haine religieuse; d'ailleurs, la consigne était de respecter les lieux saints, de ménager les èglises et les clergés. Pourquoi cet acharnement à Kiew? Si l'on veut bien considérer qu'à partir du sac de la route commerciale par terre en 1240, les Vénetiens de Crimée tiennent le monopole du commerce avec l'exrême Orient, et qu'ils le prennent par la route de mer et le Caucase, on soupçonnera, peut-être, quels conseilleurs ont guidé les Mongols, les bons amis de Venise, dans leur dévastation systématique de la Kiovie“. Ad. Cahun. Introduction à l'histoire de l'Asie, p. 349—350.

жаться войсками на мѣстѣ сраженія съ помощью точныхъ и быстрыхъ пріемовъ. Но, чѣмъ собственно обладали монголы XII-го столѣтія въ совершенствѣ,—это знаніемъ стратегическихъ комбинацій и точностью движеній, обусловливающими могущественную организацію. Одни только монголы умѣли, въ средніе вѣка, комбинировать, искусно проводить къ землямъ, направлять и производить эволюціи большими военными силами, они только одни умѣли подчинять всѣхъ однообразной военной дисциплинѣ. Они впервые устроили въ своей арміи постоянные кадры, съ правильной іерархіей чиновъ, гарантированной повышеніемъ (за заслугу)“ [1]).

Если это такъ, и если признать, что татары были искусными завоевателями, прекрасно знакомыми съ разумными основами военнаго дѣла, то ихъ походы на Русь являлись не случайными, какъ бы летучими военными экспедиціями, а строго обдуманными и разсчитанными предпріятіями, построенными по всѣмъ правиламъ военной тактики. Въ виду того обстоятельства, что татары, насколько то можно замѣтить изъ ихъ военныхъ дѣйствій, имѣли обыкновеніе, намѣтивъ къ покоренію какую-либо страну, приступать къ дѣлу не сразу, а послѣ цѣлаго ряда подготовительныхъ пріемовъ и дѣйствій, можно полагать, что и относительно покоренія южной Руси татары примѣняли тѣ же тактическіе пріемы. Въ самомъ дѣлѣ, задумавъ (въ 1238 г.) покорить южную Русь, татары не идутъ на нее прямикомъ, а останавливаются на Подоньи, подчиняютъ послѣднее своей власти и, обезпечивъ такимъ образомъ свой тылъ и коммуникаціонную линію съ Средней Азіей, приступаютъ къ выполненію своей главной задачи. Можно полагать поэтому, что и движеніе татаръ въ 1224 году имѣло ту же цѣль, т. е. покореніе находящейся на южно-русскомъ пограничьи полосы половецкихъ земель, чтобы, при наступленіи на южную Русь, обезпечить свой тылъ. Такимъ образомъ, татары въ оба раза—

[1]) „Ce petit nombre qui entoure le grand, ces mouvemens tournants que les masses pesantes du moyen-âge ne savent ni parer, ni éviter, c'est affaire de tactique; d'autres, avant la renaissance de la guerre savante, ont su manier des troupes sur le champ de bataille, par des méthodes précises et rapides. Mais ce que les Mongols du XIII-e siècle possédèrent en propre, c'est la science des combinaisons stratégiques, et la sûreté de mouvements qu'assure une puissante organisation. Seuls, au moyen âge, les Mongols ont su réunir, acheminer vers le terrain, diriger et faire mouvoire des grandes armées; seuls ils ont plié toutes les volontés à une discipline uniforme. Les premiers ils ont donné à leurs soldats de veritables cadres permanents avec une hiérarchie régulière, un avancement garanti“. *Cahun*. Introduction à l'histoire de l'Asie, p. 345-6.

и въ 1239, и въ 1224 годахъ—дѣйствуютъ какъ бы по одному плану и выполняютъ серьезную подготовительную задачу, т. е. подчиняютъ своей власти предстепную половецкую полосу, имѣвшую тѣсную связь съ Русской землей и представлявшую два центра: на Подоньи и въ области рр. Орели и Самары.

Вышеприведенные доводы, полагаемъ, позволяютъ сдѣлать заключеніе, что столкновеніе русскихъ съ татарами на р. Калкѣ, въ 1224 году, не стоитъ особнякомъ, а находится въ связи со многими предшествующими походами, составляя съ ними одно изъ органическихъ, тѣсно связанныхъ всѣми условіями тогдашней жизни, звеньевъ. Поэтому, и опредѣленіе главныхъ моментовъ его произведено нами не на основаніи отдѣльныхъ разсужденій, а въ связи съ цѣлымъ рядомъ фактовъ предшествовавшихъ, имѣвшихъ аналогичный характеръ и тѣсное съ нимъ соотношеніе.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Юго-восточный отдѣлъ русской земли съ незапамятныхъ временъ принималъ первые удары кочевниковъ съ востока.

2) Въ лѣвобережномъ Приднѣпровьи, представлявшемъ собою замкнутый между двумя рѣчными долинами—днѣпровской и деснянско-сейменской—треугольникъ земель, обращенный вершиной къ Кіеву, а основаніемъ къ востоку, наиболѣе безопасной стороной являлась средняя, защищенная рядомъ параллельно идущихъ другъ другу рѣчекъ (Ворксла, Пселъ, Хоролъ, Сула, Супой, Трубежъ и проч.) и порослью лѣсовъ и болотъ при нихъ, а наиболѣе доступной—краевыя полосы, тянущіяся параллельно днѣпровской и десно-сейменской долинамъ.

3) Въ днѣпровскомъ лѣвобережьи, служившемъ объектомъ безчисленныхъ нападеній кочевниковъ съ востока, существовало два половецкихъ пути: одинъ шелъ мимо верховьевъ рѣкъ Ворсклы, Псла, Хорола, Сулы, Удая, Супоя и проч. и десно-сейменской долиной и направлялся къ Кіеву; другой — пересѣкалъ низовья рѣкъ Ворсклы, Псла, Сулы, Супоя, Трубежа и направлялся къ Переяславлю. Главнымъ половецкимъ путемъ, наиболѣе для нихъ удобнымъ и важнымъ, былъ путь черезъ низовья означенныхъ рѣкъ. Этимъ путемъ половцы какъ проникали въ Русь, такъ и возвращались изъ послѣдней. Большинство походовъ рускихъ въ степи совершалось по вышеназванному пути.

4) Близость лѣвобережья къ степямъ заставляла правителей рус-

ской земли рано обращать вниманіе на эту область и выдвигать впередъ, въ степи, свои границы и сторожевыя линіи.

5) Крайней границей русской земли съ юго-востока была рѣка Ворскла, защищенная чащей лѣсовъ въ своей верхней и средней частяхъ и рядомъ городищъ въ южной.

6) На пути половецкихъ вторженій, русскіе поселяли, съ цѣлью защиты страны, инородческія племена, выходцевъ изъ степей, и строили крѣпости. Наиболѣе значительный контингентъ выходцевъ изъ степей доставляли торки, тѣснимые половцами.

7) Въ Переяславльской землѣ было два центра инородческихъ поселеній: первый находился на верховьяхъ рѣкъ Остра, Удая, Ромна, Супоя и проч.; второй — въ районѣ днѣпровской долины и примыкавшихъ къ ней равнинныхъ, покрытыхъ степями плато, въ предѣлахъ, отъ низовьевъ рѣки Трубежа къ рѣкѣ Сулѣ и отъ послѣдней къ югу до рѣки Ворсклы. Наиболѣе удобный и плотно заселенный кочевниками участокъ представляла полоса отъ низовьевъ рѣки Трубежа до рѣки Сулы. Другіе выходцы изъ степей—берендѣи, турпѣи и проч., поселялись, въ послѣдовательномъ порядкѣ, въ мѣстахъ къ югу отъ низовьевъ рѣки Сулы до рѣки Ворсклы.

8) Инородческія поселенія въ предѣлахъ между низовьями рѣки Сулы и Ворсклой, находясь въ опасной, подверженной частымъ нападеніямъ съ востока мѣстности, не отличались прочной привязанностью къ русскимъ и весьма часто дѣйствовали вопреки интересамъ послѣднихъ, сообщая половцамъ всѣ, болѣе или менѣе важныя, выдающіяся свѣдѣнія какъ по части политической, такъ и по части военной.

9) Быстрая передача въ степи свѣдѣній о событіяхъ въ русской землѣ свидѣтельствуетъ о непрерывности, вплоть до самыхъ степей, населенія, хотя бы отчасти и полукочевого, въ предѣлахъ юго-восточной Руси. Неоднократные крупные походы русскихъ въ степи черезъ указанную мѣстность, походы въ сопровожденіи многочисленнаго, иногда смѣнявшагося на пути обоза, также подтверждаютъ высказанное нами на этотъ счетъ положеніе.

10) За рѣкой Ворсклой, между нижнимъ теченіемъ послѣдней и рѣкою Орелью, кочевали родственныя торкамъ и половцамъ племена, которыя, придвинувшись къ границамъ Руси, подъ вліяніемъ разнаго рода условій, то переходили на сторону русскихъ, то тяготѣли къ степнякамъ.

11) Основное ядро инородческихъ, главнымъ образомъ, тюркскаго корня, поселеній въ южной Руси находилось въ приднѣпровской до-

линѣ и прилегающихъ къ послѣдней мѣстахъ, соотвѣтствующихъ искомымъ вышеназванными переселенцами условіямъ жизни.

12) Подъ вліяніемъ безпрерывнаго напора съ востока замѣчается постепенное отступленіе приходившихъ въ русскіе предѣлы и поселявшихся главнымъ образомъ на прилегавшихъ къ Днѣпру равнинахъ кочевниковъ все дальше въ глубь русской земли, и переходъ ихъ на правую сторону Днѣпра, въ область р. Роси, защищенную съ востока р. Днѣпромъ и воинственными обитателями его побережій, а съ юга— чащами густыхъ лѣсовъ и линіей рѣкъ и болотъ.

13) Сходство условій жизни на предстепной окраинной территоріи южной Руси, какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонахъ Днѣпра, было причиной одинаковыхъ пріемовъ, практиковавшихся относительно охраны указанныхъ мѣстъ, и живой связью между пограничными полосами правой и лѣвой сторонъ Днѣпра служили степные выходцы, которые, изъ опасенія мести со стороны половцевъ, зачастую переводятся съ лѣвой стороны Днѣпра на степное пограничье правой стороны указанной рѣки.

14) Въ виду связей степныхъ поселенцевъ восточной и западной окраинъ южной Руси съ приднѣпровской долиной, главный узелъ кочевническихъ поселеній находился на непосредственно примыкавшей къ Днѣпру равнинной территоріи, и сюда-то и направляютъ свои набѣги половцы, и здѣсь-то происходитъ между Русью и кочевниками сеймы, переговоры и договоры.

15) Мѣстоположеніе пунктовъ, избиравшихся для переговоровъ съ степняками, можетъ служить прекраснымъ показателемъ той высоты политическаго уровня южной Руси, какой имѣла эта страна сравнительно со степью въ то или другое время; при превосходствѣ одной стороны надъ другой, мѣсто, избиравшееся для переговоровъ, имѣло большое значеніе: въ періодъ перевѣса Руси надъ степью переговоры устраивались на пограничьи съ послѣдней; въ періодъ упадка — въ глубинѣ русской земли.

16) Походы русскихъ въ степи велись, главнымъ образомъ, не въ силу тѣхъ или иныхъ желаній или отваги лицъ княжеской семьи, а въ силу давней, путемъ долгаго опыта сознанной народомъ необходимости активныхъ дѣйствій противъ степняковъ.

17) Кардинальными пунктами военныхъ операцій русскихъ въ степи были: или занятая кочевниками область рр. Орели и Самары, или же побережья С. Донца и его притоковъ. Здѣсь находилось два поло-

вецкихъ центра: одинъ на Подоньи, а другой—въ области рр. Орели и Самары.

18) Походами въ степи достигалась двоякая цѣль: съ одной стороны, русскіе получали прямую выгоду отъ той добычи, какая доставалась имъ отъ кочевниковъ, въ видѣ разнаго рода ихъ пожитковъ, скота, невольниковъ и проч.; а, съ другой,—эти походы способствовали выдѣленію изъ степей недовольныхъ подчиненной жизнью элементовъ, уходившихъ въ Русь и поселявшихся на ея защитныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, эти походы, помимо прямой поддержки находившагося въ пограничныхъ укрѣпленныхъ пунктахъ русскаго населенія, оказывали весьма сильное вліяніе и на поселявшихся близъ порубежной полосы выходцевъ изъ степей, способствуя укрѣпленію среди нихъ вѣры въ русскую мощь и превосходство русской культуры.

19) Подъ конецъ удѣльнаго періода замѣчается стремленіе продвинуть защитную, порубежную со степями полосу правой стороны Днѣпра значительно южнѣе р. Роси, въ намѣреніи выровнять ее съ такой же защитной линіей на днѣпровскомъ лѣвобережьи: того требовали условія торгово-промышленной и политической южной жизни Руси.

20) Главный нервъ торгово-промышленной и политической жизни южной Руси въ удѣльный періодъ находился, въ силу географическихъ, топографическихъ и историческихъ условій, въ районѣ близко примыкавшей къ Днѣпру территоріи и выдвинутыя съ обѣихъ сторонъ Днѣпра въ степи защитныя боевыя линіи имѣли цѣлью главнымъ образомъ охраненіе, какъ этой приднѣпровской полосы, такъ и прилегающей къ ней территоріи, заключавшей въ себѣ важные торгово-промышленные и военные пути русской земли. Усиленный, въ теченіе значительнаго періода времени, напоръ на означенную территорію разнаго рода кочевниковъ—печенѣговъ, торковъ, половцевъ и проч.—говоритъ о важномъ значеніи ея въ то время.

21) Установленіе болѣе или менѣе мирныхъ отношеній руси съ кочевниками—черными клобуками и половцами—способствовало передвиженію центра тяжести, узла военно-политической жизни южной Руси, на пограничье съ землей половецкой, и татарское нашествіе сначала 1224, а затѣмъ 1240 годовъ имѣло цѣлью разрушить этотъ узелъ или же, по крайней мѣрѣ, ослабить одну изъ его сторонъ, еще не успѣвшихъ прочно сростись другъ съ другомъ, и тѣмъ облегчить себѣ путь къ обладанію южной Русью. Татарскій погромъ русскаго войска въ 1224 году является какъ бы первой половиной того строго обдуманнаго плана, какой былъ выработанъ монголами относительно

покоренія южной Руси и затѣмъ былъ послѣдовательно приведенъ ими въ исполненіе.

Походы Витовта въ степи, на татаръ, равно какъ и походы его предшественниковъ, являются не отдѣльно стоящими событіями, вызванными личной волей того или иного лица, стоявшаго во главѣ государства, а послѣдовательными, имѣвшими тѣсную между собой связь, звеньями той цѣпи аналогичныхъ предпріятій, которыя, какъ мы видѣли, практиковались южной русью въ теченіе значительнаго промежутка времени и раньше. Витовтовы походы—это органическое наслѣдіе предыдущей жизни русской земли. Принимая во вниманіе вышесказанное, можно полагать, что Витовтовъ походъ на татаръ, въ 1399 году, былъ совершенъ по тому же маршруту, по той же дорогѣ, какой обыкновенно держались во время походовъ въ степи русскіе въ предыдущее время. Чтобы высказанное нами положеніе не показалось маловѣроятнымъ, необходимо замѣтить, что, въ силу историческихъ условій жизни того времени, медленно измѣнявшихъ выработанныя вѣками основы историческаго уклада страны, южная Русь, особенно ея предстепная окраина, мало подвергалась какимъ-либо крупнымъ, кореннымъ измѣненіямъ своего общественно-бытового строя. Слѣдовательно, разсмотрѣніе военныхъ предпріятій въ означенное время должно быть произведено въ сопоставленіи съ рядомъ предшествовавшихъ событій такого же характера.

Насколько можно выяснить по имѣющимся у насъ даннымъ, крупныя военныя столкновенія съ кочевниками на юго-востокѣ Руси происходили, главнымъ образомъ, на пограничьи со степями, или же въ той мѣстности, которая представляла наиболѣе удобныя для прохода въ населенныя мѣста условія. Являясь наиболѣе опасной и тревожной мѣстностью, юго-восточная Русь защищалась или нарочно устроенными для того, въ удобныхъ мѣстахъ, городками, засѣками, валами и пр., или же группами выходившихъ изъ степей кочевниковъ, поселявшихся преимущественно въ удобныхъ для быстрыхъ переходовъ мѣстахъ, на пути кочевническихъ вторженій въ русскія земли. Извѣстно, что въ лѣвобережномъ Приднѣпровьи, въ древній періодъ времени, существовало два пути, по которымъ совершали свои набѣги половцы. Первый путь пролегалъ по водораздѣлу между верховьями рр. Сулы, Удая, Псла, Ворсклы, съ одной стороны, и десно-сейменской долиной, съ другой. Второй, болѣе удобный, по своей краткости и отсутствію серьезныхъ естественныхъ преградъ, путь пролегалъ черезъ низовья

рр. Ворсклы, Псла, Сулы, Супоя и проч. и составлялъ обычную, излюбленную кочевниками дорогу для нападеній на Русскую землю.

Насколько часто и долго производились указаннымъ путемъ кочевническія нападенія на Русскую землю, видно изъ того, что онъ даже получилъ названіе *„злодѣйскаго“* и съ успѣхомъ утилизировался, помимо указанныхъ кочевниковъ, еще и татарами въ теченіе значительнаго періода времени. Для подтвержденія всего вышесказаннаго вспомнимъ относящіеся сюда болѣе или менѣе крупные факты изъ удѣльно-вѣчевого времени.

Уже на зарѣ русской исторіи кочевники нападаютъ на русь по пути, пролегавшему черезъ низовья вышеуказанныхъ рѣкъ. Во времена Владиміра св. мы видимъ ихъ подъ Переяславлемъ и на нижней Сулѣ, и для защиты этихъ земель предпринимались серьезныя мѣры. Для отраженія безпрерывныхъ набѣговъ кочевниковъ съ востока Ярославъ выдѣляетъ Переяславль въ особый удѣлъ и поручаетъ послѣдній Всеволоду, который вырабатываетъ цѣлесообразный планъ защиты страны отъ враговъ и поручаетъ его выполненіе своему энергичному сыну, Владиміру Мономаху. Въ періодъ правленія послѣдняго Переяславлемъ половцы неоднократно совершаютъ нападенія указаннымъ южнымъ путемъ, о чемъ сохранились живыя извѣстія въ лѣтописи.

И въ другія времена, насколько видно изъ имѣющихся у насъ данныхъ, походы въ степи совершались по линіи указаннаго пути, напримѣръ, походы 1150, 1183, 1187, 1215 гг. и проч. Наконецъ, походъ соединенныхъ силъ русскихъ князей противъ татаръ, въ 1224 г., также совершался отчасти по указанному пути. Если принять затѣмъ во вниманіе, что прилегавшая къ Днѣпру равнинная территорія, въ силу своего географическаго положенія и стратегическихъ особенностей, играла видную роль въ древній періодъ русской жизни, представляя убѣжище для уходившихъ изъ степей кочевниковъ, которые отсюда разселялись уже и дальше, главнымъ образомъ, въ болѣе или менѣе защитныя мѣста днѣпровскаго правобережья, и что по ней проходили крупные военно-торговые пути на востокъ и на югъ, то намъ станетъ понятнымъ громадное значеніе указанной территоріи въ удѣльно-вѣчевое время: здѣсь находился узелъ общественно-политическихъ сношеній руси со степняками. Сюда-то и обращаютъ вниманіе энергичные правители Русской земли, стараясь цѣлесообразными мѣрами поддержать тѣ условія и тотъ строй, какіе соотвѣтствовали и нуждамъ данной мѣстности, и интересамъ Руси.

Переходъ южной Руси подъ власть Литвы не могъ, конечно, серьезно повліять на ея искони выработанныя условія жизни, которыя остаются въ прежней силѣ, и новые правители ея продолжаютъ политику прежняго времени, особенно по части военной, касающейся, главнымъ образомъ, охраны пограничныхъ со степью земель. И при литовскихъ князьяхъ, начиная отъ Гедимина и Ольгерда, мы видимъ заботы, направленныя на защиту порубежныхъ, окраинныхъ со степью границъ южной Руси. Вслѣдствіе этого, возобновляются,—а, гдѣ надо, и вновь строятся,—укрѣпленныя линіи, при чемъ, наряду со способомъ охраны при помощи постоянныхъ, болѣе или менѣе солидныхъ укрѣпленій, практикуется защита и помощью выходившихъ изъ степей кочевниковъ, поселяемыхъ обыкновенно въ опасныхъ, но очень важныхъ для южной Руси мѣстахъ. Во время Витовта видны тѣ же заботы и тѣ же пріемы относительно указаннаго вопроса, что и раньше, при чемъ на правой сторонѣ Днѣпра, въ Кіевской землѣ, былъ намѣченъ планъ укрѣпленія южныхъ границъ по линіи: Черкасы, Звенигородъ, Каменецъ, Бакота и проч.

Необходимо замѣтить, что и Витовтъ, подобно своимъ предшественникамъ, старался возможно лучше обставить свои южныя границы со степью, для чего и поселяетъ здѣсь выходившихъ изъ степей кочевниковъ. Такъ, незадолго до похода 1399 года, къ Витовту въ Кіевъ явился, какъ извѣстно, ханъ Тохтамышъ, который былъ ласково принятъ литовскимъ княземъ и, подобно другимъ татарскимъ выходцамъ, получилъ для поселенія вышедшихъ съ нимъ татаръ участокъ земли въ Кіевской области. Этотъ участокъ земли находился, повидимому, на пограничныхъ со степью Кіевскихъ окраинахъ [1]). Что Витовтъ былъ очень заинтересованъ южной, пограничной со степью полосой Кіевской земли, видно изъ его плановъ и дѣйствій въ указанный періодъ времени. Такъ, посадивъ въ Кіевѣ княземъ Скиргайла, Витовтъ велѣлъ ему *идти на Черкасы* и на *Звенигородъ* (на р. Синюхѣ) *и взять ихъ*. Скиргайло удачно выполнилъ возложенное на

---

[1]) „Того же (1398) лѣта пріиде нѣкоторый царь, именемъ Темиръ-Кутлуй, и прогна царя Тактамыша, и сѣде въ ордѣ и въ Сараи на царствѣ; а Тахтамышъ съслася съ Витофтомъ, и бѣжа изъ Орды въ Кіевъ и съ царицами да два сына съ нимъ". Воскр. лѣтоп., стр. 71. См. также Карамзина, т. V, гл. II, стр. 95. Проф. В. Б. Антоновичъ говоритъ, что Витовтъ распредѣлялъ попадавшихъ къ нему татаръ по разнымъ областямъ литовскаго государства. Въ Кіевской области онъ селилъ ихъ *около Черкасъ и Канева и по р. Роси*, въ Волынской — около г. Острога и пр. См. лекціи проф. В. Б. Антоновича по исторіи Литвы, стр. 279.

него порученіе: онъ взялъ Черкасы и Звенигородъ и возвратился въ Кіевъ [1]). Слѣдовательно, Черкасы и область близъ Синихъ-Водъ были очень интересны для кіевскаго князя. А насколько были важны эти пограничныя со степями земли, видно изъ слѣдующаго. Послѣ нашествія Батыя въ Подоліи утвердились татары, занявшіе пустовавшія дотолѣ земли на пограничьи со степью. Во время Гедимина указанные татары продолжаютъ владѣть пограничной со степью подольской окраиной; но такое сосѣдство было не совсѣмъ удобно и пріятно литовскому князю, и потому уже Ольгердъ вступаетъ въ борьбу съ подольскими татарами: онъ разбиваетъ на р. Синія-Воды татарскія полчища, бывшія подъ начальствомъ трехъ братьевъ: Кочубея, Котлубега и Димитрія [2]). Отвоевавъ Подолію отъ татаръ, Ольгердъ отдаетъ ее сыновьямъ князя Коріата, которые старались заселить полученную ими страну и выстроили въ ней нѣсколько укрѣпленныхъ замковъ и городовъ. Витовтъ идетъ въ этомъ дѣлѣ по тому же пути, съ той только разницей, что планы его являются въ нѣсколько большемъ масштабѣ, сравнительно съ его предшественниками. Онъ подчиняетъ Подолію своей власти, выгоняетъ изъ нея наслѣдника Коріатовичей, Феодора, продаетъ половину подольскихъ земель Польшѣ, но затѣмъ выкупаетъ ее назадъ и сохраняетъ за собой до самой смерти. Въ періодъ владѣнія этой землей Коріатовичами, татары владѣли еще частью Подоліи. Здѣсь-то, близъ тѣхъ мѣстъ, которыя принадлежали еще татарамъ и близъ которыхъ произошелъ вышеупомянутый бой Ольгерда, и были, по всей вѣроятности, отведены мѣста для поселеній пришедшимъ подъ начальствомъ Тохтамыша татарамъ: степная, защищенная лѣсами мѣстность близъ р. Синія-Воды (нынѣ р. Синюха, притокъ ю. Буга), представляла всѣ удобства для выходцевъ изъ степей; съ другой стороны, поселить военный элементъ на такъ называемомъ Черномъ-Шляху, на торной дорогѣ изъ южныхъ степей въ Кіевскіе предѣлы, и при томъ вблизи тѣхъ мѣстъ, которыя были недавно завоеваны (Звенигородъ), было очень на руку Витовту. Заботясь о цѣлесообразной защитѣ своихъ южныхъ предѣловъ, Витовтъ, повидимому, задался мыслью устроить сплошную укрѣпленную линію на пограничьи со степями, начиная отъ Подоліи и кончая Днѣпромъ. Съ этой цѣлью онъ сначала завоевываетъ всю Подолію, затѣмъ—земли, лежавшія далѣе къ востоку,—Звенигородъ и Черкасы. А чтобы еще лучше обставить эти

[1]) Danilowicz, Liat. Litwy, p. 46.
[2]) Danilowicz, op. cit., p. 49.

пограничныя земли, Витовтъ выдѣляетъ часть Подолья съ укрѣпленными замками Каменцемъ, Смотричемъ, Скалой, Черленымъ-градомъ и Бакотой, и отдаетъ ее нѣкоему Шпитку (Spitko), съ обязательствомъ защищать ее отъ степняковъ и держать подъ рукой вооруженную силу. Такъ какъ между Подоліей и укрѣпленными пунктами, расположенными ближе къ Днѣпру, находились пространства, не занятыя крѣпостями, то чтобы включить ихъ въ систему защитной линіи, необходимо было помѣстить на нихъ живой оплотъ, какимъ обыкновенно являлись выходившіе изъ степей кочевники. Поэтому можно полагать, что татары Тохтамыша получили земли близъ р. Синія-Воды, въ мѣстности извѣстной уже пребываніемъ здѣсь татаръ со временъ Ольгерда. Такимъ образомъ, на правой сторонѣ Днѣпра образуется защитная со стороны степей полоса земли, охраняемая частью укрѣпленными замками, частью лѣсами, расположенными между Звенигородомъ и Черкасами, а частью—вышедшими изъ степей кочевниками [1]).

---

[1]) Получивъ въ свои руки юго-западную Русь, Витовтъ старается обезопасить свои южныя границы поселеніемъ на нихъ татарскихъ выходцевъ изъ Орды. Сначала идетъ заселеніе порубежныхъ со степью земель на правой сторонѣ Днѣпра, а затѣмъ уже и на лѣвой. Районъ татарскихъ поселеній на правой сторонѣ Днѣпра касался, какъ извѣстно, тѣхъ мѣстъ, которыя заселялись степняками и въ предыдущее время. Особенное вниманіе было обращено Витовтомъ на слабые пункты по р. Ю. Бугу и на мѣста къ востоку отъ означенной рѣки къ Днѣпру. Но такое привлеченіе татарскихъ поселенцевъ въ Русь очень не нравилось главной Кипчакской Ордѣ, которая старается всячески помѣшать этому. Отсюда — рядъ татарскихъ набѣговъ на правую сторону Днѣпра,—на Кіевскую, Подольскую и Волынскую земли. Особенно ожесточалась Кипчакская Орда, если изъ ея предѣловъ уходила въ Русь какая-либо крупная, имѣвшая значеніе въ татарскомъ мірѣ, личность. Такъ, вскорѣ послѣ ухода Тохтамыша въ кіевскіе предѣлы, кипчакскіе татары дѣлаютъ страшное опустошеніе Кіевской земли (Script. rerum Prussic., III, стр. 223 — 6. Сообщ. Ioh. Posilge. См. также буллу папы Бонифація IX, выдан. краков. еписк. въ 1399 г. для пропов. похода на татаръ. Theiner. Vet. Mon Pol. et Lith., I, 769 и слѣд.). Отвѣтомъ на это и былъ походъ Витовта на татаръ въ 1398 г., при чемъ изъ Орды было выведено нѣсколько тысячъ татарскихъ выходцевъ и поселено въ кіевскихъ предѣлахъ, гдѣ они такъ освоились со своими новыми владѣльцами, что составили особое татарское войско и оказывали такое вліяніе на Витовта, что, по сообщеніямъ современниковъ, его дворъ носилъ яркій отпечатокъ татарскаго вліянія. Вскорѣ въ Кіевъ прибыло еще нѣсколько татарскихъ выходцевъ. Такъ, въ 1408 году два сына Тохтамыша, вмѣстѣ со своими единомышленниками, явились къ Витовту, въ Кіевъ, а затѣмъ посѣтили великаго князя въ Трокахъ (См. Codex epist. Vitoldi, № 393, 414, 437). Такимъ образомъ, Витовту мало по малу удалось привлечь въ свои владѣнія значительныя татарскія силы (См. Молчановскій. Очеркъ изв. о Подол. землѣ, стр. 289). Золотая Орда не могла, конечно, равнодушно смотрѣть на все это и, при удобномъ

Кромѣ правобережья, Витовтъ обращалъ также вниманіе и на лѣвую, порубежную со степью сторону Днѣпра, имѣвшую очень важное значеніе по своей тѣсной связи съ правобережными укрѣпленными линіями. Р. Ворскла играла въ этомъ случаѣ очень большую роль. Представляя своимъ возвышеннымъ правобережьемъ прекрасныя тактическія удобства, р. Ворскла отлично защищала уходившихъ сюда выходцевъ изъ степей и, подъ ея покровомъ, какъ это мы видѣли и раньше, эти выходцы или осаживались гдѣ-либо вблизи означенной рѣки, или же уходили далѣе, въ глубь Русской земли, перебираясь зачастую за Днѣпръ, въ кіевскіе предѣлы [1]). Обыкновенно переправа на правую сторону р. Днѣпра происходила или близъ устья р. Ворсклы,— отчего и возникъ здѣсь одинъ изъ весьма важныхъ и давнихъ пунктовъ переправъ—Переволочна,—или же гдѣ либо выше послѣдняго, напр., близъ Кременчуга и проч. Мы выяснили уже раньше, что мѣстность по Днѣпру, ниже впаденія въ послѣдній р. Псла, представляла весьма много удобныхъ переправъ черезъ Днѣпръ и бродовъ, которыми обыкновенно пользовались и торговые караваны, и степняки при своемъ движеніи въ предѣлы Кіевской земли. Такимъ образомъ, въ означенной мѣстности находился очень важный стратегическій пунктъ, можно сказать узелъ путей, какъ водныхъ, такъ и сухопутныхъ, сходящихся и перекрещивающихся другъ съ другомъ. Здѣсь-то и находилась та тропа или тотъ путь, какимъ обыкновенно шествовали разнаго рода кочевники изъ одного берега р. Днѣпра на другой. Но для того, чтобы попасть съ лѣвой стороны Днѣпра на правую сторону послѣдняго и очутиться близъ порубежной со степями защитной линіи правобережья, необходимо было форсировать р. Ворсклу, прикрывавшую собой всѣ лучшія переправы. Р. Ворскла, какъ извѣстно, служила прекрасной

случаѣ, старалась помѣшать планамъ Витовта: золотоордынскіе татары начинаютъ теперь нападать на тѣ русскія земли, которыя служили убѣжищемъ для татарскихъ выходцевъ. Такъ, въ началѣ XV вѣка Подолье страшно пострадало отъ татарскихъ набѣговъ, во время которыхъ было разрушено много крѣпкихъ замковъ на пограничной со степями полосѣ и въ томъ числѣ крѣпость Синія-Воды (См. Codex epist. Vitoldi, № 683 и 447). Но татарскіе выходцы продолжали приливать въ Кіевщину. Особенно много явилось ихъ въ 1427 году, когда подъ вліяніемъ сильныхъ междоусобій въ Золотой Ордѣ огромныя массы татаръ со всѣмъ своимъ имуществомъ появились въ Кіевщинѣ, на побережьи Чернаго моря и на Подольи (Codex epist. Vitoldi, № 1270 и 1329).

[1]) Крупное м. Келеберда, лежащее нѣсколько ниже гор. Кременчуга, по всей вѣроятности, получило свое названіе отъ поселеній татаръ, пришедшихъ подъ начальствомъ Тохтамышева сына, Керимберди, нашедшаго убѣжище у кн. Витовта.

защитой Русской земли съ юго-востока и являлась солидной ея базой во время походовъ въ степь. Поэтому, принявъ въ свои предѣлы Тохтамыша и зная, что вслѣдъ затѣмъ надо будетъ ожидать вскорѣ нападенія со стороны Темиръ-Кутлука, преслѣдовавшаго Тохтамыша, Витовтъ рѣшаетъ оказать отпоръ неукротимому азіатскому завоевателю вблизи вышеназванной рѣки. Считая, что съ приходомъ татаръ Тохтамыша военныя силы Литвы значительно возрасли, Витовтъ составилъ обширный завоевательный планъ, первая часть котораго состояла въ уничтоженіи степного противника, Тимура, являвшагося сильной грозой съ востока. Сборнымъ пунктомъ для подходившихъ войскъ былъ назначенъ Кіевъ, къ которому въ теченіе цѣлаго мѣсяца прибывали войска. Въ обширномъ ополченіи Витовта, собранномъ для похода въ степи, кромѣ войскъ литовскихъ, принимали участіе также нѣмцы, поляки, жмудины, валахи, жители порубежныхъ со степями окраинъ и, наконецъ,—татары. Послѣдніе послѣ прихода Тохтамыша составляли значительную часть витовтова войска [1]) и находились въ моментъ объявленія похода на правой сторонѣ Днѣпра, на ближайшей къ степнымъ окраинамъ полосѣ.

Въ виду обычной тактики монголовъ, состоявшей въ систематическихъ, осторожныхъ предварительныхъ развѣдкахъ и затѣмъ—быстрыхъ и неожиданныхъ нападеніяхъ на сильныя, но малоподготовленныя части противника, чтобы сломить ихъ, прежде чѣмъ онѣ успѣютъ слиться въ одно цѣлое, или же по крайней мѣрѣ ошеломить на первыхъ порахъ врага и тѣмъ облегчить нанесеніе удара на остальныя части,—можно полагать, что планъ Темиръ-Кутлука состоялъ въ быстромъ нападеніи на расположенныя на правой сторонѣ Днѣпра татарскія полчища и сокрушеніи ихъ, прежде чѣмъ они успѣютъ соединиться съ остальными литовскими силами. Поэтому, узнавъ о дви-

[1]) „Князь Витофтъ Кестутьевичъ Литовскій, събравъ воя многи, съ нимъ же бѣ царь Тахтамышъ съ своимъ дворомъ, а съ Витофтомъ литва, нѣмцы, ляхи, жемоть, татарове, валахи, подоляне, единыхъ князей съ нимъ бѣ 50 числомъ, и бысть сила ратныхъ велика зѣло; и съ всѣми (сими) плъки и съ многочисленными ратми оплъчився, поиде на царя Темиръ-Кутлуя и на всю его силу Татарскую. Похвалився глаголяше бо Витофтъ: „поидемъ и побѣдимъ царя Темиръ-Кутлуя, вземъ царство его, посадимъ на немъ царя Тахтамыша, а самъ сяду на Москвѣ, на великомъ княженіи, на всей Руской земли“. Преже бо того совѣщашася Витофтъ съ Тахтамышемъ, глаголя: „азъ тя посажю въ Ордѣ на царствѣ, а ты мене посади на Москвѣ, на великомъ княженіи, на всей Руской земли“; и на томъ поидоша на царя Темиръ-Кутлуя. А царь Темиръ-Кутлуй въ то время приспѣ съ многими своими плъки ратными, и съ князьями своими ординьскими и съ всею силою татарскою“... Воскрес. лѣтоп., стр. 72.

женіи къ русскимъ предѣламъ Темиръ-Кутлука и предугадывая, что послѣдній долженъ былъ перейти ихъ въ томъ мѣстѣ, откуда бы можно было двинуться на правую сторону Днѣпра, Витовтъ рѣшилъ не допустить противника до выполненія своего плана и двинулся на встрѣчу ему.

Извѣстно, что въ походѣ 1399 года противъ татаръ принимали участіе не только тѣ войска, которыя находились подъ командой Витовта и сподручныхъ ему князей, но также и тѣ войска, которыя были расположены на южно-русскомъ степномъ пограничьи и состояли частью изъ русскихъ силъ, частью—изъ татарскихъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо замѣтить, что въ указанномъ походѣ принималъ участіе и даже погибъ въ немъ извѣстный уже намъ Шпитько (Spitko), державшій часть Подолья, и затѣмъ—значительное количество татаръ, которые пришли съ Тохтамышемъ въ русскіе предѣлы [1]). Планъ Витовта состоялъ въ томъ, чтобы, сконцентрировавъ въ своихъ рукахъ крупную армію, ударить всей силой на врага и сломить его. Витовтъ, какъ извѣстно, успѣлъ выполнить первую часть своего плана, а именно—соединеніе армій въ одно цѣлое.

Собираясь въ походъ, Витовтъ назначилъ Кіевъ сборнымъ пунктомъ, откуда уже войска должны были выступать въ степи. Но въ Кіевъ, очевидно, собрались не всѣ войска, а только тѣ, которымъ было удобно и попутно заходить въ него; тѣ же военныя силы, которыя имѣли возможность пристать къ кіевскому ополченію по пути, естественно, и не приходили въ Кіевъ, считая это и затруднительнымъ, и напраснымъ, и совершенно несогласнымъ съ боевыми задачами, требующими цѣлесообразныхъ и отвѣчающихъ даннымъ условіямъ мѣста и времени дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы татары Тохтамыша шли сначала въ Кіевъ, а затѣмъ уже изъ послѣдняго выступили, вмѣстѣ со всѣми другими войсками, на лѣвую сторону Днѣпра, по которой, какъ извѣстно, двигался главный контингентъ витовто-

---

[1]) „Alexander Magnus Lithuaniae Dux... ratus grandem et fortem se, et ad quemlibet cum Thataris conflictum suffecturum exercitum congessisse, in regiones Thartarorum processit, habens ex Polonis, Almannis, Lithuanis, Ruthenis plures expeditas legiones, expeditosque milites. Nam et Spithko de Melsthin palatinus Cracoviensis cum insigni terrae Podoliae exercitu, Sandivogius de Ostrorog, Dobrogostius de Schamotuli, Johannes Glowacz de Łączenicze Masivae Palatinus, Hannusz de Dambrowa, cum pulcherrima militia ex Polonis advenerant. Erat praeterea in comitatu Ducis Magni Lithuaniae Alexandri Thartaricus Caesar Tactamisz, quem plura milia Thartarorum sequebantur". Dlugosz, lib. X, p. 526—529.

выхъ войскъ. Врядъ-ли это было бы возможно: такое движеніе прежде всего было бы неудобно для другихъ войскъ, стѣсняя ихъ во время пути, и крайне невыгодно для самихъ союзныхъ татаръ, заставляя ихъ совершать столь длинный и не вполнѣ легкій переходъ въ Кіевъ и обратно; подобнаго рода маршруты, требуя значительной затраты силъ, были бы, прежде всего, утомительны, и не только безцѣльны и безполезны, но прямо вредны для союзныхъ войскъ: въ общей успѣшности похода, какъ извѣстно, весьма большое значеніе имѣютъ свѣжія силы, и не въ интересахъ общаго дѣла было понапрасно утруждать союзниковъ лишними переходами. Поэтому, можно полагать, что татары Тохтамыша и ближайшія къ нимъ русскія боевыя силы не ходили въ Кіевъ, а пристали къ кіевскому войску по пути, когда послѣднее двигалось по лѣвому берегу Днѣпра.

Подтвержденіе вышесказаннаго мы находимъ въ источникахъ. Такъ, передавая о движеніи Витовта въ степи, въ 1399 году, Длугошъ говоритъ: „Dum itaque fluviis Nyepr, Szinnia-Woda, Pszlo et Sula superatis, ad campestria... perventum fuisset“ [1]). Упоминаніе здѣсь о переходѣ черезъ р. Синія-Воды (Szinnia-Woda) указываетъ, что часть войскъ, сидѣвшихъ близъ означенной рѣки, двигалась на востокъ, къ Днѣпру, т. е. на соединеніе съ идущими уже по лѣвой сторонѣ Днѣпра русскими полками. Въ противномъ случаѣ, намъ было бы непонятно, почему, при упоминаніи о переходѣ черезъ лѣвобережныя днѣпровскія рѣки—Пселъ, Сулу и проч., поставлено имя рѣки Синія-Воды, отстоящей отъ нихъ на весьма значительное разстояніе и расположенной на правой сторонѣ Днѣпра. Слѣдовательно, зная, что близъ р. Синія-Воды находились и татарскія, вѣроятно, подъ начальствомъ Тохтамыша,—войска и русскія, подъ начальствомъ Шпитька, можно полагать, что они шли на соединеніе съ двигавшимися уже въ походѣ войсками Витовта прямой, кратчайшей и наиболѣе удобной дорогой, въ перпендикулярномъ къ Днѣпру направленіи.

Что касается Темиръ-Кутлука, то этотъ хитрый азіатъ несомнѣнно дѣйствовалъ крайне разсчетливо, осторожно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ,—рѣшительно и смѣло. Такъ какъ поводомъ къ открытію непріязненныхъ дѣйствій между Витовтомъ и Темиръ-Кутлукомъ былъ уходъ изъ степей Тохтамыша и поселеніе его орды въ предѣлахъ кіевской земли, то, конечно, Темиръ-Кутлукъ долженъ былъ прежде всего наказать Тохтамыша и возвратить назадъ ускользавшихъ изъ подъ его

[1]) Dlugosz, lib. X, p. 526—527.

власти татарскихъ выходцевъ въ Русь. Зная мѣстоположеніе кочевій татаръ Тохтамыша, Темиръ-Кутлукъ направился на нихъ кратчайшей дорогой изъ степей, но, достигши Днѣпра и не зная хорошенько всѣхъ условій данной минуты, кромѣ того, не имѣя въ сборѣ всѣхъ своихъ войскъ, онъ остановился въ выжидательномъ положеніи, выбравъ предварительно удобную для того мѣстность. По всей вѣроятности, Темиръ-Кутлукъ шелъ къ днѣпровскимъ бродамъ или переправамъ, т. е. въ ту мѣстность, которая, какъ мы видѣли раньше, изобиловала ими. Извѣстно, что р. Днѣпръ можно было удобно перейти или близъ Кременчуга, или же въ мѣстности, расположенной нѣсколько ниже его: здѣсь находились удобныя переправы, пользованье которыми широко практиковалось и въ послѣдующія времена [1]). Особенно удобной была переправа у м. Переволочной и Мишурина Рога [2]). Можно полагать поэтому, что планъ Темира состоялъ въ томъ, чтобы, незамѣтно пробравшись черезъ Днѣпръ, неожиданно зайти въ тылъ сидѣвшимъ на кіевскомъ пограничьи татарамъ и, разбивъ ихъ, двинуться уже отсюда на опустошеніе Кіевской земли.

Если мы припомнимъ при этомъ, что предстепная полоса на югѣ кіевской земли, по линіи Звенигородъ—Черкасы, была незадолго передъ этимъ силою оружія включена въ составъ кіевскихъ владѣній, то движеніе Темиръ-Кутлука въ направленіи къ указанной области имѣло большой смыслъ: несомнѣнно, что среди этихъ вновь присоединенныхъ къ Литвѣ областей можно было разсчитывать или найти серьезную поддержку, или же, по крайней мѣрѣ, слабый отпоръ. А дѣйствовать свободно въ глубинѣ страны, если это имѣлось въ виду, можно было, конечно, только въ томъ случаѣ, если бы пограничная со степями

---

[1]) См. Описаніе Украины Левассера де-Боплана и карты его.

[2]) „Мишуринская переправа,—говоритъ Д. И. Эварницкій—была изъ крѣпости Переволочной черезъ Днѣпръ къ крѣпости Мишуриному Рогу. О ней упоминаетъ Михаилъ Литвинъ въ XVI в. (переправа у Миссури). Эта переправа была пожалована запорожцамъ въ 1687 году, 12 сент., и уже въ 1690 году считалась у запорожцевъ *одной изъ главнѣйшихъ переправъ*; въ свое время она доставляла запорожцамъ 12.000 руб. ежегоднаго сбора. Въ 1695 г. гетманъ Мазепа, направляясь на турецкій городъ Кизикерменъ, добравшись до Днѣпра и простоявъ здѣсь, за неимѣніемъ дѣлъ, нѣсколько недѣль, переправился выше Переволочной противъ Мишуринаго Рога". *Эварницкій.* Вольности запорожскихъ казаковъ, стр. 253. Неподалеку отсюда находится другая очень важная перепрева возлѣ Романкова. О ней разсказываетъ Боплань такъ: „Здѣсь Днѣпръ течетъ свободно: острова не задерживаютъ его, и татары смѣло переправляются черезъ него въ этомъ мѣстѣ, не опасаясь засады, расположенной выше острова. *Боплань.* Опис. Украины, изд. 1832 г., стр. 24.

полоса, на значительномъ своемъ протяженіи, не представляла опасности или же угрозы для тыла наступающихъ. Зная всѣ эти условія и разсчитывая при случаѣ ими воспользоваться, Темиръ и шелъ къ намѣченной раньше цѣли. Само собою разумѣется, что и Витовтъ прекрасно зналъ какъ условія, такъ и характеръ расположеннаго на пограничьи со степями населенія и, конечно, не считалъ его вполнѣ надежнымъ элементомъ. Но оставить это порубежное населеніе на пограничьи, не использовавъ его во время похода, было бы не вполнѣ основательнымъ. Опытъ длиннаго ряда предыдущихъ лѣтъ, напротивъ, указывалъ, что необходимо было поставить этотъ пограничный полукочевой элементъ лицомъ къ лицу съ напиравшими съ востока монголами и тѣмъ поселить между ними вражду, а не союзъ. Этого, какъ видно, и стремился достигнуть Витовтъ, но условія битвы на Ворсклѣ были таковы, что онъ потерпѣлъ здѣсь крупную неудачу, происшедшую главнымъ образомъ отъ того, что тотъ элементъ (татары Тохтамыша), на который разсчитывалъ Витовтъ опереться, въ критическую минуту оказался ненадежнымъ и обусловилъ собой полный разгромъ литовскихъ войскъ. Такимъ образомъ, планъ Темира не пропалъ, а былъ исполненъ, но съ той только разницей, что разгромъ литовскихъ союзниковъ произошелъ не предварительно и не отдѣльно отъ всего войска, а совмѣстно съ нимъ, и не на правой сторонѣ Днѣпра, а на лѣвой; что же касается того, что сначала были разбиты силы союзниковъ литовскихъ, а затѣмъ уже и самихъ литовцевъ,—какъ это и было на Ворсклѣ въ 1399-мъ году,—то все это совершалось съ замѣчательной правильностью, съ полнымъ разсчетомъ и, повидимому, безъ отступленія отъ заранѣе намѣченнаго Темиромъ плана.

Чтобы выяснить болѣе или менѣе точно то мѣсто, гдѣ произошло столкновеніе Витовта съ татарами въ 1399 году, необходимо вспомнить какъ общую картину мѣстности, близъ которой совершилось указанное событіе, такъ и тѣ политическія условія и комбинаціи въ южной Руси, въ какихъ находилась послѣдняя, наканунѣ этого роковаго боя на берегахъ р. Ворсклы.

Если сравнить условія политическихъ комбинацій южно-русскаго предстепья въ концѣ XIV вѣка съ таковыми же условіями первой половины XIII вѣка, т. е. въ періодъ монгольскаго нашествія на Русь, то можно замѣтить между ними значительную долю сходства, особенно относительно комбинацій Руси съ выходившими изъ степей кочевыми союзниками.

Извѣстно, что во время перваго столкновенія русскихъ съ тата-

рами на р. Калкѣ, въ 1224 году, одной изъ довольно серьезныхъ побудительныхъ причинъ, заставившихъ русскихъ князей принять такое горячее участіе въ оказаніи помощи половцамъ и въ отраженіи монголовъ, было опасеніе, какъ бы эти новые враги не присоединили къ своему войску половцевъ и, тѣмъ усиливъ себя, не обратили бы ихъ противъ русскихъ. Слѣдовательно, страхъ оставить на произволъ судьбы своихъ полукочевыхъ союзниковъ и тѣмъ дать возможность противнику увеличить свои боевыя силы, включивъ въ число своихъ войскъ и половцевъ, заставилъ русскихъ мобилизировать противъ монголовъ чуть не всѣ свои земли. Провѣдавъ о врагахъ и узнавъ ихъ характеръ, русскіе сообразили, что это врагъ сильный, съ которымъ рано или поздно придется серьезно считаться. Въ виду этого, разсудивъ, что, вмѣсто того, чтобы предоставлять врагу иниціативу дѣйствій въ этомъ отношеніи, лучше всего взять ее въ свои руки, русскіе рѣшили вмѣшаться въ споръ между степняками и, заручившись половцами, выступаютъ противъ татаръ. Но разсчетъ русскихъ, какъ извѣстно, не оправдалъ ихъ надеждъ: та сила, ради которой собственно Русь была вовлечена въ столкновеніе съ татарами, оказалась не только не надежной, но даже вредной интересамъ Руси, и она-то именно и способствовала полному крушенію всего предпріятія противъ татаръ: въ самый разгаръ боя половцы не выдержали, смѣшались и побѣжали, увлекая и разстраивая по пути русскихъ и тѣмъ вызвали такое разстройство, а затѣмъ и панику среди русскихъ войскъ, что послѣдніе были наголову разбиты татарами. Такимъ образомъ, тотъ элементъ, который представлялъ опасность перехода подъ власть татаръ и которымъ русскіе хотѣли воспользоваться въ интересахъ общаго дѣла, сыгралъ отрицательную роль въ самый критическій моментъ.

Почти то же самое было въ южной Руси и наканунѣ столкновенія Витовта съ татарами въ концѣ XIV вѣка. Когда Тохтамышъ, послѣ неудачнаго конфликта съ Тамерланомъ, бѣжалъ со своими татарами въ Кіевскую Русь, Темиръ-Кутлукъ, ставшій преемникомъ Золотой Орды и питавшій замыслы относительно русскихъ земель, отправилъ къ Витовту посла съ просьбой—выдать ему Тотхамыша: „Выдай мнѣ бѣглаго Тохтамыша“,—говорилъ Витовту ханъ; „онъ мой врагъ; не могу быть спокойнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ живъ и пребываетъ у тебя.... ханъ Тохтамышъ чужой мнѣ, и врагъ мнѣ, и врагъ очень злой; выдай его мнѣ, а все, что съ нимъ,—можешь взять себѣ“. Витовтъ отказалъ, надѣясь съ помощью татаръ Тохтамыша спра-

виться съ противникомъ, но, какъ оказалось, онъ жестоко ошибся и потерпѣлъ крупную неудачу: тотъ элементъ, который вызывалъ опасеніе и ради сохраненія котораго въ союзѣ съ собой выступили русскіе противъ татаръ въ 1399 году, сыгралъ, какъ извѣстно, роковую роль и способствовалъ жестокому пораженію русскихъ. Такимъ образомъ, въ концѣ XIV столѣтія повторилось то же явленіе и съ тѣми же самыми результатами, какъ и слишкомъ полтора вѣка раньше.

Разсмотрѣніе положенія и условій жизни на южно-русскихъ Украинахъ въ концѣ XIV вѣка, наканунѣ грознаго движенія къ нимъ татарскихъ полчищъ Темиръ-Кутлука, имѣетъ еще и другое, не менѣе важное значеніе. Какъ раньше, разсмотрѣніе историческихъ условій жизни на юго-востокѣ Руси въ первую четверть XIII столѣтія привело насъ къ болѣе или менѣе правдоподобному выводу о причинахъ и мѣстѣ главнаго столкновенія Руси съ татарами и позволило намъ подойти къ рѣшенію вопроса о мѣстоположеніи калкскаго боя, такъ и теперь разсмотрѣніе вышеназванныхъ условій жизни на южно-русскихъ Украинахъ въ концѣ XIV вѣка даетъ намъ возможность выяснить болѣе или менѣе опредѣленно какъ направленіе и цѣли движенія Темиръ-Кутлука въ 1399 году, такъ и мѣстоположеніе знаменитаго боя Витовта съ татарами въ означенномъ году.

Выше нами сдѣланъ былъ краткій очеркъ такихъ отношеній на южно-русскомъ пограничьи въ концѣ XIV вѣка. Разсмотримъ теперь движенія обоихъ противниковъ—Витовта и Темира—и постараемся опредѣлить болѣе или менѣе точно какъ мѣсто ихъ столкновенія, такъ и условія, при какихъ оно произошло.

Движеніе Витовтовыхъ войскъ, какъ извѣстно, начавшись изъ Кіева, совершилось по лѣвой сторонѣ Днѣпра, черезъ рр. Сулу, Пселъ и проч., пока, наконецъ, не достигло р. Ворсклы. Судя по всему, союзныя войска двигались обычнымъ путемъ, по тому равнинному пространству, которое непосредственно примыкаетъ къ днѣпровской долинѣ и составляетъ удобный и прямой путь къ половецкимъ степямъ.

Извѣстно затѣмъ, что Витовтовы войска собирались въ теченіе лѣта, и выступленіе ихъ совершалось также лѣтомъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, а въ августѣ они уже были на берегахъ р. Ворсклы. Этотъ лѣтній походъ, повидимому, былъ не совсѣмъ обычнымъ по времени, такъ какъ походы въ степи обыкновенно предпринимались или весной, или же зимой, когда станутъ рѣки и болота и когда движеніе

черезъ нихъ не представляетъ такихъ затрудненій, какъ въ другія времена года; походъ же въ самый разгаръ лѣта вызывался, очевидно, какими-либо особенными условіями или соображеніями. Положимъ, желаніе дать возможность союзникамъ рано, до зимы, возвратиться домой могло играть въ этомъ дѣлѣ нѣкоторую роль, но оно, конечно, не могло служить главнымъ мотивомъ при выборѣ времени для похода. Можно думать, что здѣсь скорѣе играли роль другія, болѣе основательныя причины, а именно: или угрожающее движеніе татаръ изъ степей, требовавшее быстраго и серьезнаго отпора, или же желаніе предупредить враговъ и не допустить ихъ до выполненія своего плана. Весьма возможно, что организація лѣтняго похода была предпринята съ этой именно цѣлью—отраженія надвигавшейся изъ степей татарской орды. Въ виду того, что весной такого нападенія не произошло, а между тѣмъ разрывъ съ Темиромъ состоялся, можно было ожидать, что такое нападеніе произойдетъ ближайшей осенью, въ удобное для того время. Такъ какъ Темиръ шелъ наказывать Тохтамыша, то, очевидно, онъ разсчитывалъ захватить при этомъ и подчиненныхъ послѣднему татаръ; въ такомъ случаѣ спѣшное движеніе Темира къ границамъ Руси вполнѣ понятно: онъ разсчиталъ, что лучшее время для передвиженія какъ этого кочевого элемента, такъ и своихъ войскъ, также, по большей части, конныхъ, могло быть въ началѣ осени, когда выжженная лѣтомъ степь вновь роскошно покрывается травами. Кромѣ того, жаркое лѣтнее время было очень благопріятно для походовъ быстрыхъ, неожиданныхъ: рѣки въ это время сильно мельчали, обнаруживая удобные переходы и броды, особенно черезъ большія рѣки, такъ что переправа черезъ нихъ не представляла тогда такой трудности, какъ въ другое время [1]). Судя по всему, составивъ такой планъ, Темиръ хотѣлъ выиграть время и, переправившись на правый берегъ Днѣпра съ цѣлью захватить здѣсь Тохтамышевыхъ татаръ, быстро окончить походъ, чтобы до зимы возвратиться уже домой. Потому онъ такъ и спѣшитъ приблизиться къ границамъ Руси, чтобы здѣсь, осмотрѣвшись и разузнавши обо всемъ, предпринять затѣмъ дальнѣйшіе ходы.

---

[1]) Въ народныхъ русскихъ сказаніяхъ, собранныхъ Аѳанасьевымъ (т. II, стр. 272), о времени, когда татары имѣли обыкновеніе совершать свои набѣги, сказано: „Разъярился собака татаринъ (Мамай)... и писалъ свои ярлыки скорописчатые: «когда будетъ овесъ кудрявъ, баранъ мохнатъ, у коня подъ копытомъ трава и вода, втапоры Мамай безбожный будетъ со святой Русью воевать“—что напоминаетъ обычныя выраженія крымскихъ ханскихъ грамотъ XVI—XVII вв.

Предугадывая этотъ планъ, Витовтъ съ своей стороны также спѣшитъ собрать войска, чтобы во-время предупредить врага и не дать ему возможности достигнуть своей цѣли. Зная хорошо мѣстность и напередъ разсчитавъ, гдѣ можно будетъ встрѣтить враговъ, Витовтъ и направился имъ наперерѣзъ. Судя по дошедшимъ до насъ источникамъ, Витовтъ поспѣшилъ заранѣе достичь тѣхъ мѣстъ, которыя расположены сейчасъ же за рубежемъ Русской земли, откуда открывался широкій просторъ для наблюденій во всѣ стороны степей и откуда можно было издали слѣдить за движеніями непріятеля. Длугошъ сообщаетъ по этому поводу, что Витовтъ „ad campestria planitiem in singulas partes diffuse porrectam habentia, circa flumen Worzskla, quarta decima Augusti die, feria videlicet tertia post festum Beati Laurentii, perventum fuisset“ и т. д. [1]). Судя по всему, Витовтъ только достигъ порога той мѣстности, откуда можно было наблюдать за врагами; что же касается самаго центра описываемой мѣстности, игравшей, повидимому, такое важное значеніе въ стратегическомъ отношеніи, то онъ, по всей вѣроятности, находился въ области р. Орели, гдѣ дѣйствительно имѣются пункты, вполнѣ подходящіе къ передаваемымъ польскимъ писателемъ особенностямъ относительно доминированья извѣстныхъ участковъ земли по этой рѣкѣ надъ окружающей, разстилающейся на далекое пространство, плоской степной равниной [2]).

Между тѣмъ, Темиръ, знавшій, конечно, обо всѣхъ дѣйствіяхъ Витовта, такъ какъ онъ отправлялъ къ нему пословъ потолковать на счетъ соглашенія, подвигался впередъ медленно, осторожно. Узнавъ, что Витовтъ уже на Ворсклѣ и въ довольно крѣпкой позиціи, Темиръ рѣшаетъ сначала нѣсколько задержать, а затѣмъ выманить Витовта въ чистое поле и здѣсь поразить его. Остановившись въ удобномъ стратегическомъ пунктѣ близъ Русской земли, Темиръ отправляетъ къ Витовту пословъ и убѣждаетъ его оставить вражду, такъ какъ онъ идетъ собственно не противъ него, Витовта, а противъ своего бѣглаго раба, Тохтамыша. „Зачѣмъ ты на меня пошелъ войною“ — велѣлъ онъ сказать Витовту; — „вѣдь я не трогалъ ни твоей земли, и не бралъ ни твоихъ селъ, ни

---

[1]) *Dlugosz*, lib. X, p. 526—528.

[2]) Дѣйствительно, съ вершинъ тянущихся по правому берегу р. Орели отдѣльныхъ холмовъ открывается на далекое пространство широкій горизонтъ, давая возможность окинуть взоромъ окружающую мѣстность по радіусу верстъ въ 30 слишкомъ.

городовъ?“ Какъ видно, тонъ рѣчи былъ вполнѣ мирный, даже нѣсколько заискивающій, но ничуть не вызывающій: на порогѣ къ столкновенію врагъ первый присылаетъ пословъ и говоритъ, что онъ, если и идетъ войной, то вовсе не противъ него, Витовта. Конечно, со стороны Темира это былъ тонкій маневръ, пущенный въ ходъ съ цѣлью вывѣдать истинное намѣреніе Витовта на счетъ его похода. Къ подобнаго же рода пріемамъ прибѣгали, какъ извѣстно, татары и въ 1224 году, когда они, узнавъ о движеніи русскихъ, дважды отправляли къ нимъ своихъ пословъ. Витовтъ, повидимому, не понялъ этого хитраго маневра. Вмѣсто удвоенной осторожности и осмотрительности, Витовтъ, напротивъ, поступилъ крайне опрометчиво и далъ врагу возможность одержать надъ нимъ верхъ. Предполагая, что врагъ застигнутъ врасплохъ, и что, наконецъ, настало время дать ему почувствовать свою силу, Витовтъ гордо отвѣтилъ: „Богъ покорилъ мнѣ всѣ земли—сказалъ онъ;—покорись же и ты мнѣ: будь мнѣ сыномъ, а я тебѣ буду отцомъ; ты долженъ будешь давать мнѣ ежегодно опредѣленныя дани и оброки. Если же ты не захочешь покориться добровольно, то знай, что будешь моимъ рабомъ, и вся твоя орда будетъ истреблена мечемъ!“ Получивъ такой отвѣтъ, татары сдѣлали видъ, что они смущены, и попросили три дня срока для размышленія и окончательнаго на этотъ счетъ рѣшенія. Конечно, и на этотъ разъ татары хитрили, но этой хитрости Витовтъ не замѣчалъ. На самомъ же дѣлѣ татары затягивали переговоры съ цѣлью выиграть время: они ожидали къ себѣ прихода военной помощи, и потому затягивали дѣло и старались до поры до времени не раздражать противника и не вызывать его на бой, чтобы затѣмъ вѣрнѣе одержать надъ нимъ побѣду. Когда же къ Темиру подошелъ съ войскомъ его искусный вождь Эдигей, тонъ татаръ относительно Витовта сразу измѣнился: татары рѣшаютъ вызвать Витовта на бой, приготовивъ заранѣе для него засаду.

Въ это время Витовтъ стоялъ на берегахъ р. Ворсклы. Старый мурза татарскій Эдигей подъѣхалъ къ р. Ворсклѣ и пригласилъ Витовта вступить съ нимъ въ переговоры. Витовтъ согласился. И вотъ, раздѣленные другъ отъ друга рѣкой, противники начали вести такія рѣчи. Первымъ заговорилъ Эдигей: „Слыхалъ я,—началъ этотъ хитрый татаринъ,—что ты хотѣлъ взять нашего хана въ сыновья—это правильно: ты старъ, а онъ молодъ. Но я, вотъ, старше еще и тебя, такъ что тебѣ подобаетъ быть моимъ сыномъ, и платить мнѣ дани, и клеймо мое чеканить на литовскихъ деньгахъ!“

Услыхавъ это, Витовтъ разсвирѣпѣлъ и велѣлъ своимъ войскамъ перейти рѣку и ударить на враговъ. Татары только этого и желали. Завлекая Витовта все дальше и дальше отъ его базы, татары удалили литовскія войска на значительное разстояніе отъ рѣки и, обошедши съ тылу, бросились на лагерь Витовта, разбили находившихся тамъ татаръ Тохтамыша, а затѣмъ, стиснувши съ двухъ сторонъ Витовтово войско, разбили его на-голову [1]). Вотъ какъ описываетъ эту битву историкъ Соловьевъ: „Сначала полки Витовтовы схватились съ полками Эдигеевыми; съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ самострѣловъ и пищалей; но пушки и пищали плохо дѣйствовали въ чистомъ полѣ. Не смотря на это, Витовтова рать крѣпко боролась, падали стрѣлы какъ дождь, и стали полки Витовтовы перемогать князя Эдигея. Но въ это время обошли кругомъ полки Темиръ-Кутлуевы, вступили въ битву и одолѣли силу литовскую. Тохтамышъ первый обратился въ бѣгство, и въ этомъ бѣгствѣ много народа побралъ и много литовской земли пограбилъ. Побѣдители взяли весь обозъ Витовта, который едва успѣлъ убѣжать съ небольшой дружиной“ [2]).

Такимъ образомъ, битва произошла за р. Ворсклой, въ полѣ, куда были завлечены войска Витовта.

Остается теперь опредѣлить, болѣе или менѣе точно, мѣсто, гдѣ происходила эта знаменитая битва.

Въ виду того, что Темиръ-Кутлукъ, какъ онъ самъ заявилъ черезъ пословъ Витовту, шелъ не на него, а на Тохтамыша, путь его долженъ былъ вести на правую сторону Днѣпра, и прежде всего— къ тѣмъ мѣстамъ послѣдняго, гдѣ находились удобныя переправы черезъ означенную рѣку. Близъ этихъ мѣстъ, повидимому, и остановились Темировы полчища. А что въ указанной мѣстности близъ Днѣпра, ниже устьевъ р. Ворсклы, находился давній, весьма удобный переходъ на другую сторону Днѣпра, видно изъ карты Боплана,

---

[1]) Витовтово войско, оказывается, было раздѣлено на двѣ части: одна, состоявшая изъ русскихъ, поляковъ, литовцевъ, нѣмцевъ и проч., представляла первое войско, которое шло впереди; а назади, при обозѣ находилось второе, въ составъ котораго входили татары Тохтамыша. Раздѣливъ такъ свои войска, Витовтъ разсчитывалъ, повидимому, на то, что Тохтамышъ будетъ защищать обозъ, а затѣмъ, въ случаѣ побѣды, его войска могутъ оказать большую услугу въ преслѣдованіи разстроеннаго непріятеля. Но татары Тохтамыша не только не оказали ему помощи, а, напротивъ, страшно повредили, обратившись въ бѣгство и разграбивъ при этомъ литовскій лагерь.

[2]) *Соловьевъ*, т. IV, гл. V, стр. 1034.

на которой, ниже р. Тясмина, помѣщены по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, лѣса — Nigra Silva — а внѣ лѣсовъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра находится такая надпись: Hic Scythae latitare donec omnes conveniant invasuri nostras regiones solent [1]). Выбирая, однако, эту мѣстность, Темиръ долженъ былъ также не выпускать изъ вида и другого, не менѣе важнаго пункта, а именно—того мѣста, откуда можно было ожидать движенія войскъ литовскаго князя. А мѣсто это, гдѣ проходила торная, постоянная дорога въ степи на днѣпровскомъ лѣвобережьи, была безспорно извѣстна Темиру. Этимъ путемъ совершались неоднократно походы въ степи, этимъ же путемъ, какъ извѣстно, прорывались и степняки въ русскія земли. Крайнимъ весьма важнымъ пунктомъ этого пути, расположеннымъ на пограничьи со степью, пунктомъ, имѣвшимъ большое отношеніе и къ днѣпровскому правобережью, въ виду существованія здѣсь удобной переправы черезъ Днѣпръ, было устье р. Ворсклы, съ расположеннымъ здѣсь давнимъ населеннымъ пунктомъ—Переволочной.

Вслѣдствіе естественныхъ условій мѣстности, представлявшей собой, подобно тому, какъ и на низовьяхъ р. Сулы, какъ бы ворота, черезъ которыя можно было легко проникать внутрь страны и выступать изъ нея, это мѣсто у низовьевъ Ворсклы являлось чрезвычайно важнымъ стратегическимъ пунктомъ, игравшимъ видную роль при движеніяхъ въ степи. Этимъ мѣстомъ шли русскіе во время похода на татаръ въ 1224 году; несомнѣнно, имъ пользовались неоднократно и въ другія времена. Къ движенію этимъ путемъ вызывали также характерныя особенности окружающей мѣстности: впереди, къ юго-востоку отъ низовьевъ р. Ворсклы, на правомъ берегу р. Орели, находились очень удобные, расположенные на возвышеніяхъ, стратегическіе пункты, откуда открывался широкій горизонтъ на далекое пространство вокругъ. Слѣдовательно, выступая въ степи, достигнуть вышеупомянутыхъ пунктовъ по р. Орели было чрезвычайно важно [2]). Такимъ образомъ, указанныя условія являлись одной изъ весьма сильныхъ причинъ, заставлявшихъ русскихъ, при движеніи въ степи, придерживаться указаннаго направленія. Кромѣ того, къ востоку отъ нижняго теченія р. Ворсклы, на разстилающейся здѣсь степной рав-

[1]) См. Атласъ Блау (Blaviauns), v. II, гдѣ помѣщены карты Боплана.

[2]) Принимая во вниманіе важныя стратегическія условія указанной мѣстности, можно полагать, что и расположенный близъ нея крупный населенный пунктъ,— Китай-Городъ, ведетъ свое начало со временъ глубокой древности, получивъ отъ осѣдавшаго тамъ съ востока населенія и свое настоящее имя.

нинѣ, находится множество разнаго рода кургановъ, окоповъ, длинныхъ валовъ со рвами при нихъ, извѣстныхъ среди мѣстныхъ жителей подъ именемъ *линіи*,—валовъ, аналогичныхъ по характеру своего устройства, мѣстоположенію и формѣ, съ такъ называемыми въ южной Руси *зміевыми валами*. Очевидно, край этотъ уже издревле подвергался какимъ-то нападеніямъ враговъ, противъ которыхъ собственно и воздвигались такія солидныя сооруженія.

Слѣдовательно, къ этому пункту и должны были направиться войска Витовта. А зная направленіе пути литовскаго войска, Темиръ сообразно этому и расположилъ своихъ татаръ въ удобныхъ, повидимому, скрытыхъ позиціяхъ, чтобы потомъ легче и вѣрнѣе поразить врага. Оставалось только выполнить хитро задуманный планъ—вызвать Витовта изъ его крѣпкой позиціи и поставить его внѣ ея защиты. А позиція Витовта на р. Ворсклѣ была, повидимому, довольно прочной: находясь подъ защитой р. Ворсклы, прикрываясь, съ другой стороны, р. Днѣпромъ, Витовтъ находился въ довольно выгодномъ положеніи, и его не такъ-то легко было обойти и побѣдить: двѣ стороны его войска были прикрыты водами рѣкъ, а двѣ другія было уже не столь трудно защитить [1]). Не то было бы, конечно, въ томъ случаѣ, если бы Витовтъ оставилъ свою базу на р. Ворсклѣ и перешелъ указанную рѣку: тогда послѣдняя была бы у него съ тыла; кромѣ того, чтобы отрѣзать Витовта совершенно отъ его базы, надо было завлечь его возможно дальше отъ рѣки—тогда являлась бы возможность продвинуть къ рѣкѣ часть войскъ и такимъ образомъ совершенно отрѣзать литовскимъ войскамъ путь къ отступленію, что, какъ извѣстно, и случилось.

Опытный Эдигей искуснымъ маневромъ успѣлъ выманить Витовта въ степь. Притворнымъ страхомъ татары возбудили смѣлость въ войскѣ Витовта, которое, не подозрѣвая засады, стремительно ударило на враговъ и потѣснило ихъ. Отодвигаясь все дальше и дальше въ степи, татары вмѣстѣ съ тѣмъ удаляли и войско Витовта отъ его базы, что собственно и составляло главную задачу ихъ плана: въ то время какъ одна часть войска Темира, сражаясь съ литовцами, отходила все глубже въ степь, другая его часть, воспользовавшись этимъ, сдѣлала глубокій обходъ по степи и, обрушившись на обозъ и охранявшихъ послѣдній татаръ Тохтамыша, разбила ихъ совершенно. Участь остальной

[1]) Намекомъ на то, что витовтовы войска и его лагерь съ татарами Тохтамыша находились близъ устья р. Ворсклы, служатъ остатки укрѣпленнаго городища, расположеннаго между м. Переволочной и Солошинымъ и носящаго названіе Тахтайки.

ного литовскаго войска была рѣшена: отрѣзанное отъ р. Ворсклы, стиснутое съ двухъ сторонъ татарской силой, имѣя съ одной стороны Днѣпръ, а съ другой — глубокую степь, литовское войско потерпѣло страшное пораженіе и почти все легло костьми на широкой степной равнинѣ....

Мы опредѣлили, такимъ образомъ, путемъ приведенныхъ соображеній, мѣсто, гдѣ погибло Витовтово войско. Къ сожалѣнію, дошедшіе до насъ источники, гдѣ трактуется объ указанной битвѣ, говорятъ о ней неясно, въ общихъ чертахъ, и на основаніи ихъ однихъ невозможно точно опредѣлить мѣсто этого знаменитаго боя. Несомнѣнно, однако, что пораженіе Витовта было столь крупнымъ, столь выдающимся, что остаться безъ всякаго отраженія въ памяти народной оно, конечно, никакъ не могло. Правда, протекшіе съ того времени вѣка, своими новыми событіями, могли сильно исказить или, по крайней мѣрѣ, наложить свой отпечатокъ на воспоминаніе объ этомъ крупномъ боѣ, но совсѣмъ стереть его, изгладить изъ народной памяти они не были въ состояніи. И вотъ, слабая, неясная, блѣдная тѣнь прошлаго, какъ далекое эхо, не вполнѣ ясное въ своихъ переливахъ, доносится до нашего времени и служитъ путеводною нитью въ разъясненіи давно забытаго прошлаго. Вотъ это преданіе, записанное мною въ м. Переволочномъ, отъ одной неграмотной старухи, слышавшей его отъ стараго дѣда: „Кажуть, що Лытва (sic!) колысь хотіла зовсімъ знычтожить, звесты значить Малороссію, и пошла войною на неи; такъ Семенъ Палій повернувъ діло такъ, що Лытва начала быться сама съ своимы: началы різатьця другъ съ другомъ, и стилкы погыбло Лытвы, що изъ іхъ трупивъ насыпалы велыку могылу у Переволочной: вся вона полнехенька костьмы. Крови кажуть, во время цёго сраженія було такъ багацько пролыто, що и съ конемъ сховався бы въ неи. Та могыла, де похованы убыты, называетьця „Плоскою могылой“... Это преданіе, какъ видно, перепутанное съ другими лицами и другими событіями, сохранило, однако, вѣрную основу, а именно— крупное сраженіе Литвы и гибель ея войска отъ какихъ-то несогласій въ средѣ послѣдняго [1]).

[1]) Интересно, что близъ м. Переволочнаго находится м. Кишенька, котораго названіе близко подходитъ къ тур.-татарскому слову *кешенъ*, означающему собой *надгробный памятникъ*. Быть можетъ, это мѣстечко получило свое имя отъ тѣхъ татаръ, которые были похоронены здѣсь послѣ боя въ 1399 г. На окраинѣ мѣстечка, на лѣвой сторонѣ р. Ворсклы, возвышается огромной величины курганъ, быть можетъ, скрывающій въ себѣ останки павшихъ здѣсь татаръ.

Витовтовъ походъ 1399 г., какъ и походъ русскихъ въ степи въ 1224-мъ году, имѣлъ въ своей основѣ, помимо причинъ политическихъ, еще и причины экономическія, главнымъ образомъ, торгово-промышленныя. Извѣстно, что до конца XV в. однимъ изъ самыхъ крупныхъ торговыхъ предпріятій европейскаго міра съ Азіей была торговля левантская. До открытія Америки и до отлива торгово-промышленныхъ силъ Европы на западъ, Левантская торговля занимала одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ виду того обстоятельства, что означенная торговля имѣла въ числѣ своихъ рынковъ не только прилегавшія къ морямъ страны, но и отдаленныя области, лежавшія въ глубинѣ Азіи, торговое движеніе совершалось и сухопутьемъ, и водой. Конечно, успѣшности и прогрессивному росту этой торговли должны были способствовать близкое соотношеніе и тѣсныя, переплетающіяся связи между нитями путей сухопутныхъ и путей морскихъ. Если одна часть этихъ путей находилась въ однѣхъ рукахъ, а другая—въ другихъ, то, конечно, торговыя операціи не могли совершаться со всей правильностью и безъ всякихъ препятствій: часто случалось, что стороны вступали между собою въ конфликтъ, результатомъ чего являлись задержки и застой въ дѣлахъ. Въ виду этого, главная задача тѣхъ, кто имѣлъ въ своихъ рукахъ одну половину, или одинъ видъ путей, напримѣръ, морскихъ, состояла въ томъ, чтобы включить въ кругъ своего вліянія, или своихъ операцій, и остальные пути, связавъ ихъ въ одно цѣлое. Извѣстно, что до конца XV ст. главные пути Левантской торговли шли черезъ Южную Русь, и однимъ изъ крупныхъ передаточныхъ пунктовъ, складочнымъ мѣстомъ для транзитныхъ товаровъ служилъ Кіевъ, откуда шли торговые тракты и на востокъ, къ Кавказу и Средней Азіи, и на югъ,—къ Крыму и побережьямъ Чернаго и Азовскаго морей. Понятно поэтому, насколько интересно и важно было для Кіева сохранить въ своихъ рукахъ промежуточныя между нимъ и приморскими побережьями мѣста, которыя служили какъ бы этапными пунктами при передвиженіи каравановъ. Эти промежуточныя, расположенныя на пограничьи со степями мѣста были, такимъ образомъ, чрезвычайно важными пунктами, отъ которыхъ въ значительной степени зависѣла успѣшность большинства торговыхъ съ Левантомъ операцій. Поэтому, какъ со стороны Кіева, такъ и со стороны приморскихъ торговыхъ поселеній, находившихся въ то время главнымъ образомъ въ рукахъ генуэзцевъ и венеціанъ, предпринимаются мѣры, направленныя къ тому, чтобы указанныя пограничныя мѣста находились въ ихъ рукахъ, или же, по крайней мѣрѣ, были съ ними въ дружествен-

ныхъ отношеніяхъ. Что касается Кіева и вообще всей южной Руси, то, конечно, сильно заинтересованные въ этомъ, они издавна держались одной политики—изыскивали всевозможныя мѣры къ тому, чтобы сохранить связи съ приморскими промышленными и культурными странами, а потому удержать и всѣ промежуточные, ведущіе къ нимъ пункты, было ихъ основной задачей. Понятны поэтому становятся и тѣ интенсивныя заботы русской земли о защитѣ своихъ пограничныхъ со степями окраинъ.

Съ другой стороны, къ тому же стремились и обладавшіе крупными приморскими торгово-промышленными центрами генуэзцы и венеціане, которымъ было чрезвычайно интересно имѣть на своей сторонѣ эти промежуточныя, расположенныя у порога степей мѣста, откуда можно было вести свободно торговлю съ болѣе или менѣе отдаленными пунктами восточной и западной Европы.

Въ виду того, что, по ограниченности своихъ боевыхъ средствъ, достичь цѣли собственными силами они не могли, эти предпріимчивые чужестранцы стараются воспользоваться наличностью находившейся здѣсь же вблизи крупной боевой силы,—татарами, и при ихъ помощи достигнуть желанной цѣли. Этотъ разсчетъ венеціанъ и генуэзцевъ, въ виду того положенія, какое занимали татары относительно восточнаго отдѣла левантской торговли и, отчасти, западнаго, былъ сдѣланъ съ полнымъ знаніемъ дѣла и обезпечивалъ имъ успѣхъ. Такимъ образомъ, эти предпріимчивые итальянцы, находясь въ давнихъ и дружественныхъ связяхъ съ татарами, могли, съ помощью послѣднихъ, осуществить то, чего достигнуть собственными силами они врядъ-ли были бы въ состояніи. Вотъ почему, полагаемъ, и происходитъ такая интенсивная и продолжительная борьба между татарами и Литвой, и послѣдняя мало-по-малу оттѣсняетъ этихъ восточныхъ пришельцевъ отъ предѣловъ южной Руси, а затѣмъ, пользуясь благопріятными моментами, пробивается къ берегамъ южно-русскихъ морей. Это была ожесточенная упорная борьба, гдѣ сталкивались двѣ крупныя силы: дряхлѣвшая Золотая Орда и возрождавшаяся Литовско-Русская земля. Зная прекрасно общественно-политическій строй Литовско-Русскаго государства и его важные стратегическіе пункты, татары и бьютъ въ нихъ, стараясь или захватить ихъ въ свои руки, или, по крайней мѣрѣ,—подорвать ихъ. Судя по тому, какъ относились татары къ подобнаго рода дѣламъ и раньше, въ XIII столѣтіи, можно полагать, что и въ концѣ XIV вѣка мотивы борьбы между татарами и Русью остаются прежними, съ той, конечно, разницей, что съ теченіемъ времени, съ развитіемъ рус-

ской жизни и расширеніемъ ея осѣдлости, съ ослабленіемъ и раздробленіемъ татарскаго могущества, эта борьба принимаетъ болѣе благопріятный для южной Руси характеръ, результатомъ чего явилось то, что, не смотря на крупные погромы, испытанные русско-литовскими войсками отъ татаръ, и на ихъ опустошительныя нашествія на южную Русь, послѣдняя неуклонно стремится къ завѣщанной ей историческими условіями задачѣ — пробиться къ берегамъ торговыхъ морей — и успѣваетъ въ этомъ: не смотря на крупное пораженіе въ 1399 году отъ татаръ и на опустошительное нашествіе Эдигея, въ 1416 году, на Кіевскую землю, Витовтъ достигъ таки, наконецъ, того, что утвердился на берегахъ Чернаго моря, поставивъ и Крымъ, и крупные пункты по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря въ зависимость отъ себя. Устроивъ торговую гавань на Черномъ морѣ, на мѣстѣ нынѣшней Одессы, Хаджи-бей, Витовтъ открылъ для Литвы и Руси путь къ торговымъ операціямъ съ Царьградомъ и другими культурными странами южной Европы.

Принимая во вниманіе вышесказанное, понятны намъ станутъ и тѣ походы, какіе предпринимались Витовтомъ къ подножьямъ Кавказа и берегамъ Крыма: Витовтъ продолжалъ политику Руси давняго, стараго времени, привлекая изъ отдаленныхъ, лежавшихъ поручь съ главной татарской силой мѣстъ степныхъ и горныхъ поселенцевъ и водворяя ихъ въ опасныхъ, пограничныхъ со степью своихъ окраинахъ, имѣвшихъ, какъ мы видѣли, большое отношеніе и къ политическимъ условіямъ тогдашней жизни, и къ условіямъ торгово-промышленнымъ. Извѣстно, что Витовтъ поселялъ въ своихъ предстепныхъ русскихъ окраинахъ выходцевъ изъ Кавказа, такъ называемыхъ кабардинцевъ и черкесовъ, стараясь помѣстить ихъ въ опасныхъ, но чрезвычайно важныхъ въ торгово-промышленномъ и политическомъ отношеніяхъ мѣстахъ. Онъ заселялъ ими главнымъ образомъ Приднѣпровье: мѣста близъ Черкасъ, Канева, Звенигорода и проч.; конечно, эти кавказскіе выходцы были поселяемы и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, главнымъ образомъ на степномъ пограничьи, свидѣтельствомъ чему служитъ извѣстное преданіе, занесенное въ Литовскую Метрику, преданіе о томъ, что пятигорскіе черкасы, вышедшіе въ южную Русь со своей княгиней, были поселены сначала въ области р. Самары (на Снепородѣ), а затѣмъ переведены и въ Каневъ и Черкасы [1]).

---

[1]) „Боянъ князь литовскій Гедиминъ, завоевавши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ и Черкасы Пятигорское, и приведъши Черкасовъ часть з княгинею ихъ,

Если ко всему сказанному прибавимъ, что во времена Витовта на островѣ Хортицѣ, за порогами, была устроена литовцами таможня для сбора пошлинъ съ шедшихъ черезъ нее товаровъ, и что для охраны одного изъ важныхъ пунктовъ переправы черезъ р. Днѣпръ Витовтъ построилъ замокъ при устьѣ р. Псла, въ мѣстности, гдѣ нынѣ лежитъ г. Кременчугъ, то предположеніе, что подкладкой столкновеній Витовта съ татарами служили не только политическія, но и экономическія причины, и что наиболѣе крупныя столкновенія между литовскимъ княземъ и татарами происходили близъ наиболѣе важныхъ въ торгово-промышленномъ и стратегическомъ отношеніи пунктовъ Приднѣпровья, — получитъ новое подтвержденіе, болѣе или менѣе основательное и правдоподобное. Слѣдовательно, и битва на р. Ворсклѣ вызывалась столько же политическими соображеніями, сколько и торгово-промышленными интересами, т. е. причинами экономическаго характера. Интересно отмѣтить, что крупныя столкновенія южно-русской земли съ татарами въ XIII, XIV и XV ст. имѣютъ много общихъ чертъ, какъ въ спеціально военномъ отношеніи, такъ и относительно исторической обстановки въ тѣ именно времена, когда они совершались. Разсматривая ихъ, не трудно замѣтить, что они по большей части совпадаютъ всякій разъ съ крупной борьбой между организованными въ компактные политическіе организмы степняками, боровшимися другъ съ другомъ изъ-за преобладанія въ юго-восточныхъ предѣлахъ Европы.

Насколько можно прослѣдить, борьба идетъ сначала между конкурирующими степняками, поставившими своей цѣлью овладѣніе южно-русскими приморскими окраинами степей. Но, удачно выполнивъ одну задачу, степняки, въ силу той связи, какая существовала между приморскими культурными странами и южной Русью, должны были послѣдовательно выполнить также и другую задачу, а именно — захватить въ свои руки южно-русскія предстепныя окраины, которыя являлись передаточными пунктами между Русью и приморскими культурными

посадилъ ихъ на Снепородѣ, а инъшихъ на Днѣпре, где теперь Черкасы сидятъ, а Снепородцевъ посадилъ на Днепрежъ у Каневе, и сидячи Снепородце на Днепре, у Каневе, предся отъчизны свои по речъкамъ инымъ Сивирскимъ уходити не переставали". Архивъ Юго-Западной Руси, ч. VII, т. I, стр. 103. Очевидно, здѣсь надо разумѣть не самого Гедимина, а скорѣе его сына Ольгерда, или же внука Витовта, и это, по всей вѣроятности, произошло вслѣдствіе того, что въ южной Руси въ разговорной рѣчи часто лицо называется не своимъ именемъ, а именемъ отца или дѣда; напримѣръ, внукъ Павла—Павленко, внукъ Петра—Петренко и т. д.

странами. Но на этомъ дѣло, конечно, не могло быть покончено: разъ начатое предпріятіе настоятельно требовало, чтобы татары, выполнивъ вышеупомянутыя двѣ задачи и утвердившись на степномъ порубежьи, не останавливались на этомъ, а шли дальше и доводили дѣло до конца, подчинивъ своей власти и ту землю — Кіевъ, которая имѣла огромное, можно сказать, первостепенное значеніе для всего обширнаго района земель, раскинувшихся по бассейнамъ крупныхъ южно-русскихъ рѣкъ и примыкающихъ къ побережьямъ Чернаго и Азовскаго морей. Конечно, пока шла борьба изъ-за первой полосы указанной области, именно — приморья, русь, уставшая, вслѣдствіе своихъ внутреннихъ междоусобицъ, не чувствовала еще непосредственной опасности отъ сосѣдства новой, не вполнѣ еще знакомой въ политическомъ отношеніи, силы. Но, когда татарскія полчища начали приближаться къ окраинамъ южной Руси,— опасность стала ясной, очевидной и настолько грозной, что для отраженія ея потребовалось поднять чуть не всѣ русскія земли. Такъ, когда въ 1224 г. татары сдѣлали нападеніе на половцевъ, они произвели вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе и на Крымъ и овладѣли ея крупнымъ центромъ, имѣвшимъ значительное въ политическомъ и торгово-промышленномъ отношеніи вліяніе, — Кафой. И только когда прибрежныя страны очутились въ рукахъ татаръ, послѣдніе двинулись къ южно-русскимъ степнымъ окраинамъ съ цѣлью ихъ захвата. Слѣдовательно, прежде чѣмъ приступить къ покоренію южной Руси, татары выполнили двѣ задачи: съ одной стороны, они захватили приморскія побережья, а, съ другой, — сдѣлали попытки утвердиться на той предстепной полосѣ, которая, какъ извѣстно, играла такую важную роль и въ торгово-промышленномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, калкскій походъ татаръ былъ только однимъ изъ предшествовавшихъ, такъ сказать, подготовительныхъ актовъ военнаго характера, передъ крупнымъ, задуманнымъ на широкихъ началахъ, движеніемъ на южную Русь, приведшимъ къ полному ея завоеванію въ половинѣ XIII столѣтія.

Точно также и въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ, раньше опустошительнаго движенія татаръ, предпринятаго подъ начальствомъ Эдигея на Кіевъ, мы видимъ крупную борьбу между соперничавшими другъ съ другомъ азіатскими властелинами—Тамерланомъ и великимъ ханомъ Золотой Орды — Тохтамышемъ. Собственно говоря, и теперь борьба ведется, главнымъ образомъ, изъ-за преобладанія въ прилегавшихъ къ морямъ степяхъ, потерявъ которыя, трудно было надѣяться

на сохраненіе доминирующей роли въ южной Руси. Зная это и предвидя, что вслѣдъ за захватомъ приморскихъ степей должно будетъ послѣдовать непремѣнно, въ силу тѣсной органической связи указанныхъ земель, движеніе Тимура и къ степному пограничью южной Руси, Тохтамышъ убѣгаетъ въ Кіевскую землю и старается убѣдить литовско-русскаго князя Витовта принять мѣры къ отраженію грозившей опасности, разультатомъ чего и были рядъ походовъ въ степи и битва на р. Ворсклѣ въ 1399 году.

Такимъ образомъ, и въ XIV вѣкѣ татары передъ движеніемъ на Кіевъ выполняютъ двѣ задачи: съ одной стороны, они захватываютъ приморскія степи и прилегающія къ нимъ земли, а съ другой,—бьютъ въ порубежныя мѣста Руси, стараясь подготовить здѣсь почву для будущихъ, болѣе обширныхъ предпріятій въ русскія земли. Слѣдовательно, и битва на р. Ворсклѣ 1399 года была какъ бы прелюдіей передъ крупнымъ нашествіемъ Эдигея на Кіевъ и его окрестности. Сопоставляя вышеупомянутыя движенія татаръ на русскія земли, не трудно подмѣтить, что какъ погромъ Кіева татарами въ 1240 году сдѣланъ былъ послѣ предварительной, разсчитанной заранѣе татарами подготовки въ степяхъ, состоявшей въ сокрушеніи тѣсно связанныхъ съ южной Русью порубежныхъ со степью пунктовъ и обитавшаго близъ ихъ полукочевого населенія, такъ и нашествіе Эдигея на Кіевъ и его окрестности произошло послѣ серьезной, предварительной подготовки въ степяхъ, результатомъ которой было крушеніе русско-литовскихъ силъ на берегахъ р. Ворсклы. Все это даетъ намъ право сдѣлать заключеніе, что оба столкновенія: и битва на Калкѣ, въ 1224 году, и битва на Ворсклѣ, въ 1399 году, имѣли между собою много общаго, какъ по тѣмъ причинамъ, какими они были вызваны, такъ и по тѣмъ цѣлямъ, какія при этомъ имѣлись въ виду, такъ, наконецъ, и по той мѣстности, въ районѣ которой онѣ происходили. Принимая во вниманіе вышесказанное, мы получаемъ возможность, имѣя извѣстныя указанія относительно одной изъ вышеупомянутыхъ битвъ, опредѣлить также болѣе или менѣе вѣрно и мѣсто другой битвы.

При сравненіи условій боевой жизни южной Руси въ XIV столѣтіи съ такими же ея условіями болѣе ранняго времени, мы получимъ слѣдующіе выводы:

1) Южная Русь и въ XIV вѣкѣ подвергается нападеніямъ кочевниковъ, при чемъ послѣдніе напираютъ главнымъ образомъ на ея степное пограничье.

2) Для защиты отъ набѣговъ примѣняются мѣры прежняго времени, а именно—укрѣпленіе пограничныхъ со степью линій и поселеніе на нихъ выходцевъ или изъ степей, или же изъ горныхъ странъ Кавказа.

3) Колонизаціонное движеніе степныхъ выходцевъ въ Русь имѣетъ направленіе главнымъ образомъ къ Приднѣпровью, а отсюда — на западъ, на правую сторону Днѣпра, куда мало-по-малу переходитъ и центръ тяжести этой колонизаціи. Сюда переселяются сначала половцы, а затѣмъ татары и другіе выходцы изъ степей, которые образуютъ защитную линію отъ Днѣпра до границъ Покутья.

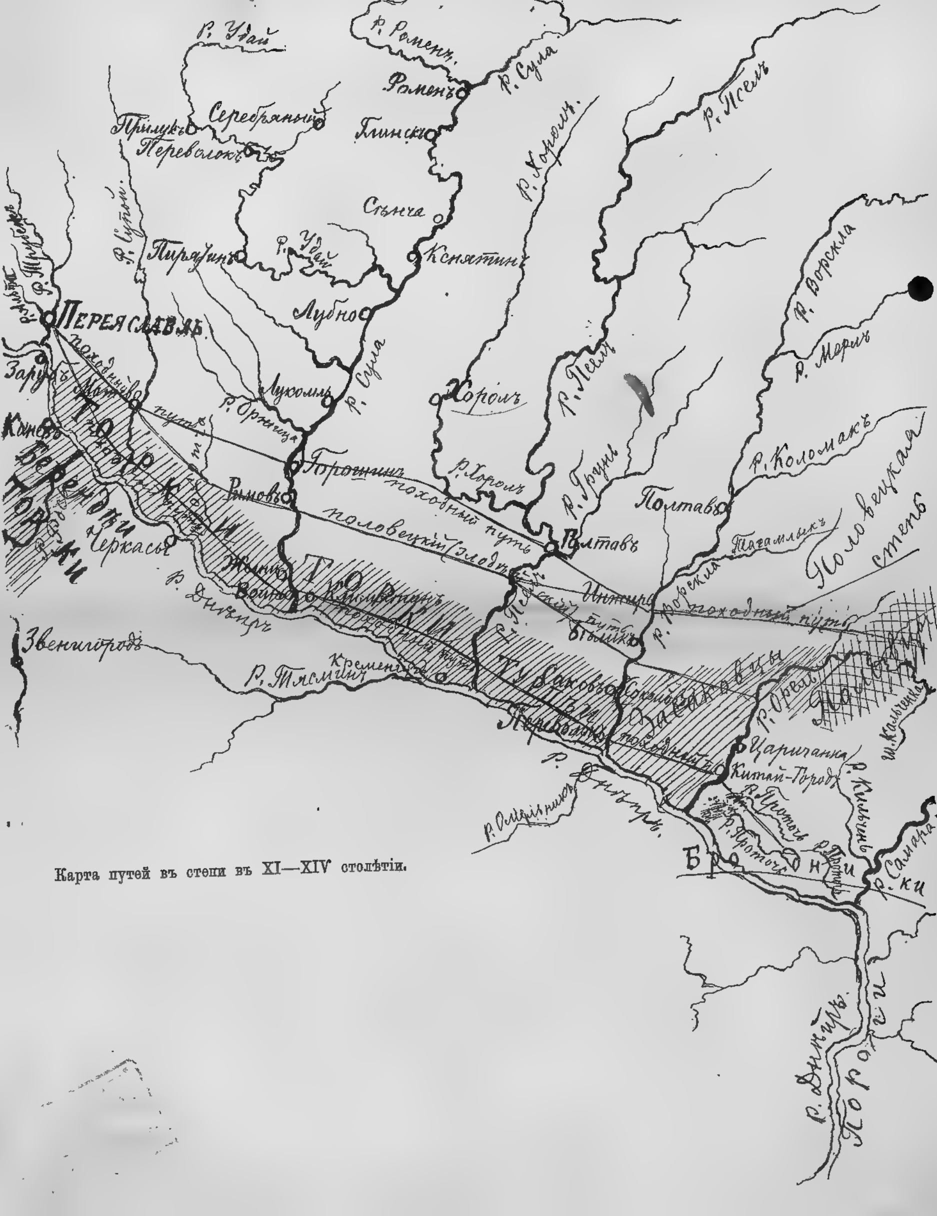
4) Главными пунктами этой колонизаціи являются мѣста Приднѣпровья, гдѣ Каневъ и Черкасы играютъ первую роль, благодаря расположенію на главной дорогѣ кочевническихъ передвиженій въ Русь. Вслѣдствіе этого устанавливаются постоянныя связи со многими мѣстами Днѣпровскаго лѣвобережья, особенно тѣхъ его частей, которыя имѣли сходныя условія боевой жизни и давали отъ себя переселенцевъ на правую сторону Днѣпра.

5) Движеніе противъ татаръ и битвы съ ними происходятъ не въ силу однихъ только соображеній политическаго характера, но и благодаря экономическимъ причинамъ.

6) Наиболѣе крупныя столкновенія литовской Руси съ татарами происходятъ близъ важныхъ въ военно-политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ пунктовъ, на перекрестьи стратегическихъ и торговыхъ дорогъ.

7) Результатомъ принимавшихся литовско-русскимъ государствомъ мѣръ для борьбы противъ татаръ было, съ одной стороны,—усиленіе и отступленіе къ югу пограничной со степями защитной полосы, а съ другой, какъ слѣдствіе этого,—переходъ подъ власть литовско-русскаго князя приморскихъ побережій и утвержденіе его суверенитета надъ большею частью южно-русскихъ степей.

В. Ляскоронскій.



Карта путей въ степи въ XI—XIV столѣтіи.

КОПИРОВАНИЕ

5.12.02.

было, потому что не было даже
производства и не было соотве
а. Но если мы перейдем к тако
имеют то же название и работа
вовала и раньше, то и то у нас
самом деле, что общего между
ошим на ко[illegible]стильной фаб